

Лени Пфайфер, урожденная Груйтен, немка. Ей сорок восемь лет, она все ещё красива — а в молодости была истинной красавицей: блондинка, с прекрасной статной фигурой. Не работает, живет почти что в нищете; её, возможно, выселят из квартиры, вернее, из дома, который некогда принадлежал ей и который она по легкомыслию потеряла в годы инфляции (сейчас на дворе 1970 г., Германия уже сыта и богата). Лени — странная женщина; автору, от лица которого идет повествование, доподлинно известно, что она «непризнанный гений чувственности», но в то же время он вызнал, что Лени за всю жизнь была близка с мужчиной раз двадцать пять, не более, хотя многие мужчины и сейчас её вожделяют. Любит танцевать, часто танцует полуголая или совсем нагая (в ванной); играет на фортепьяно и «достигла некоторого мастерства» — во всяком случае, два этюда Шуберта играет великолепно. Из еды больше всего любит свежайшие булочки, выкуривает не больше восьми сигарет в день. И вот что ещё удалось узнать автору: соседи считают Лени шлюхой, потому, очевидно, что она им непонятна. И ещё: она чуть ли не ежедневно видит на экране телевизора Деву Марию, «всякий раз удивляясь, что Дева Мария тоже блондинка и тоже не такая уж юная». Они смотрят друг на друга и улыбаются... Лени — вдова, муж погиб на фронте. У нее есть сын двадцати пяти лет, он сейчас в тюрьме.

По-видимому, выяснив все это, автор и задался целью понять Лени, узнать о ней как можно больше, причем не от нее — она слишком молчалива и замкнута, — а от её знакомых, друзей и даже врагов. Так он и начал писать этот портрет десятков людей, в том числе тех, кто вовсе не знает Лени, но может рассказать о людях, некогда для нее важных.

Одна из двух близких подруг героини, Маргарет, сейчас лежит в больнице, умирая от какой-то страшной венерической болезни. (Автор утверждает, что она куда менее чувственна, чем Лени, но просто не могла отказать в близости ни одному мужчине.) От нее мы узнаем, например, что Лени лечила слюной и наложением рук и своего сына, и его отца — единственного мужчину, которого она по-настоящему любила. Маргарет же дает первые сведения о человеке, оказавшем сильнейшее влияние на Лени, когда она, ещё подростком, жила и училась при монастыре. Это монахиня, сестра Рахиль Гинцбург, существо совершенно феерическое. Она проходила курс в трех лучших университетах Германии, была доктором биологии и эндокринологии; её много раз арестовывали ещё во время первой мировой войны — за пацифизм; христианство приняла тридцати лет (в 1922 г.)... И представьте себе, эта высокоученая женщина не имела права преподавать, она служила уборщицей при туалетах в монастырском интернате и, против всех правил приличия, учила девиц судить об их здоровье по калу и моче. Она видела их насквозь и воистину учила их жизни. Лени навещала её и годы спустя, когда сестру Рахиль изолировали от мира, заперли в монастырском подвале.

Почему, за что? Да потому, что общий фон группового портрета — флаг со свастикой. Ведь Лени было всего одиннадцать лет, когда наци пришли к власти, и все развитие героини прошло под знаком свастики, как и все события вокруг нее. Так вот, с самого начала своего владычества наци объявили католическую церковь вторым врагом Германии после евреев, а сестра Рахиль была и католичкой, и еврейкой. Потому начальство ордена отстранило её от преподавания и спрятали под фартуком уборщицы, а затем — за дверь подвала: её спасали от гибели. Но после смерти сестры Рахили, как бы опровергая «коричневую» реальность Германии, реальность войны, арестов, расстрелов, Доносов, на могиле монахини сами собой вырастают розы. И цветут вопреки всему. Тело хоронят на другом месте — розы цветут и там. Её кремируют — розы вырастают там, где нет земли, где один камень, и цветут...

Да, странные чудеса сопутствуют Лени Пфайфер... Маленькое чудо происходит и с самим автором, когда он приезжает в Рим, чтобы узнать побольше о сестре Рахили. В главной резиденции ордена он знакомится с очаровательной и высокоученой монахиней, она рассказывает ему историю с розами — и вскоре покидает монастырь, чтобы стать подругой автора. Так-то вот. Но увы, для самой Лени чудеса, даже светлые, всегда имеют скверный конец — но об этом чуть позже, сначала зададимся вопросом: кто, кроме Рахили, возвращал эту странную женщину? Отец, Губерт Груйтен — есть и его портрет. Простой рабочий «выбился в люди», основал строительную фирму и стал стремительно богатеть, строя укрепления для гитлеровцев. Не очень понятно, ради чего он наживал деньги — все равно «бросал их кипами, пачками», как говорит другой свидетель. В 1943 г. учинил совсем непонятное: основал фиктивную фирму, с фиктивными оборотами и служащими. Когда дело раскрылось, его едва не казнили — приговорили к пожизненному заключению с конфискацией имущества. (Интереснейшая подробность: разоблачили его потому, что в списках русских рабочих-военнопленных оказались имена Раскольников, Чичикова, Пушкина, Гоголя, Толстого...) Правда, Груйтен пустился в эту эскаладу после гибели сына Генриха, служившего в оккупационной армии в Дании. Генриха расстреляли вместе с его двоюродным братом Эрхардом: юноши пытались продать какому-то датчанину пушку; это был протест — продавали за пять марок.

А Лени... Она потеряла брата, перед которым преклонялась, и жениха — она любила Эрхарда. Может быть, из-за этой двойной потери и пошла кувырком её жизнь. Может быть, потому она и вышла внезапно замуж за человека

совершенно ничтожного (он погиб через три дня после свадьбы; автор тем не менее дает очень подробный его портрет).

Сверх всех несчастий после осуждения отца Лени перестала быть богатой наследницей, и её послали отбывать трудовую повинность.

Снова маленькое чудо: благодаря какому-то высокому покровительству она попала не на военное предприятие, а в садоводство — плести венки; венков в те годы требовалось много. Лени оказалась талантливой плетельщицей, и владелец садоводства Пельцер не мог на нее нарадоваться. А кроме того, влюбился в нее — как большинство её знакомых мужчин.

И туда же, в садоводство, приводили на работу военнопленного лейтенанта Красной Армии Бориса Львовича Колтовского. Лени полюбила его с первого взгляда, и он конечно же не устоял перед юной белокурой красавицей. Узнай власти об этом романе, обоих бы казнили, но благодаря очередному чуду на влюбленных никто не донес.

Автор приложил огромные усилия, чтобы выяснить, каким это образом русский офицер избежал концлагеря «со смертностью 1:1» и был переведен в лагерь «с чрезвычайно низкой смертностью 1:5, 8»? И сверх того, из этого лагеря его не посылали, как всех, тушить горящие дома или разбирать завалы после бомбежек, а отправляли плести венки... Оказалось, что отец Бориса, дипломат и разведчик, служа до войны в Германии, завел знакомство с неким «высокопоставленным лицом», обладавшим огромным влиянием и до, и после, и во время войны. Когда Борис попал в плен, его отец ухитрился сообщить об этом знакомцу, и тот сложнейшим путем нашел Бориса среди сотен тысяч пленных, перевел его — не сразу, шаг за шагом, — в «хороший» лагерь и пристроил на легкую работу.

Возможно, из-за контакта с «лицом» Колтовского-старшего отозвали из его резидентуры в Германии и расстреляли. Да, таков уж рефрен этого повествования: расстрелян, погиб, посажен, расстрелян...

...Они могли любить друг друга только днем — на ночь Бориса уводили в лагерь, — и только во время воздушных налетов, когда полагалось укрываться в бомбоубежище. Тогда Лени и Борис уходили на соседнее кладбище, в большой склеп, и там, под грохот бомб и свист осколков, они и зачали сына. (По ночам, дома, — рассказывает Маргарет, — Лени ворчала: «Почему они не летают днем? Когда же опять прилетят среди дня?»)

Опасная эта связь продолжалась до конца войны, причем Лени проявила несвойственную ей хитрость и изворотливость: сначала нашла фиктивного отца будущему ребенку, потом все же сумела зарегистрировать дитя как Колтовского; самому Борису заготовила немецкую солдатскую книжку — на тот момент, когда уйдут наци и появятся американцы. Они пришли в марте, и четыре месяца Лени с Борисом прожили в нормальном доме, вместе, и вместе лелеяли ребенка и пели ему песни. Борис не захотел сознаться, что он русский, и оказался прав: скоро русских «погрузили в вагоны и отправили на родину, к отцу всех народов Сталину». Но уже в июне его арестовал американский патруль, и Бориса послали — как немецкого солдата — на шахты в Лотарингию. Лени исколесила на велосипеде весь север Германии и в ноябре нашла его наконец — на кладбище: в шахте произошла катастрофа, и Борис погиб.

В сущности, здесь конец истории Лени Пфайфер; как мы знаем, жизнь её продолжается, но жизнь эта словно определяется теми, давними, месяцами, проведенными рядом с Борисом. Даже то, что её пытаются выселить из квартиры, в какой-то мере с этим связано. И то, что её сын, родившийся в день чудовищной многочасовой бомбежки, угодил в тюрьму за мошенничество, тоже соотносится с любовью Лени к Борису, хотя и не вполне ясным образом. Да, жизнь продолжается. Однажды Мехмед, турок-мусорщик, стал на коленях просить Лени о любви, и она сдалась — по-видимому, из-за того, что не может вынести, когда человек стоит на коленях. Теперь она снова ждет ребенка, и её не волнует то, что у Мехмеда в Турции остались жена и дети.

«Нужно и впредь стараться ехать в земной карете, запряженной небесными конями» — вот последние слова, услышанные от нее автором.

Автор пересказа неизвестен

Генрих Теодор Бёлль
Бильярд в половине десятого

6 сентября 1958 г. В этот день одному из главных героев романа, архитектору Генриху Фемелю, исполняется семьдесят лет. Юбилей — хороший повод для того, чтобы оценить прожитую жизнь. Более пятидесяти лет назад он появился в этом городе, едва ли не в последний момент подал на конкурс свой проект возведения аббатства Святого

Антония и — безвестный чужак — победил остальных претендентов. С первых же шагов в незнакомом городе Генрих Фемель хорошо представляет себе будущую жизнь: женитьба на девушке из какого-нибудь знатного семейства, много детей — пять, шесть, семь, — множество внуков, «пятью семь, шестью семь, семью семь»; он видит себя во главе рода, видит дни рождения, свадьбы, серебряные свадьбы, крестины, младенцев-правнуков... Жизнь обманывает ожидания Генриха Фемеля. Тех, кто собирается на его восьмидесятилетие, можно пересчитать буквально по пальцам одной руки. Это сам старик, его сын Роберт Фемель, внуки — Иозеф и Рут, и приглашенная Генрихом секретарша Роберта Леонора, Второй сын, Отто, ещё в юности сделался чужд своей семье, примкнув к тем, кто принял «причастие буйвола» (так в романе обозначена принадлежность к кругам немецкого общества, зараженным идеями агрессии, насилия, шовинизма, готовым утопить мир в крови), ушел воевать и погиб.

Жена Генриха Фемеля содержится в «санатории», привилегированной лечебнице для душевнобольных. Не принимая существующей действительности, Иоганна позволяет себе весьма смелые высказывания по адресу сильных мира сего, и, чтобы уберечь, её приходится держать взаперти. (Хотя Генрих Фемель, перестав лукавить перед собой, сознается, что согласен и всегда был согласен с мыслями и высказываниями жены, но не имел мужества открыто заявить об этом.)

Роберт Фемель ещё гимназистом дает клятву не принимать «причастие буйвола» и не изменяет ей. В юности он вместе с группой сверстников вступает в борьбу с фашизмом (олицетворением фашизма для них служит учитель физкультуры Бен Уэкс, за покушение на которого один из подростков, Ферди Прогульски, расплачивается жизнью) и вынужден, жестоко избитый бичами из колючей проволоки, бежать из страны. Через несколько лет амнистированный Роберт возвращается в Германию к родителям, жене Эдит и родившемуся без него Иозефу. Он служит в армии, но его служба оборачивается мстостью за погибших друзей. Роберт подрывник, он «обеспечивает сектор обстрела» и без сожаления уничтожает архитектурные памятники, в числе которых построенное отцом аббатство Святого Антония, взорванное им без особой надобности за три дня до конца войны. («Я отдал бы двести аббатств за то, чтобы вернуть Эдит, Отто или незнакомого мальчика...») — вторит ему и Генрих Фемель.) Жена Роберта, Эдит, погибает при бомбежке. После войны Роберт возглавляет «контору по статическим расчетам», на него работают всего три архитектора, которым Леонора рассылает немногочисленные заказы. Он обрекает себя на добровольное затворничество: на красной карточке, которую Роберт когда-то давно дал Леоноре, значится: «Я всегда рад видеть мать, отца, дочь, сына и господина Шреллу, но больше я никого не принимаю». По утрам, с половины десятого до одиннадцати, Роберт играет в бильярд в отеле «Принц Генрих» в обществе отельного боя, Гуго. Гуго чист душою и бескорыстен, не подвластен соблазнам. Он принадлежит к «агнцам», как погибшая Эдит, как её брат Шрелла.

Шрелла — друг юности Роберта Фемеля. Как и Роберт, он был вынужден под страхом смертной казни покинуть Германию и возвращается только теперь, чтобы повидаться с Робертом и своими племянниками.

Шестое сентября 1958 г. становится поворотным днем и для Генриха Фемеля, и для его сына, В этот день, осознав ложность следования логике собственного надуманного образа, он порывает с давно тяготившей его привычкой ежедневно посещать кафе «Кронер», отказывается принять подарок от фашиствующего Греца, владельца мясной лавки, и символически заносит нож над присланным из кафе юбилейным тортом в виде аббатства Святого Антония.

Роберт Фемель в этот день демонстрирует своему бывшему однокашнику, Нетглингеру, приверженцу «буйволов», что прошлое не забыто и не прощено. В этот же день он усыновляет «агнца» Гуго, берет на себя ответственность за него.

И для Иозефа Фемеля, внука Генриха и сына Роберта, молодого архитектора, этот день становится решающим. Увидев пометки отца на обломках стен аббатства Святого Антония, четкий почерк, знакомый ему с детства, неумолимо свидетельствующий о том, что аббатство взорвал отец, Иозеф переживает кризис и в конце концов отказывается от почетного и выгодного заказа, от руководства восстановительными работами в аббатстве.

Иоганна Фемель, которую по случаю семейного праздника отпускают из лечебницы, тоже совершает решительный шаг — она стреляет из давно заготовленного пистолета в министра, господина М. (у которого «морда, как у буйвола»), стреляет как в будущего убийцу своего внука.

Подведены итоги прошедшей жизни. И для собравшихся в мастерской старого архитектора (здесь, кроме хозяина, Роберт с новообретенным сыном Гуго, Шрелла, Иозеф с невестой, Рут и Леонора) начинается новый день, 7 сентября.

Автор пересказа неизвестен

Действие происходит в Австро-Венгрии, до Ноябрьской революции 1918 г.

К., молодой человек примерно тридцати лет, прибывает в Деревню поздним зимним вечером. Он устраивается на ночлег на постоялом дворе, в общей комнате среди крестьян, замечая, что хозяин чрезвычайно смущен приходом незнакомого гостя. Заснувшего К. будит сын смотрителя Замка, Шварцер, и вежливо объясняет, что без разрешения графа — владельца Замка и Деревни, здесь никому не разрешается жить или ночевать. К. сначала недоумевает и не принимает это заявление всерьез, но, видя, что его собираются выгнать среди ночи, с раздражением объясняет, что прибыл сюда по вызову графа, на работу в должности землемера. Вскоре должны подъехать его помощники с приборами. Шварцер звонит в Центральную канцелярию Замка и получает подтверждение словам К. Молодой человек отмечает для себя, что работают в Замке, как видно, на совесть, даже по ночам. Он понимает, что Замок «утвердил» за ним звание землемера, знает о нем все и рассчитывает держать в постоянном страхе. К. говорит себе, что его явно недооценивают, он будет пользоваться свободой и бороться.

Утром К. отправляется к Замку, расположенному на горе. Дорога оказывается длинной, главная улица не ведет, а только приближается к Замку, а потомкуда-то сворачивает.

К. возвращается на постоянный двор, где его ожидают два «помощника», знакомые ему молодые парни. Они называют себя его «старыми» помощниками, хотя признают, что землемерную работу не знают. К. ясно, что они прикреплены к нему Замком для наблюдения. К. хочет ехать с ними на санях в Замок, но помощники заявляют, что без разрешения посторонним нет доступа в Замок. Тогда К. велит помощникам звонить в Замок и добиваться разрешения. Помощники звонят и мгновенно получают отрицательный ответ. К. сам снимает трубку и долго слышит непонятные звуки и гудение, прежде чем ему отвечает голос. К. мистифицирует его, говоря не от своего имени, а от имени помощников. В результате голос из Замка называет К. его «старым помощником» и дает категорический ответ — К. навсегда отказано в посещении Замка.

В этот момент посыльный Варнава, молоденький парнишка со светлым открытым лицом, отличающимся от лиц местных крестьян с их «словно нарочно исковерканными физиономиями», передает К. письмо из Замка. В письме за подписью начальника канцелярии сообщается, что К. принят на службу к владельцу Замка, а непосредственным его начальником является староста Деревни. К. решает работать в Деревне, подальше от чиновников, рассчитывая стать «своим» среди крестьян и тем самым хоть чего-то добиться от Замка. Между строк он вычитывает в письме некую угрозу, вызов к борьбе, если К. согласится на роль простого работника в Деревне. К. понимает, что вокруг все уже знают о его прибытии, подглядывают и приглядываются к нему.

Через Варнаву и его старшую сестру Ольгу К. попадает в гостиницу, предназначенную для господ из Замка, приезжающих в Деревню по делам. Ночевать в гостинице посторонним запрещается, место для К. — только в буфете. В этот раз здесь ночует важный чиновник Кламм, имя которого известно всем жителям Деревни, хотя мало кто может похвастаться, что видел его своими глазами,

Буфетчица Фрида, подающая пиво господам и крестьянам, важная персона в гостинице. Это невзрачная девушка с печальными глазами и «жалким тельцем». К. поражен её взглядом, полным особого превосходства, способным решить многие сложные вопросы. Её взгляд убеждает К., что такие вопросы, касающиеся лично его, существуют.

Фрида предлагает К. посмотреть на Кламма, находящегося в смежной с буфетом комнате, через потайной глазок. К. видит толстого, неуклюжего господина с обвисшими под тяжестью лет щеками. Фрида любовница этого влиятельного чиновника, поэтому и сама имеет большое влияние в Деревне. На должность буфетчицы она пробилась прямо из скотниц, и К. выражает восхищение её силой воли. Он предлагает Фриде бросить Кламма и стать его любовницей. Фрида соглашается, и К. проводит ночь под стойкой буфета в её объятиях. Когда под утро из-за стены раздаётся «повелительно-равнодушный» зов Кламма, Фрида дважды с вызовом отвечает ему, что она занята с землемером.

Следующую ночь К. проводит с Фридой в комнатенке на постоялом дворе, почти в одной постели с помощниками, от которых он не может избавиться. Теперь К. хочет поскорее жениться на Фриде, но прежде, через нее, намерен поговорить с Кламмом. Фрида, а затем хозяйка постоялого двора Гардена убеждают его, что это невозможно, что Кламм не будет, даже не может разговаривать с К., ведь господин Кламм — человек из Замка, а К. не из Замка и не из Деревни, он — «ничто», чужой и лишний. Хозяйка сожалеет, что Фрида «оставила орла» и «связалась со слепым кротом».

Гардена признается К., что больше двадцати лет назад Кламм три раза вызывал её к себе, четвертого раза не последовало. Она хранит как самые дорогие реликвии чепчик и платок, подаренные ей Кламмом, и фотографию курьера, через которого была вызвана первый раз. Гардена вышла замуж с вedom Кламма и долгие годы по ночам говорила с мужем только о Кламме. К. нигде ещё не видел такого переплетения служебной и личной жизни, как здесь.

От старосты К. узнает, что распоряжение о подготовке к прибытию землемера было им получено уже много лет назад. Староста сразу же отправил в канцелярию Замка ответ, что землемер никому не нужен в Деревне. Видимо, этот ответ попал не в тот отдел, произошла ошибка, признать которую было нельзя, потому что возможность ошибок в канцелярии исключена вообще. Однако контрольные инстанции позже признали ошибку, и один чиновник заболел. Незадолго до прибытия К. история пришла, наконец, к благополучному концу, то есть — к отказу от землемера. Неожиданное появление К. теперь сводит к нулю всю многолетнюю работу. В доме старосты и в амбарах хранится корреспонденция Замка. Жена старосты и помощники К. вытряхивают из шкафов все папки, но найти нужное распоряжение им так и не удается, как не удается и сложить папки на место.

Под давлением Фриды К. принимает предложение старосты занять место школьного сторожа, хотя от учителя он узнает, что сторож нужен Деревне не больше, чем землемер. К. и его будущей жене негде жить, Фрида пытается создать подобие семейного уюта в одном из классов школы.

К. приходит в гостиницу, чтобы застать там Кламма. В буфете он знакомится с преемницей Фриды, цветущей девицей Пепи, и выясняет от нее, где находится Кламм. К. долго подстерегает чиновника во дворе на морозе, но Кламм все же ускользает. Его секретарь требует от К. пройти процедуру «допроса», ответить на ряд вопросов для составления протокола, подшиваемого в канцелярии. Узнав, что сам Кламм за нехваткой времени протоколов не читает, К. убегает.

По дороге он встречает Варнаву с письмом от Кламма, в котором тот одобряет землемерные работы, проводимые К. с его ведома, К. считает это недоразумением, которое Варнава должен разъяснить Кламму. Но Варнава уверен, что Кламм не станет и слушать его.

К. с Фридой и помощниками спят в гимнастическом зале школы. Утром их застают в постели учительница Гиза и устраивает скандал, сбрасывая со стола линейкой остатки ужина на глазах у довольных детей. У Гизы есть поклонник из Замка — Шварцер, но она любит только кошек, а поклонника терпит.

К. замечает, что за четыре дня совместной жизни с его невестой происходит странная перемена. Близость к Кламму придавала ей «безумное очарование», а теперь она «увядает» в его руках. Фрида страдает, видя, что К. мечтает лишь о встрече с Кламмом. Она допускает, что К. легко отдаст её Кламму, если тот того потребует. Вдобавок она ревнует его к Ольге, сестре Варнавы.

Ольга, умная и самоотверженная девушка, рассказывает К. грустную историю их семьи. Три года назад на одном из деревенских праздников чиновник Сортини не мог отвести глаз от младшей сестры, Амалии. Утром курьер доставил Амалии письмо, составленное в «гнусных выражениях», с требованием явиться в гостиницу к Сортини. Возмущенная девушка порвала письмо и бросила клочки в лицо посыльному, должностной особе. Она не пошла к чиновнику, а ни одного чиновника в Деревне не отталкивали. Совершив такие проступки, Амалия навлекла проклятие на свою семью, от которой отшатнулись все жители. Отец, лучший сапожник в Деревне, остался без заказов, лишился заработка. Он долго бегал за чиновниками, поджидая их у ворот Замка, молил о прощении, но его никто не желал выслушивать. Наказывать семью было излишним, атмосфера отчуждения вокруг нее сделала свое дело. Отец и мать с горя превратились в беспомощных инвалидов.

Ольга понимала, что люди боялись Замка, они выжидали. Если бы семья замяла всю историю, вышла к односельчанам и объявила, что все улажено благодаря их связям, Деревня приняла бы это. А все члены семьи страдали и сидели дома, в результате они оказались исключенными из всех кругов общества. Терпят только Варнаву, как самого «невинного». Для семьи главное — чтобы он был официально оформлен на службе в Замке, но даже этого узнать точно нельзя. Возможно, решение о нем ещё не принято, в Деревне в ходу поговорка: «Административные решения робки, как молоденькие девушки». Варнава имеет доступ к канцеляриям, но они — часть других канцелярий, потом идут барьеры, а за ними снова канцелярии. Барьеры есть кругом, так же как и чиновники. Варнава и рта не смеет раскрыть, выстаивая в канцеляриях. Он уже не верит, что его по-настоящему приняли на службу в Замке, и не проявляет рвения в передаче писем из Замка, делая это с опозданием. Ольга сознает зависимость семьи от Замка, от службы Варнавы, и чтобы получить хоть какую-то информацию, она спит со слугами чиновников на конюшне.

Измученная неуверенностью в К., уставшая от неустроенной жизни, Фрида решает вернуться в буфет, Она берет с собой Иеремию, одного из помощников К., которого знает с детства, надеясь создать с ним семейный очаг.

Секретарь Кламма Эрлангер хочет принять К. ночью в своем гостиничном номере. В коридоре уже ждут люди, в том числе знакомый К. конюх Герстекер. Все рады ночному вызову, сознают, что Эрлангер жертвует своим ночным сном по доброй воле, из чувства долга, ведь в его служебном расписании времени для поездок в Деревню нет. Так делают многие чиновники, проводя прием либо в буфете, либо в номере, по возможности за едой, а то даже и в постели.

В коридоре К. случайно сталкивается с Фридой и пытается снова завоевать её, не желая отдавать «неаппетитному» Иеремии. Но Фрида упрекает его в измене с девицами из «опозоренной семьи» и в равнодушии и убегает к заболевшему Иеремии.

После встречи с Фридой К. не может найти комнату Эрлангера и заходит в ближайшую в надежде ненадолго соснуть. Там дремлет другой чиновник, Бюргель, который рад слушателю. Приглашенный им присесть, К. валится на его постель и засыпает под рассуждения чиновника о «непрерывности служебной процедуры». Вскоре его требует к себе Эрлангер. Стоя в дверях и собираясь уходить, секретарь говорит, что Кламму, привыкшему получать пиво из рук Фриды, появление новой служанки Пеппи мешает в его ответственной работе. Это нарушение привычки, а малейшие помехи в работе следует устранять. К. должен обеспечить немедленное возвращение Фриды в буфет. Если он оправдает доверие в этом «небольшом дельце», это может оказаться полезным его карьере.

Понимая полную бесполезность всех своих стараний, К. стоит в коридоре и наблюдает за оживлением, которое началось в пять часов утра. Шумные голоса чиновников за дверями напоминают ему «пробуждение в птичнике». Служители развозят тележку с документами и по списку раздают их чиновникам по комнатам. Если дверь не открывается, документы складываются на полу. Одни чиновники «отбиваются» от документов, другие, напротив, «претендуют», выхватывают, нервничают.

Хозяин гостиницы гонит К., не имеющего права разгуливать здесь, «как скотина на выпасе». Он объясняет, что цель ночных вызовов состоит в том, чтобы побыстрее выслушать посетителя, чей вид днем господам чиновникам невыносим. Услышав, что К. побывал на приеме у двух секретарей из Замка, хозяин разрешает ему переночевать в пивном зале.

Заменявшая Фриду краснощекая Пеппи сокрушается, что её счастье было так коротко. Кламму не появился, а ведь она готова была бы на своих руках отнести его в буфет.

К. благодарит хозяйку гостиницы за ночлег. Она заводит с ним разговор о своих платьях, вспомнив его случайное замечание, которое её задело. К. проявляет определенный интерес к внешности хозяйки, к её нарядам, обнаруживает вкус и знание моды. Надменно, но заинтересованно хозяйка признает, что он может стать для нее незаменимым советчиком. Пусть он ждет её вызова, когда придут новые наряды.

Конюх Герстекер предлагает К. работу на конюшне. К. догадывается, что Герстекер с его помощью надеется чего-нибудь добиться у Эрлангера. Герстекер не отрицает этого и ведет К. в свой дом на ночлег. Мать Герстекера, читающая книгу при свете свечи, подает К. дрожашую руку и усаживает рядом с собой.

Автор пересказа неизвестен

Герман Гессе
Игра в бисер

Действие происходит в далеком будущем. Непогрешимый Магистр Игры и герой Касталии Иозеф Кнехт, достигнув пределов формального и содержательного совершенства в игре духа, ощущает неудовлетворенность, а затем разочарование и уходит из Касталии в суровый мир за её пределами, чтобы послужить конкретному и несовершенному человеку. Касталийский Орден, Магистром которого является герой, — это общество хранителей истины. Члены Ордена отказываются от семьи, от собственности, от участия в политике, чтобы никакие корыстные интересы не могли повлиять на процесс таинственной «игры в бисер», которому они предаются, — «игры со всеми смыслами и ценностями культуры» как выражения истины. Члены Ордена проживают в Касталии, удивительной стране, над которой не властно время. Название страны происходит от мифического Кастальского ключа на горе Парнас, у вод которого бог Аполлон водит хороводы с девятью музами, олицетворяющими виды искусства.

Роман написан от имени касталийского историка из далекого будущего и состоит из трех неравных по объему частей: вводного трактата по истории Касталии и игры в бисер, жизнеописания главного героя и произведений самого Кнехта — стихов и трех жизнеописаний. Предыстория Касталии излагается как резкая критика общества XX в. и его вырождающейся культуры. Эта культура характеризуется как «фельетонистическая» (от немецкого значения слова «фельетон», что означает «газетная статья развлекательного характера»). Суть её составляет газетное чтиво — «фельетоны» как особо популярный вид публикаций, изготовлявшихся миллионами. В них нет глубоких мыслей, попыток разобраться в сложных проблемах, наоборот, содержание их составляет «занимательный вздор», пользующийся неимоверным спросом. Сочинителями подобной мишуры были не только газетные шелкоперы, были среди них поэты и нередко профессора высших учебных заведений со славным именем — чем известнее было имя и глупее тема, тем больше был спрос. Излюбленный материал подобных статей составляли анекдоты из жизни

знаменитых людей под заголовками вроде: «Фридрих Ницше и дамские моды в семидесятые годы девятнадцатого столетия», «Любимые блюда композитора Россини» или «Роль комнатных собачек в жизни знаменитых куртизанок». Порой знаменитого химика или пианиста спрашивали о тех или иных политических событиях, а популярного актера или балерину — о преимуществах или недостатках холостого образа жизни или причине финансовых кризисов. При этом умнейшие из фельетонистов сами потешались над своей работой, пронизанной духом иронии.

Большинство непосвященных читателей все принимали за чистую монету. Другие же после тяжелого труда тратили свой досуг на отгадывание кроссвордов, склонившись над квадратами и крестами из пустых клеточек. Однако летописец признает, что игравших в эти детские игры-загадки или читавших фельетоны нельзя назвать наивными людьми, увлеченными бессмысленным ребячеством. Они жили в вечном страхе среди политических и экономических потрясений, и у них была сильная потребность закрыть глаза и уйти от действительности в безобидный мир дешевой сенсационности и детских загадок, ибо «церковь не дарила им утешения и дух — советов». Люди, без конца читавшие фельетоны, слушавшие доклады и отгадывавшие кроссворды, не имели времени и сил, чтобы преодолеть страх, разобраться в проблемах, понять, что происходит вокруг, и избавиться от «фельетонного» гипноза, они жили «судорожно и не верили в будущее». Историк Касталии, за которым стоит и автор, приходит к убеждению, что подобная цивилизация исчерпала себя и стоит на грани крушения.

В этой ситуации, когда многие мыслящие люди растерялись, лучшие представители интеллектуальной элиты объединились для сохранения традиций духовности и создали государство в государстве — Касталию, где избранные предаются игре в бисер. Касталия становится некоей обителью созерцательной духовности, существующей с согласия технократического общества, пронизанного духом наживы и потребительства. Состязания по игре в бисер транслируются по радио на всю страну, в самой же Касталии, пейзажи которой напоминают Южную Германию, время остановилось — там ездят на лошадях. Основное её назначение — педагогическое: воспитание интеллектуалов, свободных от духа конъюнктуры и буржуазного практицизма. В известном смысле Касталия — это противопоставление государству Платона, где власть принадлежит ученым, правящим миром. В Касталии, наоборот, ученые и философы свободны и независимы от любой власти, но достигается это ценой отрыва от действительности. У Касталии нет прочных корней в жизни, и потому её судьба слишком зависит от тех, у кого реальная власть в обществе, — от генералов, которые могут посчитать, что обитель мудрости — излишняя роскошь для страны, готовящейся, например, к войне.

Касталийцы принадлежат к Ордену служителей духа и полностью оторваны от жизненной практики. Орден построен по средневековому принципу — двенадцать Магистров, Верховная, Воспитательная и другие Коллегии. Для пополнения своих рядов касталийцы по всей стране отбирают талантливых мальчиков и обучают их в своих школах, развивают их способности к музыке, философии, математике, учат размышлять и наслаждаться играми духа. Потом юноши попадают в университеты, а затем посвящают себя занятиям науками и искусствами, педагогической деятельностью или игре в бисер. Игра в бисер, или игра стеклянными бус, — некий синтез религии, философии и искусства. Когда-то давно некий Перро из города Кальва использовал на своих занятиях по музыке придуманный им прибор со стеклянными бусинами. Потом он был усовершенствован — создан уникальный язык, основанный на различных комбинациях бусин, с помощью которых можно бесконечно сопоставлять разные смыслы и категории. Эти занятия бесплодны, их результатом не является создание чего-то нового, лишь варьирование и перетолковывание известных комбинаций и мотивов ради достижения гармонии, равновесия и совершенства.

Около 2200 г. Магистром становится Иозеф Кнехт, прошедший весь путь, который проходят касталийцы. Его имя означает «слуга», и он готов служить истине и гармонии в Касталии. Однако герой лишь на время обретает гармонию в игре стеклянных бус, ибо он все резче ощущает противоречия касталийской действительности, интуитивно старается избежать касталийской ограниченности. Он далек от ученых типа Тегуляриуса — гения-одиночки, отгородившегося от мира в своем увлечении изощренностью и формальной виртуозностью. Пребывание за пределами Касталии в бенедиктинской обители Мариафельс и встреча с отцом Иаковом оказывают на Кнехта большое влияние. Он задумывается о путях истории, о соотношении истории государства и истории культуры и понимает, каково истинное место Касталии в реальном мире: пока касталийцы играют в свои игры, общество, от которого они уходят все дальше, может счесть Касталию бесполезной роскошью. Задача в том, считает Кнехт, чтобы воспитывать молодых не за стенами библиотек, а в «миру» с его суровыми законами. Он покидает Касталию и становится наставником сына своего друга Дезиньори. Купаясь с ним в горном озере, герой погибает в ледяной воде — так гласит легенда, как утверждает летописец, ведущий повествование. Неизвестно, добился бы успеха Кнехт на своем пути, ясно одно — нельзя прятаться от жизни в мир идей и книг.

Эту же мысль подтверждают три жизнеописания, заключающие книгу и дающие ключ к пониманию произведения. Герой первого, Слуга, — носитель духовности первобытного племени среди мракобесия — не смиряется и приносит себя в жертву, чтобы не угасла искра истины. Второй, раннехристианский отшельник Иосиф Фамулус (по-латыни «слуга»), разочаровывается в своей роли утешителя грешников, но, встретив более старого исповедника, вместе с ним все же продолжает служить. Третий герой — Даса («слуга») не приносит себя в жертву и не продолжает служение, а бежит в лес к старому йогу, т. е. уходит в свою Касталию. Именно от такого пути нашел в себе силы отказаться герой Гессе Иозеф Кнехт, хотя это и стоило ему жизни.

Герман Гессе

Степной волк

Роман представляет собой записки Гарри Галлера, найденные в комнате, где он жил, и опубликованные племянником хозяйки дома, в котором он снимал комнату. От лица племянника хозяйки написано и предисловие к этим запискам. Там описывается образ жизни Галлера, дается его психологический портрет. Он жил очень тихо и замкнуто, выглядел чужим среди людей, диким и одновременно робким, словом, казался существом из иного мира и называл себя Степным волком, заблудившимся в дебрях цивилизации и мещанства. Сначала рассказчик относится к нему настороженно, даже враждебно, так как чувствует в Галлере очень необычного человека, резко отличающегося от всех окружающих. Со временем настороженность сменяется симпатией, основанной на большом сочувствии к этому страдающему человеку, не сумевшему раскрыть все богатство своих сил в мире, где все основано на подавлении воли личности.

Галлер по натуре книжник, далекий от практических интересов. Он нигде не работает, залеживается в постели, часто встает чуть ли не в полдень и проводит время среди книг. Подавляющее их число составляют сочинения писателей всех времен и народов от Гете до Достоевского. Иногда он рисует акварельными красками, но всегда так или иначе пребывает в своем собственном мире, не желая иметь ничего общего с окружающим мещанством, благополучно пережившим первую мировую войну. Как и сам Галлер, рассказчик тоже называет его Степным волком, забредшим «в города, в стадную жизнь, — никакой другой образ точнее не нарисует этого человека, его робкого одиночества, его дикости, его тревоги, его тоски по родине и его безродности». Герой ощущает в себе две природы — человека и волка, но в отличие от других людей, усмиривших в себе зверя и приученных подчиняться, «человек и волк в нем не уживались и уж подавно не помогали друг другу, а всегда находились в смертельной вражде, и один только изводил другого, а когда в одной душе и в одной крови сходятся два заклятых врага, жизнь никуда не годится».

Гарри Галлер пытается найти общий язык с людьми, но терпит крах, общаясь даже с подобными себе интеллектуалами, которые оказываются такими же, как все, добропорядочными обывателями. Встретив на улице знакомого профессора и оказавшись у него в гостях, он не выносит духа интеллектуального мещанства, которым пропитана вся обстановка, начиная с прилизанного портрета Гете, «способного украсить любой мещанский дом», и кончая верноподданническими рассуждениями хозяина о кайзере. Взбешенный герой бродит ночью по городу и понимает, что этот эпизод был для него «прощанием с мещанским, нравственным, ученым миром, полнел победой степного волка» в его сознании. Он хочет уйти из этого мира, но боится смерти. Он случайно забредает в ресторан «Черный орел», где встречает девушку по имени Гермина. У них завязывается нечто вроде романа, хотя скорее это родство двух одиноких душ. Гермина, как человек более практичный, помогает Гарри приспособиться к жизни, приобщая его к ночным кафе и ресторанам, к джазу и своим друзьям. Все это помогает герою еще отчетливее понять свою зависимость от «мещанского, лживого естества»: он выступает за разум и человечность, протестует против жестокости войны, однако во время войны он не дал себя расстрелять, а сумел приспособиться к ситуации, нашел компромисс, он противник власти и эксплуатации, однако в банке у него лежит много акций промышленных предприятий, на проценты от которых он без зазрения совести живет.

Размышляя о роли классической музыки, Галлер усматривает в своем благоговейном отношении к ней «судьбу всей немецкой интеллигентности»: вместо того чтобы познавать жизнь, немецкий интеллигент подчиняется «гегемонии музыки», мечтает о языке без слов, «способном выразить невыразимое», жаждет уйти в мир дивных и блаженных звуков и настроений, которые «никогда не претворяются в действительность», а в результате — «немецкий ум прозевал большинство своих подлинных задач... люди интеллигентные, все сплошь не знали действительности, были чужды ей и враждебны, а потому и в нашей немецкой действительности, в нашей истории, в нашей политике, в нашем общественном мнении роль интеллекта была такой жалкой». Действительность определяют генералы и промышленники, считающие интеллигентов «ненужной, оторванной от действительности, безответственной компанией остроумных болтунов». В этих размышлениях героя и автора, видимо, кроется ответ на многие «проклятые» вопросы немецкой действительности и, в частности, на вопрос о том, почему одна из самых культурных наций в мире развязала две мировые войны, чуть не уничтожившие человечество.

В конце романа герой попадает на бал-маскарад, где погружается в стихию эротике и джаза. В поисках Гермины, переодетой юношей и побеждающей женщин «лесбийским волшебством», Гарри попадает в подвальный этаж ресторана — «ад», где играют черти-музыканты. Атмосфера маскарада напоминает герою Вальпургиеву ночь в «Фаусте» Гете (маски чертей, волшебников, время суток — полночь) и гофмановские сказочные видения, воспринимающиеся уже как пародия на гофманиану, где добро и зло, грех и добродетель неразличимы: «...хмельной хоровод масок стал постепенно каким-то безумным, фантастическим раем, один за другим соблазняли меня лепестки своим ароматом [...] змеи обольстительно глядели на меня из зеленой тени листвы, цветок лотоса парил над черной трясинной, жар-птицы на ветках манили меня...» Бегущий от мира герой немецкой романтической традиции демонстрирует раздвоение или размножение личности: в нем философ и мечтатель, любитель музыки уживается с

убийцей. Это происходит в «магическом театре» («вход только для сумасшедших»), куда Галлер попадает с помощью друга Гермину саксофониста Пабло, знатока наркотических трав. Фантастика и реальность сливаются. Галлер убивает Гермину — не то блудницу, не то свою музу, встречает великого Моцарта, который раскрывает ему смысл жизни — её не надо воспринимать слишком серьезно: «Вы должны жить и должны научиться смеяться... должны научиться слушать проклятую радиомызу жизни... и смеяться над её суматошностью». Юмор необходим в этом мире — он должен удержать от отчаяния, помочь сохранить рассудок и веру в человека. Затем Моцарт превращается в Пабло, и тот убеждает героя, что жизнь тождественна игре, правила которой надо строго соблюдать. Герой утешается тем, что когда-нибудь сможет сыграть еще раз.

Автор пересказа неизвестен

Федерико Гарсиа Лорка
Кровавая свадьба

Испания, начало XX в. Горная деревушка. Действие пьесы начинается в доме Жениха. Мать, узнав, что он идет на виноградник и хочет взять нож, разражается проклятиями тому, кто выдумал ножи, и ружья, и пистолеты — все, что может убить мужчину. Ее муж и старший сын мертвы, погибли в ножевых драках с семьей Феликсов, ненавистной Матери. Мать с трудом переносит мысль о свадьбе, ей заранее неприятна Невеста, Жених уходит, появляется Соседка. Мать спрашивает её о Невесте и узнает, что у той прежде был жених, который уже два года как женат на её двоюродной сестре. Это Леонардо, из семьи Феликсов, который был совсем маленьким в момент ссоры двух семейств. Мать решает ничего не говорить сыну.

Дом Леонардо. Теща Леонардо поет ребенку колыбельную «о коне высоком, что воды не хочет». Жена Леонардо вяжет. Входит Леонардо. Он только что из кузницы, менял подковы коню. Жене кажется, что Леонардо слишком много ездит на нем, вот и вчера его видели на равнине. Леонардо говорит, что не был там. Жена сообщает Леонардо о предстоящей через месяц свадьбе своей двоюродной сестры. Леонардо мрачнеет. Жена хочет узнать, что гнетет его, но он резко обрывает её и уходит. Жена Леонардо и Теща продолжают петь колыбельную «о коне высоком». Жена плачет.

Жених и Мать приходят в дом Невесты свататься. К ним выходит Отец Невесты. Они сговариваются о дне свадьбы. Мать при каждом случае вспоминает своего погибшего старшего сына. Появляется Невеста. Мать Жениха наставляет её, объясняя, что значит выйти замуж: «Муж, дети и стена толщиной в два локтя — вот и все». Невеста серьезно обещает: «Я сумею так жить». После ухода Жениха и Матери Служанка хочет рассмотреть подарки, принесенные Невесте (среди них — ажурные шелковые чулки, «мечта женщин»). Но Невесту разговоры о подарках и о грядущей свадьбе приводят в ярость. Служанка рассказывает, что ночью видела всадника, остановившегося под окном Невесты — она узнала, это был Леонардо. Раздается стук копыт. Под окнами вновь проезжает Леонардо.

День свадьбы. Служанка укладывает волосы Невесты в замысловатую прическу. Невеста прекращает все вольные разговоры Служанки о замужестве. Она мрачна, но полна решимости, а на вопрос Служанки, любит ли она своего жениха, отвечает утвердительно. Раздается стук. Служанка открывает дверь первому гостю. Им оказывается Леонардо. Невеста и Леонардо разговаривают, как поссорившиеся и смертельно обиженные друг на друга влюбленные. «У меня есть гордость. Потому и выхожу замуж. Я запущу с моим мужем, которого должна любить больше всего на свете», — говорит Невеста. «Гордость тебе не поможет [...] Молча сгорать — это самая страшная кара, какой мы можем подвергнуть себя. Разве мне помогла моя гордость, помогло то, что я не видел тебя, а ты не спала по ночам? Ничуть! Только я был весь в огне! Ты думаешь, что время лечит, а стены скрывают все, но это не так. Что проникает в сердце, того уже не вырвешь!» — звучит отповедь Леонардо. Служанка старается прогнать Леонардо. Слышно пение приближающихся гостей: «Ты проснись, невеста, / Это утро свадьбы...»

Невеста убегает к себе. Леонардо уходит в глубь дома. Гости появляются и читают стихи Невесте: «Сойди, смуглянка, / шлейф из шелка / влача по гулким ступеням».

Появляется Невеста — в черном платье девяностых годов, с воланами и широким шлейфом. На голове венок. Все приветствуют Невесту. Мать Жениха видит Леонардо и его жену. «Они члены семьи. Сегодня день, когда надо прощать», — говорит ей Отец Невесты. «Я терплю, но не прощаю», — отвечает та. Невеста торопит Жениха: «Я хочу быть твоей женой, остаться с тобой наедине и слышать только твой голос». Жених с Невестой и гости уходят. На сцене остаются Леонардо и его Жена. Она просит мужа не уезжать верхом, поехать с ней вместе в повозке. Они ссорятся. «Не пойму, что с тобой, — признается жена. — Думаю и не хочу думать. Знаю одно: жизнь моя разбита. Но у меня ребенок. И я жду другого. [...] Но я своего не уступлю». Они уходят вместе. Голоса за сценой продолжают петь: «Вспомни, что из дома / ты выходишь в церковь. / Вспомни, что звездой / ты выходишь яркой!»

Перед входом в дом Невесты Служанка, напевая, расставляет на столе подносы и рюмки. Входят Мать Жениха и Отец Невесты. Мать с трудом оставляет мысли о своих погибших близких и вместе с Отцом Невесты мечтает о внуках, о большой семье. Но Мать понимает, что ждать придется еще долго. («Оттого и страшно смотреть, как струится твоя кровь по земле. Ручеек высыхает в одну минуту, а нам он стоит многих лет жизни...»)

Появляются веселые гости, за ними под руку — молодые. Леонардо почти сразу же уходит внутрь дома. Спустя несколько минут уходит Невеста. Когда она возвращается, девушки подходят к ней за булавками: та, которой она раньше даст булавку, скорее выйдет замуж. Невеста взволнована, видно, что в душе её идет борьба, она рассеянно отвечает девушкам. В глубине сцены проходит Леонардо. Жениху кажется, что Невеста встревожена. Она отрицает это, просит его не отходить от нее, хотя и уклоняется от его объятий. Жена Леонардо спрашивает о нем гостей: она не может его найти и коня его нет в стойле. Невеста уходит отдохнуть. Спустя некоторое время обнаруживается её отсутствие. Входит Жена Леонардо с криком: «Они бежали! Они бежали! Она и Леонардо! На коне. Обнялись и полетели вихрем!»

Свадьба раскалывается на два стана. Жених и его родственники бросаются в погоню.

Лес. Ночь. Три дровосека рассуждают о судьбе беглецов. Один из них считает: «Надо слушаться сердца; они хорошо сделали, что бежали». Другой согласен: «Лучше истечь кровью и умереть, чем жить с гнилой кровью». Третий дровосек говорит о Женихе: «Он летел, как гневная звезда. Лицо у него было пепельно-серое. На нем написана судьба его рода». Они уходят. Сцена озаряется ярким голубым светом. Это появляется Луна в виде молодого дровосека с бледным лицом. Читает монолог в стихах: «Я — светлый лебедь на реке, / я — око сумрачных соборов, / на листьях мнимая заря, / я — все, им никуда не скрыться». «Пусть не будет им ни тени, / ни места, где б могли укрыться!»

«О, я хочу проникнуть в сердце /ив нем согреться! Дайте сердце — / пусть грудь её оно покинет / и растечется по горам! / О, дайте мне проникнуть в сердце, / проникнуть в сердце...»

Луна исчезает за деревьями, сцена погружается во мрак. Входит Смерть в образе Нищенки...

Нищенка зовет Луну и просит дать больше света, «осветить жилет и оттенить пуговицы», «а там уж ножи найдут себе путь».

Появляется Жених в сопровождении одного из юношей. Жених только что слышал топот копыт, который он не мог спутать ни с каким другим. Жених и юноша расходятся, чтобы не упустить беглецов. На дороге у Жениха появляется Нищенка-Смерть. «Красивый юноша, — замечает, разглядывая Жениха, Нищенка. — Но спящий ты должен быть еще красивей». Она уходит вместе с Женихом. Входят Невеста и Леонардо. Между ними ведется страстный диалог.

Леонардо: «Что за стекло в язык вонзилось! /Ля хотел тебя забыть, / построил каменную стену / я между нашими домами. / Когда тебя вдали я видел, / глаза я засыпал песком. / И что ж? Я на коня сел, / и конь летел к твоим дверям...»

Невеста вторит ему: «Как все смешалось! Не хочу / делить с тобой постель и пищу. / И что ж? У вы, минуты нет, / когда б к тебе я не стремилась. / Меня влечешь ты — я иду. / Ты говоришь, чтоб я вернулась, / но я по воздуху несусь / тебе вослед былинкой легкой».

Невеста уговаривает Леонардо бежать, но он увлекает её за собой, и они уходят, обнявшись. Очень медленно появляется Луна. Сцену заливают яркий голубой свет. Звучат скрипки. Вдруг один за другим раздаются два душераздирающих вопли. При втором вопле появляется Нищенка, останавливается посреди сцены спиной к зрителям и распахивает плащ, становясь похожей на птицу с огромными крыльями.

Белая комната. Арки, толстые стены. Справа и слева белые скамьи. Блестящий белый пол. Две девушки в темно-синих платьях разматывают красный клубок и поют: «Любовник безмолвен, / весь алый — жених. / На берегу мертвых / я видела их»,

Входят Жена и Теща Леонардо. Жена хочет вернуться и узнать, что же произошло, но Теща отправляет её домой: «Иди к себе домой. Мужайся: / отныне будешь одиноко / жить в этом доме, в нем стареть / и плакать. Только дверь, запомни, / уж в нем не будет открываться. / Он мертв или жив, но эти окна / мы все забудем. Дожди и ночи / пускай свои роняют слезы / на горечь трав». Они уходят. Появляется Нищенка. На расспросы девушек она отвечает: «Я их видела. Здесь скоро / будут оба — два потока. / Час прошел — они застыли / меж больших камней. Два мужа / спят у ног коня недвижно. / Мертвы оба. Ночь сияет / красотой. Они убиты! / Да, убиты!»

Нищенка, а затем девушки уходят. Вскоре появляются Мать и Соседка. Соседка плачет, а глаза Матери сухи. Теперь её ждет ничем не нарушаемое спокойствие — ведь все умерли. Ей больше не придется беспокоиться за сына, смотреть в

окно, не идет ли он. Ей никого не хочется видеть и не хочется показывать свое горе. Входит Невеста в черном плаще. Мать грозно направляется к ней, но, овладев собой, останавливается. Затем ударяет Невесту. Соседка пробует вступить, но Невеста говорит, что пришла затем, чтобы её убили и похоронили рядом с убитыми. «Но меня похоронят чистой — ни один мужчина не любовался белизной моей груди». Она пробует объяснить Матери свое бегство: «Я сгорала на огне, вся душа у меня в язвах и ранах, а твой сын был для меня стружкой воды — я ждала от него детей, успокоения, целебной силы. Но тот был темной рекой, осененной ветвями, волновавшей меня шуршанием камышей и глухим рокотом волн...»

Невеста просит у Матери разрешения плакать вместе с ней, и та разрешает, но — у дверей.

Приближается траурное шествие. «Четыре отрока склоненных / несут их. Как устали плечи! / Четыре отрока влюбленных / несут по воздуху к нам смерть!»

Автор пересказа неизвестен

Габриэль Гарсиа Маркес

Сто лет одиночества

Основатели рода Буэндиа Хосе Аркадио и Урсула были двоюродными братом и сестрой. Родичи боялись, что они родят ребенка с поросычьим хвостиком. Об опасности инцестуального брака знает Урсула, а Хосе Аркадио не желает принимать во внимание подобные глупости. На протяжении полутора лет замужества Урсула умудряется сохранить невинность, ночи молодоженов заполнены томительной и жестокой борьбой, заменяющей любовные утехы. Во время петушиных боев петух Хосе Аркадио одерживает победу над петухом Пруденсио Агиляра, и тот, раздосадованный, издевается над соперником, ставя под сомнение его мужские достоинства, поскольку Урсула до сих пор еще девственница. Возмущенный Хосе Аркадио отправляется домой за копьем и убивает Пруденсио, а затем, потрясая тем же копьем, заставляет Урсулу выполнить свои супружеские обязанности. Но отныне нет им покоя от окровавленного призрака Агиляра. Решив перебраться на новое местожительство, Хосе Аркадио, словно принося жертву, убивает всех своих петухов, зарывает во дворе копье и покидает деревню вместе с женой и сельчанами. Двадцать два храбреца одолевают в поисках моря неприступный горный хребет и после двух лет бесплодных скитаний основывают на берегу реки селение Макондо — на то Хосе Аркадио было во сне вещее указание. И вот на большой поляне вырастают два десятка хижин из глины и бамбука.

Хосе Аркадио сжигает страсть к познанию мира — больше всего на свете его привлекают разные чудесные вещи, которые доставляют в селение появляющиеся раз в году цыгане: бруски магнита, лупа, навигационные приборы; от их вожака Мелькиадеса он узнает и секреты алхимии, изводит себя долгими бдениями и лихорадочной работой воспаленного воображения. Потеряв интерес к очередной сумасбродной затее, он возвращается к размеренной трудовой жизни, вместе с соседями обустроивает поселок, размежевывает земли, прокладывает дороги. Жизнь в Макондо патриархальная, добропорядочная, счастливая, здесь даже нет кладбища, поскольку никто не умирает. Урсула затевает прибыльное производство зверушек и птиц из леденцов. Но с появлением в доме Буэндиа неведомо откуда пришедшей Ребеки, которая становится им приемной дочерью, начинается в Макондо эпидемия бессонницы. Жители селения прилежно переделывают все свои дела и начинают маяться тягостным бездельем. А потом обрушивается на Макондо другая напасть — эпидемия забывчивости. Все живут в постоянно ускользающей от них действительности, забывая названия предметов. Они решают вешать на них таблички, но опасаются того, что по истечении времени не в силах будут вспомнить назначение предметов.

Хосе Аркадио намеревается было построить машину памяти, но выручает скиталец-цыган, ученый-волшебник Мелькиадес с его целительным снадобьем. По его пророчеству Макондо исчезнет с лица земли, а на его месте вырастет сверкающий город с большими домами из прозрачного стекла, но не останется в нем и следов от рода Буэндиа. Хосе Аркадио не желает этому верить: Буэндиа будут всегда. Мелькиадес знакомит Хосе Аркадио еще с одним чудесным изобретением, которому суждено сыграть роковую роль в его судьбе. Самая дерзостная затея Хосе Аркадио — с помощью дагеротипии запечатлеть бога, чтобы научно доказать существование всевышнего или опровергнуть это. В конце концов Буэндиа сходит с ума и кончает свои дни прикованным к большому каштану во дворе своего дома.

В первенце Хосе Аркадио, названном так же, как и отец, воплотилась его агрессивная сексуальность. Он растрчивает годы своей жизни на бесчисленные похождения. Второй сын — Аурелиано, рассеянный и вялый, осваивает ювелирное дело. Тем временем селение разрастается, превращаясь в провинциальный городок, обзаводится коррехидором, священником, заведением Катарина — первой брешью в стене «добронравия» макондовцев. Воображение Аурелиано потрясает красота дочки коррехидора Ремедиос. А Ребека и другая дочь Урсулы Амаранта влюбляются в итальянца, мастера по пианолам Пьетро Креспи. Происходят бурные ссоры, кипит ревность, но в итоге Ребека отдает

предпочтение «сверхсамцу» Хосе Аркадио, которого, по иронии судьбы, настигают тихая семейная жизнь под каблуком жены и пуля, выпущенная неизвестно кем, скорее всего той же женой. Ребека решает на затворничество, заживо хороня себя в доме. Из трусости, эгоизма и страха Амаранта так и отказывается от любви, на склоне лет она принимается ткать себе саван и угасает, закончив его. Когда Ремедиос умирает от родов, Аурелиано, угнетенный обманутыми надеждами, пребывает в пассивном, тоскливом состоянии. Однако циничные махинации тестя-корректора с избирательными бюллетенями во время выборов да самоуправство военных в родном городке вынуждают его уйти воевать на стороне либералов, хотя политика и кажется ему чем-то абстрактным. Война выковывает его характер, но опустошает душу, поскольку, в сущности, борьба за национальные интересы давно уже превратилась в борьбу за власть.

Внук Урсулы Аркадио, школьный учитель, назначенный в годы войны гражданским и военным правителем Макондо, ведет себя как самовластный хозяйчик, становясь тираном местного масштаба, и при очередной перемене власти в городке его расстреливают консерваторы.

Аурелиано Буэндиа становится верховным главнокомандующим революционных сил, но постепенно понимает, что сражается только из гордыни, и решает завершить войну, чтобы освободить себя. В день подписания перемирия он пытается покончить с собой, но неудачно. Тогда он возвращается в родовой дом, отказывается от пожизненной пенсии и живет обособленно от семьи и, замкнувшись в гордом одиночестве, занимается изготовлением золотых рыбок с изумрудными глазами.

В Макондо приходит цивилизация: железная дорога, электричество, кинематограф, телефон, а вместе с тем обрушивается лавина чужеземцев, учреждающих на этих благодатных землях банановую компанию. И вот уже некогда райский уголок превращен в злчное место, нечто среднее между ярмаркой, ночлежкой и публичным домом. Видя губительные перемены, полковник Аурелиано Буэндиа, долгие годы намеренно отгораживающийся от окружающей действительности, испытывает глухую ярость и сожаление, что не довел войну до решительного конца. Его семнадцать сыновей от семнадцати разных женщин, старшему из которых не исполнилось тридцати пяти лет, убиты в один день. Обреченный оставаться в пустыне одиночества, он умирает у растущего во дворе дома старого могоучего каштана.

Урсула с беспокойством наблюдает за сумасбродствами потомков, Война, бойцовые петухи, дурные женщины и бредовые затеи — вот четыре бедствия, обусловившие упадок рода Буэндиа, считает она и сокрушается: правнуки Аурелиано Второй и Хосе Аркадио Второй собрали все семейные пороки, не унаследовав ни одной семейной добродетели. Красота правнучки Ремедиос Прекрасной распространяет вокруг губительное веяние смерти, но вот девушка, странная, чуждая всяким условностям, неспособная к любви и не знающая этого чувства, повинующаяся свободному влечению, возносится на свежестырированных и вывешенных для просушки простынях, подхваченных ветром. Лихой гуляка Аурелиано Второй женится на аристократке Фернанде дель Карпио, но много времени проводит вне дома, у любовницы Петры Котес. Хосе Аркадио Второй разводит бойцовых петухов, предпочитает общество французских гетер. Перелом в нем происходит, когда он чудом избегает смерти при расстреле бастующих рабочих банановой компании. Гонимый страхом, он прячется в заброшенной комнате Мелькиадеса, где неожиданно обретает покой и погружается в изучение пергаментов чародея. В его глазах брат видит повторение непоправимой судьбы прадеда. А над Макондо начинается дождь, и летит он четыре года одиннадцать месяцев и два дня. После дождя вялые, медлительные люди не могут противостоять ненасытной прожорливости забвения.

Последние годы Урсулы омрачены борьбой с Фернандой, жестокосердной ханжой, сделавшей ложь и лицемерие основой жизни семьи. Она воспитывает сына бездельником, заточает в монастырь согрешившую с мастеровым дочь Меме. Макондо, из которого банановая компания выжала все соки, доходит до предела запущения. В этот мертвый городок, засыпанный пылью и изнуренный жарой, после смерти матери возвращается Хосе Аркадио, сын Фернанды, и находит в опустошенном родовом гнезде незаконнорожденного племянника Аурелиано Бабилонью. Сохраняя томное достоинство и аристократические манеры, он посвящает свое время блудливым играм, а Аурелиано в комнате Мелькиадеса погружен в перевод зашифрованных стихов старых пергаментов и делает успехи в изучении санскрита.

Приехавшая из Европы, где она получала образование, Амаранта Урсула одержима мечтой возродить Макондо. Умная и энергичная, она пытается вдохнуть жизнь в преследуемое несчастьями местное людское общество, но безуспешно. Безрассудная, губительная, всепоглощающая страсть связывает Аурелиано с его теткой. Молодая пара ожидает ребенка, Амаранта Урсула надеется, что ему предопределено возродить род и очистить его от губительных пороков и призвания к одиночеству. Младенец — единственный из всех Буэндиа, рожденных на протяжении столетия, зачат в любви, но появляется он на свет со свиным хвостиком, а Амаранта Урсула умирает от кровотечения. Последнему же в роду Буэндиа суждено быть съеденным рыжими муравьями, наводнившими дом. При все усиливающихся порывах ветра Аурелиано читает в пергаментах Мелькиадеса историю семьи Буэндиа, узнавая, что не суждено ему выйти из комнаты, ибо согласно пророчеству город будет сметен с лица земли ураганом и стерт из памяти людей в то самое мгновение, когда он кончит расшифровывать пергаменты.

Жоржи Амаду

Дона Флор и два её мужа

Жительница небольшого городка Салвадора в окрестностях Баии, Флорипедес Пайва Гимараэнс, молодая хозяйка кулинарной школы «Вкус и искусство», становится вдовой. Её муж Валдомиро, по прозвищу Гуляка, пьяница, картежник, бабник и весельчак, умирает во цвете лет в самый разгар карнавала от разрыва сердца. Дона Флор безутешна: все семь лет, что они были вместе, она страдала от его измен, однако никто не мог подарить ей столько любви и страсти, сколько Гуляка, которому она прощала все его выходки.

Оплакивая мужа, дона Флор вспоминает историю своей жизни и любви.

Её мать, дона Розилда, упрямая до одури, резкая и властная особа, с которой никто не может ужиться под одной крышей, после смерти мужа остается с тремя детьми — двумя дочерьми и сыном — без всяких средств. С помощью Розалии и Флор, красивых, работающих и скромных девушек, честолюбивая Розилда надеется изменить судьбу и приобрести положение в обществе. Однако Розалия выходит замуж не за прекрасного принца, а за простого механика, а сердце стыдливой и целомудренной Флор, которая, невзирая на гнев матери, отвергает всех богатых женихов, покоряет Гуляка.

Розилда убеждена, что Валдомиро занимает солидный пост и дружит с самыми влиятельными людьми города. Она надеется, что он сделает предложение Флор. Но когда Розилда узнает, что Гуляка обманул её и что он — мелкий муниципальный чиновник, игрок и завсегдатай борделей, она запрещает дочери даже думать о нем. Но Флор уже влюблена и её не волнует, что у Гуляки ни гроша за душой.

Несмотря на угрозы матери и даже побои, она продолжает встречаться с Гулякой и отдается ему, после чего убегает из дома и становится его женой.

Денег, которые она зарабатывает, давая уроки кулинарного искусства, вполне хватает на скромную жизнь, а также на то, чтобы оплачивать долги её беспутного мужа, а поскольку детей у нее быть не может, то она не особенно задумывается о будущем.

Дни Флор проходят в трудах, а ночи в ожидании: придет ли Гуляка ночевать или предпочтет ей объятия какой-нибудь девицы? Однако, когда муж дома, она забывает обо всех обидах, ибо она чувствует, что он все же горячо любит её.

Что же делать, если у него такой характер и он не может без вина, рулетки и потаскушек? И Флор, проливая слезы ревности, понимает, что, пока Гуляка рядом с ней, она — самая счастливая женщина на свете.

Все это время Розилда, мать Флор, которая люто ненавидит своего зятя, живет в другом городе у сына.

Когда Розилда узнает, что Гуляка умер, она, обрадованная, приезжает в Салвадор в надежде на то, что теперь-то её полоумная дочь, наученная горьким опытом, прищепит себе порядочного и богатого мужа. Но Флор решительно отвергает все попытки матери посватать ей кого-нибудь из местных богачей и аристократов. Она продолжает давать уроки кулинарного мастерства и ведет безупречный образ жизни, так что никто не подозревает, что по ночам Флор жестоко страдает от тайных желаний и неразделенной любовной страсти. Но разлад между плотью и духом не может длиться вечно и в конце концов Флор поддается на уговоры подруг, перестает носить траур и даже принимает ухаживания мужчин. Её внимание привлекает сорокалетний холостяк, фармацевт и аптекарь Теодоро Мадурейра, который уже давно очарован скромной тридцатилетней вдовой. Он делает Флор предложение, и через три года после смерти Гуляки она становится женой аптекаря Теодоро.

Второй муж Флор — полная противоположность первому. Он — воплощение деловитости, порядочности, сдержанности и доброты. Пунктуальный и педантичный Теодоро, девиз которого «Всякая вещь — на своем месте и всему — свое время», аккуратно и добросовестно выполняет и свои супружеские обязанности, однако Флор, которая привыкла к бесстыдным и дерзким ласкам Гуляки, объятия аптекаря кажутся пресными. Ей удается погасить в себе пламя неутоленной страсти, ибо Флор любит и уважает мужа, но душу её бережат сладостные воспоминания о жарких ночах с Гулякой, её преследуют неясные и греховные мечты, и это несколько омрачает её безоблачную семейную жизнь. И все же Флор счастлива.

Но однажды, после семейного праздника, она обнаруживает в своей спальне Гуляку, развалившегося в чем мать родила на её кровати! Флор ничуть не удивляется его присутствию: ведь она часто думала о нем. Гуляка объясняет ей, что он видим только для нее одной, поэтому она может не опасаться, что их кто-то застанет за дружеской беседой, и сразу же начинает соблазнять свою бывшую жену. Много дней и ночей Флор мужественно защищает свою честь

и сопротивляется влечению сердца, пока Гуляка развлекается тем, что помогает своим бывшим приятелям выигрывать крупные суммы в городских казино, подсказывая им выигрышные номера. Но в конце концов она уступает его домогательствам, предварительно признавшись своей куме Дионизии, бывшей любовнице Гуляки, в том, что он преследует её даже сейчас, после своей смерти. Дионизия обещает ей помочь и обращается к местным колдунам, которые подготавливают все необходимое для ритуалов языческой магии.

А Флор, в душе которой наконец-то победила страсть, расцветает, ибо совесть её молчит, убаюканная то нежными, то безумными ласками Гуляки.

В упоении любви она забывает о том, что просила помощи Дионизии. Но когда она замечает, что Гуляка начинает буквально таять у нее на глазах, она признается ему, что в этом виновато колдовство: ведь это она просила Дионизию о помощи.

Гуляка покорился судьбе, он готов уйти туда, откуда вернулся ради своей возлюбленной, он прощается с нею, но вновь пробудившаяся страсть Флор вступает в поединок с колдовством и побеждает. Гуляка, невидимый ни для кого, кроме самой Флор, наполняет её жизнь весельем и блаженством, дарит ей любовные наслаждения, а практичный и уважаемый Теодоро вносит в жизнь женщины размеренность и, словно облаком, окружает её добродетелями. Все в городе восхищаются Флор, не подозревая о том, что она счастлива лишь благодаря обоим своим мужьям, чьи столь непохожие таланты так удачно дополняют друг друга.

Автор пересказа неизвестен

Хорхе Луис Борхес
Вавилонская библиотека

Вселенная — некоторые называют ее Библиотекой — состоит из огромного числа шестигранных галерей, с широкими вентиляционными колодцами, огражденными перилами. Устройство галерей неизменно: пять полок на каждой стене... К одной из свободных сторон примыкает коридор, ведущий в другую галерею, такую же как и все другие. Налево и направо от коридора два крохотных помещения. В одном можно спать стоя, в другом — удовлетворять естественные потребности. Рядом винтовая лестница уходит вверх и вниз. Никогда не гаснущий свет дают округлые стеклянные плоды, которые носят название ламп.

Библиотекарь, рассказывающий нам о Библиотеке, много путешествовал в поисках книги книг. Он постарел, но труды его так и не увенчались успехом. Когда библиотекарь умрет, его тело перебросят через перила в бездонную могилу вентиляционного колодца.

Идеалисты утверждают, что шестигранник — абсолютная форма. Мистикам в экстазе является шарообразная комната с огромной круглой книгой, которая есть Бог. Но существует и классическое определение: Библиотека — это шар, центр которого находится в одном из шестигранников, а поверхность — недостижима. В каждом шестиграннике 20 полок, на каждой полке — 32 книги, в каждой книге 400 страниц, на каждой странице 40 строчек, в каждой строке около 80 букв. Буквы есть и на корешке книги, но по ним, как правило, невозможно определить ее содержание.

Библиотека существует вечно, и является творением Бога. Свидетельством тому совершенные буквы книг. Число всех знаков равно 25: 22 буквы алфавита, пробел, запятая и точка. Это позволило триста лет назад сформулировать общий закон Библиотеки и ее книг, представляющих собой хаотический набор знаков, так что на одну осмысленную строчку приходится тысячи бессмыслиц (одна книга состояла лишь из букв MCV, повторяющихся в разном порядке; в другой хаос букв заканчивался словами «О время, твои пирамиды»). В одном краю библиотекари вовсе отказались искать в книгах смысл, полагая, что письмо всего лишь имитирует 25 природных знаков.

Долгое время считалось, что книги написаны на древних или экзотических языках (действительно, библиотекари разных краев говорят на самых различных языках), но 400 страниц неизменных MCV не могут соответствовать никакому языку. Другие считали написанное криптограммой, и эта догадка была всюду принята.

Все это позволило одному гениальному библиотекарю открыть закон Библиотеки: все книги состоят из одних и тех же элементов, и во всей Библиотеке нет двух одинаковых книг. И был сделан вывод: Библиотека всеобъемлюща, то есть содержит все, что поддается выражению на всех языках (историю будущего, автобиографии архангелов, правдивый рассказ о твоей собственной смерти, перевод каждой книги на все языки и т. д.).

И когда был провозглашен закон Библиотеки, всеми овладела безудержная радость. Вселенная обрела смысл. В это время много говорилось об Оправданиях: книгах, оправдывающих деяния каждого человека. Тысячи жаждущих

покинули родные шестигранники, гонимые напрасным желанием найти свое оправдание. Эти пилигримы спорили в узких галереях, душили друг друга на лестницах, швыряли обманувшие их книги, умирали, сходили с ума... Еще в то время все ждали раскрытия главных тайн человечества: происхождения Библиотеки и времени.

Вот уже четыреста лет, как люди рыщут по шестигранникам... Существуют искатели официальные, инквизиторы. Они приходят, всегда усталые, беседуют с библиотекарем, иногда перелистывают ближайшую книгу в поисках нечестивых слов. Видно, что никто не надеется найти что-нибудь.

На смену надеждам, естественно, пришло отчаяние. Одна богохульная секта призывала бросить поиски и заняться перетасовкой знаков, пока случайно не воссоздадутся канонические книги (власти сочли нужным принять суровые меры, но приверженцы секты остались). Другие полагали, что следует уничтожить бесполезные книги. Имена этих «чистильщиков» прокляты, но оплакивающие потерянные «сокровища» забывают, что Библиотека бесконечна, и любой ущерб будет ничтожно мал. И пусть каждая книга уникальна, но существуют сотни тысяч копий ее, отличающиеся одной буквой. На самом деле «чистильщиков» вело безумное желание захватить магические, всемогущие книги Пурпурного Шестигранника.

Известно и другое суеверие того времени: Человек Книги. Якобы существует книга, содержащая краткое изложение всех остальных, и некий библиотекарь прочел ее и стал подобен Богу. Многие в предпринимали безуспешное паломничество с целью найти Его, пока не был предложен регрессивный метод: чтобы найти книгу А, следует обратиться к книге В, которая укажет место А; чтобы разыскать книгу В следует отправиться к книге С... В таких похождениях старый Библиотекарь и растратил свои годы...

Безбожники утверждают, что для Библиотеки бессмыслица обычна, а осмысленность — чудесное исключение. Ходят слухи о горячечной Библиотеке, в которой обезумевшие тома беспрерывно превращаются в другие, смешивая и отрицая все, что утверждалось.

На самом деле Библиотека включает все языки, все комбинации 25 символов, но отнюдь не бессмыслицу. Любое сочетание букв, например «дхцмрлчдй», на одном из языков божественной Библиотеки будет содержать некий грозный смысл; и любое слово, например «библиотека», будет иметь противоположное значение. И это сочинение старого Библиотекаря уже содержится на одной из полок, как и его опровержение. И ты, читающий эти строчки, уверен ли ты, что точно понимаешь написанное?

Уверенность, что все уже написано, уничтожает или обращает в призраки. Есть места, где поклоняются книгам и с пылом целуют страницы, вовсе не умея читать. Эпидемии, еретические раздоры, разбойничьи набеги, самоубийства сильно уменьшили число библиотекарей. Человеческий род и вовсе может угаснуть а Библиотека сохранится: необитаемая, бесполезная, нетленная, таинственная, бесконечная.

Бесконечная... Абсурдно допущение, что шестигранники могут где-нибудь закончиться; абсурдно и то, что число возможных книг бесконечно. Библиотека скорее безгранична и периодична. И если бы вечный странник пустился в путь в каком-либо направлении, он смог бы убедиться, что те же книги повторяются в том же беспорядке. Это вселяет надежду.

© Наталья Бубнова

Хорхе Луис Борхес
Всемирная история низости

В цикле «Всемирная история низости» собраны рассказы о жизни убийц, мошенников, пиратов. Среди них «Хаким из Мерва, красильщик в маске»,

Хаким, который впоследствии получил прозвище Пророк Под Покрывалом, родился в 736 году Креста (то есть нашей эры) в угасавшем городе Мерв на краю пустыни. Брат отца Хакима обучил его ремеслу красильщика, «искусству нечестивых», вдохновившему его на еретические мысли. («Так я извращал подлинные цвета тварей».)

Затем Хаким исчезает из родного города, оставив в доме разбитые котлы и красильные чаны, а также ширазский ятаган и бронзовое зеркало. Более чем через десять лет после этого, накануне начала Рамадана, у ворот караван-сарая на дороге в Мерв сидели рабы, нищие, похитители верблюдов и мясники. Вдруг они увидели, как из недр пустыни появились три фигуры, показавшиеся им необычно высокими. Все три были фигурами человеческими, но у шедшей по середине была голова быка. Когда фигуры приблизились, люди разглядели, что на лице у того, кто шел по середине, маска, а двое других — слепые. Они слепые, объяснил человек в маске, потому что увидели мое лицо. Он назвался

Хакимом и рассказал, что более десяти лет назад в его дом вошел человек, который, совершив омовение и помолясь, отсек ему голову ятаганом и унес её на небо. Там голова его была явлена Господу, который повелел ей пророчествовать и вложил в нее слова столь древние, что они сжигали повторявшие их уста, и наделил её райским сиянием, непереносимым для смертных глаз. Когда люди на земле признают новое учение, лик будет открыт им и они смогут поклоняться ему, не боясь ослепнуть.

Возвестив о своем посланничестве, Хаким призвал людей к священной войне, джихаду, и к мученической гибели. Рабы, мясники, попрошайки, погонщики верблюдов отказывались поверить в него. У кого-то из постояльцев караван-сарая был с собою леопард. Неожиданно он вырвался из клетки. Все, кроме пророка в маске и его слепых спутников, бросились бежать. Когда они вернулись, оказалось, что зверь ослеп. Увидев мертвые глаза зверя, люди упали к ногам Хакима и признали его сверхъестественную силу.

Хаким, сменивший со временем бычью маску на четырехслойное покрывало белого шелка, расшитое драгоценными камнями, сделался необычайно популярен в Хорасане. В битвах с халифами-Аббасидами войско Пророка Под Покрывалом не раз одерживало победу. Роль Хакима в сражениях сводилась к пению молитв, возносимых к божеству с хребта рыжего верблюда в самой гуще схватки. Но ни одна стрела не коснулась Пророка. Казалось, он ищет опасности, — как-то ночью, встретив отвратительных прокаженных, он расцеловал их и одарил золотом и серебром. Правление Хаким поручил шести-семи своим приверженцам. Сам же он был склонен к размышлениям и покою; гарем из ста четырнадцати слепых женщин предназначался для удовлетворения нужд его божественного тела.

Еретическая космогония Хакима основывалась на существовании некоего призрачного Бога, не имеющего ни имени, ни облика. От него происходят девять теней, населивших и возглавивших первое небо. Из первого демиургического венца произошел второй, тоже с ангелами, силами и престолами, а те, в свою очередь, основали другое небо, находящееся ниже. Второе святое сборище было отражено в третьем, то — в следующем, и так до 999. Управляет ими владыка изначального неба — тень теней других теней.

Земля, на которой мы живем, — это просто ошибка, неумелая пародия. Зеркала и деторождение отвратительны, ибо умножают и укрепляют эту ошибку. Основная добродетель — отвращение. Рай и ад у Хакима были не менее безотрадны. «В этой жизни, — обещает Хаким, — вы терпите муки одного тела; но в духе и в воздаянии — в бесчисленных телах». Рай же представляется местом, где всегда темно и повсюду каменные чаши со святой водой, а блаженство этого рая — «особое блаженство расставаний, отречения и тех, кто спит».

На пятый год своей пророческой жизни Хаким был осажден в Санаме войсками халифа. Продовольствия и воинов хватало, вдобавок ожидалась скорая подмога сонма ангелов света. Внезапно по крепости распространился страшный слух. Когда одну из женщин гарема хотели казнить за прелюбодеяние, она объявила, что на правой руке Пророка нет безымянного пальца, а на остальных пальцах нет ногтей.

На высокой террасе, при ярком солнце Хаким просил свое божество даровать победу. К нему приблизились два его военачальника и сорвали с него расшитое драгоценными камнями Покрывало.

Все содрогнулись. Лик, побывавший на небесах, действительно поражал белизною — особой белизною пятнистой проказы. Бровей не было, нижнее веко правого глаза отвисало на дряблую щеку, тяжелая бугорчатая гроздь изъела губы, нос, разбухший и приплюснутый, как у льва,

Хаким в последний раз попытался обмануть окружающих: — Ваши мерзкие грехи не дают вам узреть мое сияние...

Его не стали слушать и проткнули копьями.

Автор пересказа неизвестен

Альберто Моравиа

Равнодушные

Италия, двадцатые годы XX в.

Три дня из жизни пятерых людей: немолодой дамы, Мариаграции, хозяйки приходящей в упадок виллы, её детей, Микеле и Карлы, Лео, давнего любовника Мариаграции, Лизы, её приятельницы. Разговоры, свидания, мысли...

Из всех пятерых один Лео доволен жизнью и говорит, что, доведись ему снова родиться на свет, он хотел бы быть «точно таким же и носить то же имя — Лео Мерумечи». Лео чужды раскаяние, тоска, угрызения совести, недовольство

собой. Единственное его желание — получать удовольствие от жизни. Юность Карлы возбуждает в нем необузданную похоть, которую он, не задумываясь, готов удовлетворить чуть не на глазах у бывшей любовницы в её собственном доме. Тут ему, Правда, не везет: стараясь подстегнуть чувственность Карлы и придать ей смелости, он так усердно накачивает её шампанским, что в решающий момент бедняжку просто-напросто начинает тошнить. И он тут же бросается к Лизе, еще одной бывшей любовнице, а когда та отвергает его домогательства, пытается овладеть ею силой. Мариаграцию этот самодовольный пошляк, сыплющий плоскими остротами и поучениями, почти презирает, даже к Карле, которую так настойчиво соблазняет, не испытывает ни любви, ни нежности. В довершение ко всему Лео Мерумечи нечист на руку — он ведет дела Мариаграции и без зазрения совести обкрадывает её семью.

Мариаграция изнывает от ревности, она чувствует, что Лео давно не испытывает к ней прежних чувств, но не видит истинной причины охлаждения — его увлечения Карлой. В её жизни нет ничего, кроме отношений с любовником, — ни интересов, ни обязанностей. Она то и дело устраивает глупейшие сцены ревности, не стесняясь детей, давным-давно осведомленных о том, что Лео — нечто большее, чем друг дома. Самое удивительное в этой женщине — её абсолютная слепота. Она словно отказывается воспринимать реальность, не видит того, что дети стали чужими, закрывает глаза на грубость и жестокость Лео, умудряется по-прежнему считать себя обольстительной красавицей, а Лео «самым добрым человеком на свете». Ее ревность направлена на Лизу, и никакие уверения подруги не в силах ни в чем её убедить. И все-таки в убогом душевном мире Мариаграции, в безвкусном сочетании глупости с sentimentalностью, есть место непосредственности и порывистости, а её «дряблое доверчивое сердце» способно на некое подобие любви и страдания.

Карла тяготится бессмысленностью существования и хотела бы «любой ценой изменить жизнь», даже ценой связи с любовником матери, который, в сущности, ей безразличен и даже порой отвратителен. В отличие от матери она не питает никаких иллюзий относительно Лео, но жизнь в родительском доме, где «привычка и скука вечно сидят в засаде», угнетает её. Она страдает от того, что каждый день видит одно и то же и в жизни ничего не меняется. Мать и брат ей тоже безразличны — единственный раз, когда мать пытается искать у нее утешения, Карла испытывает лишь неловкость. Ей, правда, присущи некоторые душевные сомнения относительно возможной связи с Лео, но не потому, что она отнимает у матери любимую игрушку, а из-за собственной нерешительности и безволия. Но ведь другого способа «начать новую жизнь» она не знает, как не знает и того, какой должна быть эта жизнь. В голове Карлы возникают заманчивые видения, ведь Лео может дать ей очень многое: автомобиль, драгоценности, путешествия, и все же не этим вызвано её решение отдаться ему. В действительности она просто уступает его нажиму. Но в её душе живет смутная потребность в любви, и, когда во время первого свидания с Лео в его доме возникает недоразумение, связанное с запиской того же Лео, Карла невольно преподносит ему историю о вымышленном возлюбленном, который один любит и понимает её. А само свидание рождает в девушке двойственные ощущения: природная чувственность берет свое, но Карла не получает от любовника ни нежности, ни утешения. После ночного приступа смятения и жалости к себе наступает утро, страхи исчезают, трезво оценивая случившееся, Карла с некоторым разочарованием понимает, какой будет на самом деле её новая жизнь. Но дорога проложена, Карла не хочет «копаться в своих и чужих чувствах» и принимает вынужденное предложение Лео выйти за него замуж, так и не сказав ни о чем матери.

Только Микеле ясно отдает себе отчет в том, что жизнь, которой живут все вокруг него, — ложь, «постыдная комедия». Он все время думает о том, что этот мир принадлежит таким, как его мать и Лиза, с их смехотворными претензиями, да еще самоуверенным негодьям вроде Лео. Этот юноша, на которого время наложило неизгладимый отпечаток, несчастен и одинок еще более, чем другие, потому что осознает свою ущербность. Его чувства и мысли меняются семь раз на дню — то ему кажется, что он стремится к другой, честной и чистой жизни, то жаждет мирских благ и проигрывает в воображении момент, когда он продает свою сестру Лео (не зная того, что Карла уже стала его любовницей). Склонный к самоанализу, Микеле знает, что он порочен и что главный его порок — равнодушие, отсутствие искренних чувств. Ему противны окружающие, но даже им он завидует, потому что они живут реальной жизнью, испытывают реальные чувства. Это любовь, ненависть, гнев, жалость; конечно, подобные чувства ему известны, но испытывать их он не способен. Он понимает, что должен был бы возненавидеть Лео, любить Лизу (которой вдруг пришла в голову слащаво-сентиментальная идея любви к чистому юноше), «испытывать отвращение и сострадание к матери и нежность к Карле», но остается безразличным, несмотря на все свои усилия «воспылать». Любой поступок Микеле диктуется не порывом, непосредственным чувством, а умозрительным представлением о том, как поступил бы на его месте другой, более искренний, полноценный человек. Именно поэтому его действия так нелепы, что он становится смешным. Изображая возмущение, он бросает пепельницу в Лео, но делает это так вяло, что попадает в плечо матери, после чего разыгрывается очередная фарсовая сцена. Он вовсе не влюблен в перзрелую Лизу, но зачем-то собирается к ней на свидание. На этом свидании Лиза сообщает ему новость, которая должна была бы пробить броню его равнодушия, — об отношениях Лео с Карлой. И снова — ни гнева, ни отвращения. Даже этот удар не выводит его из душевного оцепенения. И тогда Микеле, в основном только для того, чтобы убедить Лизу, которая не верит плохо разыгранной сцене гнева оскорбленного брата, покупает пистолет, идет к Лео (по дороге рисуя в воображении довольно романтическую картину судебного процесса и одновременно надеясь, что Лео не окажется дома) и стреляет в него, забыв, однако, зарядить пистолет. Взбешенный Лео едва не выгнал Микеле самым унижительным образом, но тут из спальни появляется Карла. Брат и сестра, должно быть, впервые в жизни говорят как близкие люди, а Лео, для которого их намерение продать виллу, чтобы начать новую жизнь, означает катастрофу, приходится сделать Карле предложение. Микеле просит сестру отвергнуть Лео, потому что этот брак означал бы

воплощение его постыдных грез о продаже сестры, но понимает, что и тут проиграл: Карла считает, что это лучшее, на что она может рассчитывать. Перед Микеле остается один путь, по которому идут Мариаграция, Лиза, Лео, Карла и большинство людей, которые его окружают, — путь лжи, безверия и равнодушия.

Автор пересказа неизвестен

Альберто Моравиа
Чочара

Италия, 1943–1944 гг.

Чезире тридцать пять лет, она уроженка Чочарии, горной местности, лежащей к югу от Рима. Молоденькой девушкой она вышла замуж за лавочника, переехала в Рим, родила дочь и сначала была очень счастлива — до тех пор, пока ей не открылось истинное лицо мужа. Но потом он тяжело заболел и умер (Чезира ухаживала за ним, как подобает любящей жене), и она снова почувствовала себя почти счастливой. У нее были «лавка, квартира и дочь» — разве этого мало для счастья? Чезира едва умеет читать (хотя деньги считает неплохо) и политикой не интересуется. Идет война, но она толком не знает, кто с кем воюет и почему. Война пока даже выгодна: торговля идет бойчее, чем в мирное время, потому что они с дочерью промышляют на черном рынке и удачно спекулируют продовольствием. Она свято уверена, что, как бы ни сложились обстоятельства, Риму ничто не грозит, поскольку там «живет Пала».

Однако скоро возвращается Муссолини, приходят немцы, улицы полны молодчиков в черных рубашках, а главное, начинаются бомбежки и голод, и Чезира решает переждать это «скверное время» в деревне, у родителей. Сама-то она — женщина сильная и ничего не боится, а вот дочь, восемнадцатилетняя Розетта, робка, искренне религиозна и очень чувствительна. Чезира с гордостью считает, что Розетта — воплощенное совершенство, «почти святая», правда, вскоре ей предстоит прийти к выводу, что совершенство, основанное на неведении и отсутствии жизненного опыта, рассыпается как картонный домик при соприкосновении с темными сторонами жизни. Вообще, несмотря на то что Чезира — простая, почти неграмотная женщина, она наделена реалистичным природным умом и наблюдательностью, проницательна, видит людей насквозь и склонна к своего рода философским обобщениям. В отличие от большинства крестьян, для которых природа — лишь среда обитания и орудие производства, она видит и чувствует своеобразную красоту итальянских гор, то покрытых изумрудной травой, то выжженных до белизны горячим солнцем.

Чезира намеревается провести в деревне не более двух недель, но путешествие затягивается на долгих девять месяцев, полных невзгод, лишений, горького опыта. Им не удастся добраться до родителей Чезиры, потому что те, как и остальные деревенские жители, сбежали от наступающей войны. Безлюден и городок Фонди, который Чезира помнила таким шумным и оживленным, двери и окна заколочены, словно по улицам прошла чума, в окрестных полях брошен необрушенный урожай. В конце концов две женщины находят пристанище в одном странном семействе, разумеется не бесплатно (у Чезиры припрятана огромная по крестьянским меркам сумма — сто тысяч лир). Здесь Чезира впервые убеждается в том, что война, насилие и беззаконие обнажают самые неприглядные качества человека, те, которых принято сгладить в мирное время. Кончетта, её придурковатый муж и два сына-дезертира без зазрения совести крадут и продают имущество, брошенное соседями, потому что, эти вещи, по их мнению, «не принадлежат никому». Кончетта готова продать местным фашистам невинную девушку Розетту в обмен на безопасность своих сыновей. Ночью Чезира с дочерью убегают в горы, где уже скрывается много беженцев из Фонди, снимают у крестьянина ветхий сарайчик, прилепившийся к скале, и запасаются продовольствием на зиму.

Привыкшую к достатку Чезиру поражает невероятная нищета, в которой живут крестьяне Сант-Еуфемии (даже стульями они пользуются только по праздникам, в остальное время сидят на земле, а стулья висят подвешенные к потолку), и уважение, которое они питают к деньгам и людям, имеющим деньги. Беженцы из Фонди — торговцы, ремесленники — побогаче, у них еще не кончились деньги и продукты, поэтому они все время проводят за едой, питьем и бесконечными разговорами о том, что будет, когда придут англичане. Эти простые люди не испытывают ненависти ни к своим, ни к немецким фашистам и сами не понимают, почему они «болеют» за союзников. Единственное, чего они хотят, — это как можно скорее вернуться к привычной жизни. Самое удивительное, все уверены, что с приходом союзников жизнь станет гораздо лучше, чем прежде.

Только один человек, Микеле, понимает, что в действительности происходит в стране. Микеле — сын торговца из Фонди. Он образованный человек и не похож ни на кого из тех, с кем когда-либо приходилось встречаться Чезире. Больше всего её поражает то, что Микеле, воспитанный при фашистском режиме, ненавидит фашизм и утверждает, что Муссолини и его приспешники — просто кучка бандитов. Микеле всего двадцать пять, в его жизни не было сколь-либо значительных событий, и потому Чезира по простоте душевной считает, что его убеждения возникли, может статься, просто из духа противоречия. Она видит, что Микеле — идеалист, не знающий жизни, а его любовь к крестьянам и рабочим носит, скорее, теоретический характер. По правде говоря, практичные, хитроватые,

приземленные крестьяне не особенно его жалуют, а собственный отец в лицо зовет дураком, хотя при этом втайне им гордится. Но Чезира понимает, какой это чистый, честный, глубоко порядочный человек, она любит его как сына и тяжело переживает его смерть (он гибнет, когда уже близок конец войны, заслонив собою крестьян от выстрелов озверевших немцев).

Жизнь Чезиры и Розетты в Сант-Еуфемии бедна событиями, но война постепенно приближается, происходит первая встреча с немцами, которая сразу убеждает местных жителей в том, что ничего хорошего от них ждать не следует (беженец, которого обокрали итальянские фашисты, обращается за помощью к немцам, а они в конце концов забирают украденное добро себе, а его самого отправляют на фронт копать окопы). Чезира видит собственными глазами, что немцы, итальянцы-дезертиры, её соседи — все ведут себя как бесчестные люди, и ей снова и снова приходит в голову: чтобы узнать человека, надо видеть его во время войны, когда каждый проявляет свои наклонности и его ничто не сдерживает.

Проходит зима, Сант-Еуфемия испытывает на себе немецкие облавы и английские бомбежки, голод и опасности. В апреле беженцы с радостью узнают, что англичане прорвали немецкую оборону и наступают. Чезира с Розеттой вместе с остальными спускаются в Фонди и находят на месте городка груды развалин, а с балкона уцелевшего дома американские солдаты кидают в толпу беженцев сигареты и леденцы. Выясняется, что Рим еще занят немцами и деваться им некуда. Здесь, в Фонди, под звук американских пушек Чезира засыпает и видит во сне зал, полный фашистов, лица Муссолини, Гитлера, видит, как этот зал взлетает на воздух, и ощущает бурную радость, понимает, что, должно быть, сама того не зная, всегда ненавидела фашистов и нацистов. Ей кажется, что теперь все будет хорошо, но война еще не кончена, впереди новое тяжкое испытание: в глухой деревушке марокканские солдаты насилуют её дочь, насилуют в церкви, прямо у алтаря, и вскоре Чезира понимает, что эти несколько минут изменили Розетту до неузнаваемости. «Почти святая» становится распутницей. Чезира возвращается в Рим, как и мечтала, но в душе её царит не радость, а отчаяние. По дороге грабители убивают друга Розетты, а Чезира, полная отвращения к самой себе, забирает его деньги, но эта смерть срывает с лица Розетты маску черствости, она плачет «о всех людях, искалеченных войной», и в душе Чезиры возрождается надежда.

Автор пересказа неизвестен

Итало Кальвино

Барон на дереве

Невероятные события настоящего романа, сочетающего в себе признаки и эссе, и утопии, и философско-сатирической повести, происходят на переломе XVIII и XIX столетий. Герой его, барон Козимо ди Рондо, в возрасте двенадцати лет, протестуя против вареных улиток, подаваемых каждый день к обеду, забирается на дерево и решает провести там всю жизнь, положив себе за правило никогда не касаться земли. И вот, неукоснительно исполняя свое решение, юный Козимо начинает обустроивать свою жизнь на деревьях.

Учась перебираться с дерева на дерево, он попадает в сад маркиза д'Ондарива, где знакомится с его дочерью Виолой. Впрочем, дружба их длится недолго — девочку вскоре отсылают в пансион.

Снабженцем Козимо является его младший брат Бьяджо — он носит ему одеяла, зонтики, еду и все необходимое для жизни. Смиренный аббат Фошляфлер, обучающий братьев всем наукам, дает Козимо уроки на открытом воздухе. Бьяджо видит, как его старший брат, «сидя на ветке вяза и свесив ноги, а аббат — внизу, посреди лужайки на скамеечке», в один голос повторяют гекзаметры. Потом Бьяджо наблюдает, как аббат, «болтая длинными тонкими ногами в черных чулках», пытается усесться на ветке дерева.

Козимо успешно охотится и, подобно Робинзону Крузо, из шкур убитых им зверей шьет себе одежду. Он приручает забытую Виолой таксу и называет её Оттимо-Массимо, полагая, что девочке это понравится.

Козимо удит рыбу, отлавливает пчелиные рои и постепенно перестает соблюдать заведенные в семье обычаи, как, например, ходить к обедне, и все реже появляется на ветке дуба возле раскрытого окна церкви.

В лесу, где живет Козимо, хозяйничает разбойник Лесной Джан. Однажды, когда юный барон сидит на ветке и читает «Жиль Блаза» Лесажа, на поляну выскакивает Лесной Джан: за ним гонятся сбиры. Козимо спасает разбойника, и тот просит у него почитать книжку. Между ними завязывается трогательная дружба. Теперь все книги из домашней библиотеки, которые Бьяджо носит брату, прочитываются еще и Лесным Джаном, от которого они возвращаются «растрепанными, с пятнами плесени и следами улиток, потому что Бог знает, где он их хранил». Разбойник привыкает читать, и «вскоре для брата, вечно подгоняемого ненасытным разбойником, чтение из полчасовой забавы превратилось в основное занятие и главную цель», потому что, прежде чем давать книгу разбойнику, ему приходится

её хотя бы просматривать: Лесной Джан разборчив и не читает плохих книг. Постепенно грозный разбойник проникается отвращением к «людям преступным и порочным», перестает заниматься своим разбойничьим делом, попадает в тюрьму, а потом на виселицу — как и герой последней прочитанной им книги.

За время знакомства с разбойником у Козимо развивается неумная страсть к чтению и серьезным занятиям. Он сам ищет аббата Аошлафлера и требует, чтобы тот объяснил ему тот или иной предмет. Добрейший аббат выписывает для своего воспитанника новейшие книги, и постепенно по округе ползет слух, что в замке барона ди Рондо живет «священник, который следит за всеми самыми что ни на есть кощунственными книгами в Европе». Церковный трибунал арестовывает аббата, и остаток жизни ему приходится провести в «тюрьме и монастыре». Отправившийся на охоту Козимо не успевает проститься со своим наставником. Козимо вступает в переписку с крупнейшими учеными и философами Европы. К сожалению, письма эти бесследно пропади — «наверняка были изъедены плесенью и изгрызены белками».

Читая «Энциклопедию» Дидро и д'Аламбера, Козимо проникается желанием «сделать что-нибудь на благо ближнего». С помощью Оггимо-Массимо он предотвращает лесной пожар, а затем спасает окрестных жителей от мусульманских пиратов.

Несмотря на свою бурную жизнь, Козимо не чувствует удовлетворения: он до сих пор не встретил любовь — как отыскать любовь на деревьях? Неожиданно он узнает, что в Оливбассе на деревьях живет целая колония испанцев, и тут же пускается в путешествие через леса, «с великим риском преодолевая участки, где почти нет растительности».

В Оливбассе действительно расположилась на деревьях колония изгнанников — испанских феодалов, возмущившихся против короля Карла III из-за каких-то привилегий. Козимо знакомится с Урсолой и познает таинство любви. Вскоре испанцам выходит прощение, они спускаются с деревьев и уезжают; отец Урсолы зовет Козимо с собой — женившись на его дочери, он станет его наследником. Молодой человек отказывается: «Я поселился на деревьях до вас, останусь на них и после вас!» — отвечает он.

Прибыв домой, Козимо тяжело заболевает. Выздоровливая, он, вынужденный неподвижно сидеть на дереве, начинает писать «Проект конституции идеального государства, расположенного на деревьях», в котором описывает воображаемую надземную республику, населенную справедливыми людьми. Свой труд он посылает Дидро. Слухи о Козимо бродят по Европе, газетчики в своих измышлениях помещают его где-то «между гермафродитом и сиреной». Возвращается Виола — она выросла и стала настоящей красавицей. Детская привязанность превращается в бурную страсть. «Для Козимо, да и для Виолы тоже, началось самое прекрасное время в жизни, она носилась по полям и дорогам на своей белой лошадке и, завидев Козимо между листвой и небом, тут же слезала с коня, взбиралась по кривому стволу и густым ветвям». Влюбленные познают друг друга и самих себя. Но проходит время, пылкие любовники ссорятся и расстаются навсегда.

После этого «Козимо долго ходил в лохмотьях по деревьям, рыдая и отказываясь от еды». Барона охватывает безумие. Именно в этот период он овладевает искусством книгопечатания и начинает публиковать брошюры и газеты. Постепенно рассудок возвращается к Козимо; он становится масоном, журнал, издаваемый им, получает название «Разумное позвоночное».

Над Европой дуют ветры свободы, во Франции происходит революция. Козимо помогает местным жителям избавиться от сборов и сборщиков налогов. На деревенской площади сажают дерево свободы, и Козимо с трехцветной кокардой на меховой шапке с верхушки его произносит речь о Руссо и Вольтере.

Козимо благополучно истребляет углубившийся в лес полк австрийцев и вдохновляет на битву отряд французских волонтеров под командованием поэта, лейтенанта Папийона. Вскоре французские войска из республиканских становятся императорскими и изрядно осточертевают местным жителям. Совершая после коронации поездку по Италии, Наполеон встречается со знаменитым «патриотом, живущим на деревьях» и изрекает: «Если бы я не был императором Наполеоном, я бы хотел быть гражданином Козимо Рондо!»

Козимо стареет. Войско Наполеона разбито на Березине, англичане высаживаются в Генуе, все ждут новых переворотов. Деятнадцатый век, начавшись плохо, продолжается еще хуже. «Над Европой нависла тень Реставрации; все реформаторы, будь то якобинцы или бонапартисты, разбиты; абсолютизм и иезуиты вновь торжествуют победу, идеалы юности, светлые огни и надежды нашего восемнадцатого века — все превратилось в пепел». Недужный Козимо целыми днями лежит на установленной на дереве кровати, греясь возле жаровни. Неожиданно в небе показывается монгольфьер, и в ту минуту, когда он пролетает мимо Козимо, тот «с поистине юношеской ловкостью» хватается за его болтающийся канат с якорем и, уносимый ветром, исчезает в морской дали.

«Так исчез Козимо, не доставив нам утешения увидеть, как он возвращается на землю хотя бы мертвым».

Умберто Эко
Имя Розы

В руки будущему переводчику и издателю «Записки отца Адсона из Мелька» попадают в Праге в 1968 г. На титульном листе французской книги середины прошлого века значится, что она представляет собой переложение с латинского текста XVII в., якобы воспроизводящего, в свою очередь, рукопись, созданную немецким монахом в конце XIV в. Разыскания, предпринятые в отношении автора французского перевода, латинского оригинала, а также личности самого Адсона не приносят результатов. Впоследствии и странная книга (возможно — фальшивка, существующая в единственном экземпляре) исчезает из поля зрения издателя, добавившего к недостоверной цепочке пересказов этой средневековой повести еще одно звено.

На склоне лет монах-бенедиктинец Адсон вспоминает события, очевидцем и участником которых ему довелось быть в 1327 г. Европу сотрясают политические и церковные раздоры. Император Людовик противостоит папе римскому Иоанну XXII. В то же время папа ведет борьбу с монашеским орденом францисканцев, в котором возобладали реформаторское движение нестяжателей-спиригуалов, до того подвергавшихся со стороны папской курии жестоким гонениям. Францисканцы объединяются с императором и становятся значительной силой в политической игре.

В эту смуту Адсон, тогда еще юноша-послушник, сопровождает в путешествии по городам и крупнейшим монастырям Италии английского францисканца Вильгельма Баскервильского. Вильгельм — мыслитель и богослов, испытатель естества, знаменитый своим мощным аналитическим умом, друг Уильяма Оккама и ученик Роджера Бэкона — выполняет задание императора подготовить и провести предварительную встречу между имперской делегацией францисканцев и представителями курии. В аббатство, где она должна состояться, Вильгельм и Адсон приходят за несколько дней до прибытия посольств. Встреча должна иметь форму диспута о бедности Христа и церкви; её цель — выяснить позиции сторон и возможность будущего визита генерала францисканцев к папскому престолу в Авиньон.

Еще не вступив в монастырские пределы, Вильгельм удивляет монахов, вышедших на поиски убежавшей лошади, точными дедуктивными умозаключениями. А настоятель аббатства сразу же обращается к нему с просьбой провести расследование о случившейся в обители странной смерти. Тело молодого монаха Адельма было найдено на дне обрыва, возможно, он был выброшен из башни нависающей над пропастью высокой постройки, называемой здесь Храмина. Аббат намекает, что ему известны подлинные обстоятельства гибели Адельма, однако он связан тайной исповеди, и поэтому истина должна прозвучать из других, незапечатанных уст.

Вильгельм получает разрешение опрашивать всех без исключения монахов и обследовать любые помещения обители — кроме знаменитой монастырской библиотеки. Крупнейшая в христианском мире, способная сравниться с полуполюгендарными библиотеками неверных, она расположена в верхнем этаже Храмины; доступ в нее имеют только библиотекарь и его помощник, только им известен план хранилища, выстроенного как лабиринт, и система расположения книг на полках. Прочие монахи: копиисты, рубрикаторы, переводчики, стекающиеся сюда со всей Европы, — работают с книгами в помещении для переписывания — скриптории. Библиотекарь единолично решает, когда и как предоставить книгу тому, кто её востребовал, и предоставляет ли вообще, ибо здесь немало языческих и еретических сочинений. В скриптории Вильгельм и Адсон знакомятся с библиотекарем Малахией, его помощником Беренгаром, переводчиком с греческого, приверженцем Аристотеля Венанцием и юным ритором Бенцием. Покойный Адельм, искусный рисовальщик, украшал поля рукописей фантастическими миниатюрами. Стоит монахам засмеяться, разглядывая их, — в скриптории появляется слепой брат Хорхе с упреком, что смехотворство и пустословие неприличны в обители. Сей муж, славный годами, праведностью и ученостью, живет с ощущением наступления последних времен и в ожидании скорого явления Антихриста. Осматривая аббатство, Вильгельм приходит к выводу, что Адельм, вероятнее всего, не был убит, но покончил с собой, бросившись вниз с монастырской стены, а под Храмину тело было перенесено впоследствии оползнем.

Но в ту же ночь в бочке со свежей кровью заколотых свиной обнаружен труп Венанция. Вильгельм, изучая следы, определяет, что убили монаха где-то в другом месте, скорее всего в Храмине, и бросили в бочку уже мертвым. Но на теле между тем нет ни ран, ни каких-либо повреждений или следов борьбы.

Заметив, что Бенций взволнован более других, а Беренгар откровенно испуган, Вильгельм немедленно допрашивает обоих. Беренгар признается, что видел Адельма в ночь его гибели: лицо рисовальщика было как лицо мертвеца, и Адельм говорил, что проклят и обречен на вечные муки, которые описал потрясенному собеседнику весьма убедительно. Бенций же сообщает, что за два дня до смерти Адельма в скриптории произошел диспут о допустимости смешного в изображении божественного и о том, что святые истины лучше представлять в грубых телах, чем в благородных. В пылу спора Беренгар ненароком проговорился, хотя и весьма туманно, о чем-то тщательно скрываемом в библиотеке. Упоминание об этом было связано со словом «Африка», а в каталоге среди обозначений,

понятных только библиотекарю, Бенций видел визу «предел Африки», но когда, заинтересовавшись, спросил книгу с этой визой, Малахия заявил, что все эти книги утеряны. Рассказывает Бенций и о том, чему стал свидетелем, проследив за Беренгаром после диспута. Вильгельм получает подтверждение версии самоубийства Адельма: видимо, в обмен на некую услугу, которая могла быть связана с возможностями Беренгара как помощника библиотекаря, последний склонил рисовальщика к содомскому греху, тяжести которого Адельм, однако, не мог вынести и поспешил исповедаться слепому Хорхе, но вместо отпущения получил грозное обещание неминуемого и страшного наказания. Сознание здешних монахов слишком возбуждено, с одной стороны, болезненным стремлением к книжному знанию, с другой — ужасающей постоянно памятью о дьяволе и аде, и это зачастую заставляет их видеть буквально воочию что-то, о чем они читают или слышат. Адельм считает себя уже попавшим в ад и в отчаянии решается свести счеты с жизнью.

Вильгельм пытается осмотреть рукописи и книги на столе Венанция в скриптории. Но сначала Хорхе, потом Бенций под разными предлогами отвлекают его. Вильгельм просит Малахию поставить кого-нибудь у стола на страже, а ночью вместе с Адсоном возвращается сюда через обнаруженный подземный ход, которым пользуется библиотекарь после того, как запирает вечером изнутри двери Храмины. Среди бумаг Венанция они находят пергамент с непонятными выписками и знаками тайнописи, но на столе отсутствует книга, которую Вильгельм видел здесь днем. Кто-то неосторожным звуком выдает свое присутствие в скриптории. Вильгельм бросается в погоню и внезапно в свет фонаря попадает выпавшая у беглеца книга, но неизвестный успевает схватить её раньше Вильгельма и скрыться.

По ночам библиотеку крепче замков и запретов охраняет страх. Многие монахи верят, что в темноте среди книг бродят ужасные существа и души умерших библиотекарей. Вильгельм скептически относится к подобным суевериям и не упускает возможности изучить хранилище, где Адсон испытывает на себе действие порождающих иллюзии кривых зеркал и светильника, пропитанного вызывающим видения составом. Лабиринт оказывается сложнее, чем предполагал Вильгельм, и только благодаря случаю им удается обнаружить выход. От встревоженного аббата они узнают об исчезновении Беренгара.

Мертвого помощника библиотекаря находят только через сутки в купальне, расположенной рядом с монастырской лечебницей. Травщик и лекарь Северин обращает внимание Вильгельма, что на пальцах у Беренгара остались следыкакого-то вещества. Травщик говорит, что видел такие же и у Венанция, когда труп отмыли от крови. К тому же язык у Беренгара почернел — очевидно, монах был отравлен, прежде чем захлебнулся в воде. Северин рассказывает, чтокогда-то давно держал у себя чрезвычайно ядовитое зелье, свойств которого не знал и сам, и оно пропало потом при странных обстоятельствах. О яде было известно Малахии, аббату и Беренгару. Тем временем в монастырь съезжаются посольства. С папской делегацией прибывает инквизитор Бернард Ги. Вильгельм не скрывает своей неприязни к нему лично и его методам. Бернард объявляет, что отныне сам будет заниматься расследованием происшествий в обители, от которых, по его мнению, сильно пахивает дьявольщиной.

Вильгельм и Адсон снова проникают в библиотеку, чтобы составить план лабиринта. Выясняется, что комнаты хранилища обозначены буквами, из которых, если проходить в определенном порядке, составляются условные слова и названия стран. Обнаружен и «предел Африки» — замаскированная и наглухо закрытая комната, однако они не находят способа войти в нее. Бернардом Ги задержаны и обвинены в колдовстве помощник лекаря и деревенская девушка, которую тот приводит по ночам ублажать похоть своего патрона за остатки монастырских трапез; накануне повстречался с ней и Адсон и не мог устоять перед искушением. Теперь участь девушки решена — как ведьма она пойдет на костер.

Братская дискуссия между францисканцами и представителями папы переходит в вульгарную драку, во время которой Северин сообщает оставшемуся в стороне от побоища Вильгельму, что нашел у себя в лаборатории странную книгу. Их разговор слышит слепой Хорхе, но и Бенций догадывается, что Северин обнаружил нечто, оставшееся от Беренгара. Возобновившийся было после общего замирения диспут прерывается известием, что травщик найден в лечебнице мертвым и убийца уже схвачен.

Череп травщика проломлен стоявшим на лабораторном столе металлическим небесным глобусом. Вильгельм ищет на пальцах Северина следы того же вещества, что у Беренгара и Венанция, но руки травщика обтянуты кожаными перчатками, используемыми при работах с опасными препаратами. На месте преступления застигнут келарь Ремигий, который тщетно пытается оправдаться и заявляет, что пришел в лечебницу, когда Северин был уже мертв. Бенций говорит Вильгельму, что вбежал сюда одним из первых, потом следил за входящими и уверен: Малахия уже был здесь, выжидал в нише за пологом, а после незаметно смешался с другими монахами. Вильгельм убежден, что большую книгу никто не мог вынести отсюда тайно и, если убийца — Малахия, она должна все еще находиться в лаборатории. Вильгельм и Адсон принимаются за поиски, но упускают из виду, что иногда древние рукописи переплетались по несколько в один том. В результате книга остается незамеченной ими среди других, принадлежавших Северину, и попадает к более догадливому Бенцию.

Бернард Ги проводит судилище над келарем и, уличив его в принадлежности некогда к одному из еретических течений, вынуждает принять на себя и вину за убийства в аббатстве. Инквизитора не интересует, кто на самом деле убил монахов, но он стремится доказать, что бывший еретик, ныне объявленный убийцей, разделял воззрения францисканцев-спиритуалов. Это позволяет сорвать встречу, в чем, по-видимому, и состояла цель, с которой он был направлен сюда папой.

На требование Вильгельма отдать книгу Бенций отвечает, что, даже не начиная читать, вернул её Малахии, от которого получил предложение занять освободившееся место помощника библиотекаря. Через несколько часов, во время церковной службы, Малахия в судорогах умирает, язык у него черен и на пальцах уже знакомые Вильгельму следы.

Аббат объявляет Вильгельму, что францисканец не оправдал его ожиданий и на следующее утро должен вместе с Адсоном покинуть обитель. Вильгельм возражает, что о монахах-мужеложцах, сведение счетов между которыми настоятель и считал причиной преступлений, он знает уже давно. Однако истинная причина не в этом: умирают те, кому известно о существовании в библиотеке «предела Африки». Аббат не может утаить, что слова Вильгельма навели его на какую-то догадку, но тем тверже настаивает на отъезде англичанина; теперь он намерен взять дело в свои руки и под свою ответственность.

Но и Вильгельм не собирается отступить, ибо подошел к решению вплотную. По случайной подсказке Адсона удается прочитать в тайнописи Венанция ключ, открывающий «предел Африки». На шестую ночь своего пребывания в аббатстве они вступают в тайную комнату библиотеки. Слепой Хорхе дожидается их внутри.

Вильгельм предполагал встретить его здесь. Сами недомолвки монахов, записи в библиотечном каталоге и некоторые факты позволили ему выяснить, что Хорхе когда-то был библиотекарем, а почувствовав, что слепнет, обучил сначала первого своего преемника, потом — Малахию. Ни тот ни другой не могли работать без его помощи и не ступали ни шагу, не спросив у него. Аббат также был от него в зависимости, поскольку получил свое место с его помощью. Сорок лет слепец является полновластным хозяином обители. И он считал, что некоторые из рукописей библиотеки должны навсегда остаться скрытыми от чьих-либо глаз. Когда же по вине Беренгара одна из них — может быть, самая важная — покинула эти стены, Хорхе приложил все усилия, чтобы вернуть её обратно. Эта книга — вторая часть «Поэтики» Аристотеля, считающаяся утраченной и посвященная смеху и смешному в искусстве, риторике, в мастерстве убеждения. Ради того, чтобы её существование осталось в тайне, Хорхе не задумываясь идет на преступление, ибо убежден: если смех будет освящен авторитетом Аристотеля, рухнет вся устоявшаяся средневековая иерархия ценностей, и культура, пестуемая в удаленных от мира монастырях, культура избранных и посвященных, будет сметена городской, низовой, площадной.

Хорхе признается, что понимал с самого начала: рано или поздно Вильгельм откроет истину, и следил, как шаг за шагом англичанин приближается к ней. Он протягивает Вильгельму книгу, за стремление видеть которую попластились жизнью уже пять человек, и предлагает читать. Но францисканец говорит, что разгадал и эту его дьявольскую уловку, и восстанавливает ход событий. Много лет назад, услышав, как кто-то в скриптории проявляет интерес к «пределу Африки», еще зрячий Хорхе похищает у Северина яд, однако в дело его пускает не сразу. Но когда Беренгар, из похвальбы перед Адельмом, однажды повел себя несдержанно, уже ослепший старик поднимается вверх и пропитывает ядом страницы книги. Адельм, согласившийся на постыдный грех, чтобы прикоснуться к тайне, не воспользовался сведениями, добытыми такой ценой, но, объятый после исповеди у Хорхе смертным ужасом, обо всем рассказывает Венанцию. Венанций добирается до книги, но, чтобы разделять мягкие пергаментные листы, ему приходится смачивать пальцы о язык. Он умирает, не успев выйти из Храмины. Беренгар находит тело и, испугавшись, что при расследовании неминуемо откроется бывшее между ним и Адельмом, переносит труп в бочку с кровью. Однако он тоже заинтересовался книгой, которую вырвал в скриптории почти из рук у Вильгельма. Он приносит её в лечебницу, где ночью может читать, не опасаясь, что будет кем-нибудь замечен. А когда яд начинает действовать, бросается в купальню в тщетной надежде, что вода уймёт пламя, пожирающее его изнутри. Так книга попадает к Северину. Посланный Хорхе Малахия убивает травщика, но умирает и сам, пожелав узнать, что такого запрещенного содержится в предмете, из-за которого его сделали убийцей. Последний в этом ряду — аббат. После разговора с Вильгельмом он потребовал у Хорхе объяснений, более того: требовал открыть «предел Африки» и положить конец секретности, установленной в библиотеке слепцом и его предшественниками. Сейчас он задыхается в каменном мешке еще одного подземного хода в библиотеку, где Хорхе запер его, а потом сломал управляющие дверями механизмы.

«Значит, мертвые умерли напрасно», — говорит Вильгельм: теперь книга найдена, а от яда Хорхе он сумел уберечься. Но во исполнение своего замысла старец готов и сам принять смерть. Хорхе рвет книгу и поедает отравленные страницы, а когда Вильгельм пытается остановить его, бежит, безошибочно ориентируясь в библиотеке по памяти. Лампа в руках у преследователей все же дает им некоторое преимущество. Однако настигнутому слепцу удается отнять светильник и отбросить в сторону. От разлившегося масла начинается пожар; Вильгельм и Адсон спешат за водой, но возвращаются слишком поздно. Ни к чему не приводят и усилия всей братии, поднятой по тревоге; огонь вырывается наружу и перекидывается от Храмины сперва на церковь, потом на остальные постройки.

На глазах у Адсона богатейшая обитель превращается в пепелище. Аббатство горит трое суток. К исходу третьего дня монахи, собрав немного, что удалось спасти, оставляют дымящиеся руины как место, проклятое Богом.

Автор пересказа неизвестен

Умберто Эко
Маятник Фуко

Завязка этого романа известного итальянского писателя, филолога и историка литературы приходится на начало семидесятых годов XX в., время, когда в Италии ещё бушевали молодежные бунты. Однако «политическим выбором» рассказчика, студента Миланского университета Казобона, становится, по его собственным словам, филология: «Я пришел к этому как человек, который смело берет в руки тексты речей об истине, готовясь править их». У него завязывается дружба с научным редактором издательства «Гарамон» Бельбо и его сослуживцем Диоталлеви, которой не мешает разница в возрасте; их объединяет интерес к загадкам человеческого разума и к средневековью. Казобон пишет диссертацию о тамплиерах; перед глазами читателя проходит история этого рыцарского братства, его возникновения, участия в крестовых походах, обстоятельства судебного процесса, завершившегося казнью руководителей ордена и его роспуском.

Далее роман вступает в область гипотез — Казобон с друзьями пытаются проследить посмертную судьбу ордена рыцарей Храма. Отправной точкой для их усилий служит появление в издательстве отставного полковника, уверенного, что он обнаружил зашифрованный План рыцарей ордена, план тайного заговора, замысел реванша, рассчитанного на века. Через день полковник исчезает бесследно; предполагается, что он убит; само это происшествие либо неприятный осадок, оставшийся от него, разлучает Казобона с друзьями. Разлука затягивается на несколько лет: закончив университет и защитив диплом, он уезжает в Бразилию преподавателем итальянского языка.

Непосредственной причиной отъезда является его любовь к местной уроженке Ампаро, красавице полукровке, проникнутой идеями Маркса и пафосом рационального объяснения мира. Однако сама магическая атмосфера страны и необычные встречи, которые с труднообъяснимым упорством подкидывает ему судьба, заставляют Казобона пока ещё почти незаметно для себя самого проделывать обратную эволюцию: преимущества рациональных истолкований представляются ему все менее очевидными. Он снова пытается изучать историю древних культов и герметических учений, приобщая к своим занятиям и скептически настроенную Ампаро; его притягивает земля колдунов — Байя, в той же степени, что и лекция о розенкрейцерах, читаемая соотечественником-итальянцем, по всем признакам — одним из тех шарлатанов, о многочисленности которых ему ещё только предстоит догадаться. Его усилия по проникновению в природу таинственного приносят свои плоды, но для него они оказываются горькими: во время магического обряда, участвовать в котором в знак особого расположения они были приглашены, Ампаро против собственной воли впадает в транс и, очнувшись, не может простить этого ни себе, ни ему. Проведя в Бразилии после этого ещё год, Казобон возвращается.

В Милане он снова встречается с Бельбо и через него получает приглашение сотрудничать в издательстве «Гарамон». Сначала речь идет о составлении научной энциклопедии металлов, но вскоре область его интересов существенно расширяется, опять захватывая сферу таинственного и эзотерического; он признается себе в том, что ему вообще становится все труднее отделять мир магии от мира науки: люди, о которых ещё в школе ему говорили, что они несли свет математики и физики в дебри суеверий, как выясняется, делали свои открытия, «опираясь, с одной стороны, на лабораторию, а с другой — на Каббалу». Немало этому способствует и так называемый проект «Гермес», детище господина Гарамона, главы издательства; к его осуществлению подключены и сам Казобон, и Бельбо, и Диоталлеви. Суть его заключается в том, чтобы объявив серию публикаций по оккультизму, магии и т.п., привлечь как серьезных авторов, так и фанатиков, сумасшедших, готовых платить деньги за опубликование своих творений; этих последних предполагается сплавлять в издательство «Мануцио», чье родство с «Гарамоном» держится в строжайшем секрете; оно предназначено для издания книг за счет авторов, на практике сводящегося к беспощадному «выдаиванию» их кошельков. В среде оккультистов «Гарамон» рассчитывает на богатый улов и потому настоятельно просит Бельбо и его друзей не пренебрегать ни кем.

Однако издания, предназначенные для «Гарамона», все-таки должны соответствовать неким требованиям; в качестве научного консультанта проекта по рекомендации Казобона приглашается знакомый ему по Бразилии некий господин Аглиэ, то ли авантюрист, то ли потомок знатного рода, возможно, граф, но во всяком случае человек богатый, с тонким вкусом и несомненно глубокими познаниями в области магии и оккультных наук; о самых древних магических ритуалах он рассказывает так, как будто бы сам при них присутствовал; собственно говоря, подчас он прямо намекает на это. При этом он вовсе не сноб, не чурается явных шарлатанов и психов и уверен, что даже в самом никудышном тексте можно отыскать «искорку если не истины, то хотя бы необычного обмана, а ведь часто эти крайности соприкасаются». Надеявшиеся отвести с его помощью в сторону поток плевел, направив его

на обогащение своего хозяина, и, быть может, найти в нем несколько зерен истины для себя, подавляемые авторитетом «господина графа» герои оказываются вынуждены барахтаться в этом потоке, не смея ничего отвергать: в любом плевеле может оказаться зерно, невидимое и не обнаруживаемое ни логикой, ни интуицией, ни здравым смыслом, ни опытом. Вот слова бедолаги-алхимика, подслушанные Казобоном во время ещё одного, на сей раз уже не далекого, шаманского, а донельзя приближенного к их родным домам ритуала, куда они попадают по приглашению Аглиэ: «Я испробовал все: кровь, волосы, душу Сатурна, маркасситы, чеснок, марсианский шафран, стружки и шлаки железа, свинцовый глет, сурьму — все напрасно. Я работал над тем, чтобы извлечь из серебра масло и воду; я обжигал серебро со специально приготовленной солью и без нее, а также с водкой, и добыл из него едкие масла, вот и все. Я употреблял молоко, вино, сычужину, сперму звезд, упавших на землю, чистотел, плаценту; я смешивал ртуть с металлами, превращая их в кристаллы; я направил свои поиски даже на пепел... Наконец...

— Что — наконец?

— Ничто на свете не требует большей осторожности, чем истина. Обнаружить её — все равно что пустить кровь прямо из сердца...»

Истина способна перевернуть или разрушить мир, ибо у него от нее нет защиты. Но истину до сих пор не удалось обнаружить; вот почему не следует пренебрегать ничем — лучше ещё раз испробовать всё, когда-либо бывшее предметом усилий и надежд кого-либо из посвященных. Пусть неоправданно; пусть ошибочно (и во что же тогда они были посвящены?) — неважно. «Каждая ошибка может оказаться мимовольной носительницей истины, — говорит Аглиэ. — Настоящему эзотеризму не страшны противоречия».

И этот водоворот ошибочных истин и чреватых истиною ошибок вновь толкает друзей на поиски Плана ордена тамплиеров; загадочный документ, оставшийся от исчезнувшего полковника, изучается ими снова и снова, и каждому его пункту подыскиваются исторические истолкования: это якобы выполнялось розенкрейцерами, это — павликианами, иезуитами, Бэконом, здесь приложили руку ассасины... Если План действительно существует, он должен объяснять всё; под этим девизом переписывается история мира, и постепенно мысль «мы нашли План, по которому движется мир» подменяется мыслью «мир движется по нашему Плану».

Проходит лето; Диоталлеви возвращается из отпуска уже тяжело больным, Бельбо — ещё более увлеченным Планом, удачи в работе над которым компенсируют ему поражения в реальной жизни, а Казобон готовится стать отцом: его новая подруга Лия должна скоро родить. Их усилия тем временем приближаются к завершению: они понимают, что местом последней встречи участников Плана должен стать парижский музей в церкви аббатства Сен-Мартен-де-Шан, Хранилище Искусств и Ремесел, где находится Маятник Фуко, который в строго определенный момент и укажет им точку на карте — вход во владения Царя Мира, центр теллурических токов, Пуп Земли, *Umbilicus Mundi*. Они постепенно уверяют себя в том, что им известен и день и час, остается найти карту, но тут Диоталлеви оказывается в больнице с самым неутешительным диагнозом, Казобон уезжает вместе с Лией и малышом в горы, а Бельбо, движимый ревностью к Аглиэ, ставшему его счастливым соперником в личной жизни, решает поделиться с ним их знаниями о Плане, умолчав об отсутствии и карты, и уверенности в том, что вся эта расшифровка — не плод их общего разбушевавшегося воображения.

Лия тем временем доказывает Казобону, что те обрывочные записи конца XIX в., которые они приняли за конспект Плана, скорее всего являются расчетами хозяина цветочного магазина, Диоталлеви при смерти; его клетки отказываются ему повиноваться и строят его тело по собственному плану, имя которому — рак; Бельбо находится в руках Аглиэ и своры его единомышленников, сперва изыскавших способ его шантажировать, а затем завлекших в Париж и вынуждающих уже под страхом смерти поделиться с ними последней тайной — картой. Казобон бросается на его поиски, но успевает застать только финал: в Хранилище Искусств и Ремесел обезумевшая толпа алхимиков, герметистов, сатанистов и прочих гностиков под предводительством Аглиэ, здесь уже, впрочем, называющегося графом Сен-Жерменом, отчаявшись добиться от Бельбо признания в местонахождении карты, казнит его, удавливая веревкой, привязанной к Маятнику Фуко; при этом погибает и его возлюбленная. Казобон спасается бегством; на следующий день в музее нет никаких следов вчерашнего происшествия, но Казобон не сомневается, что теперь очередь будет за ним, тем более что при отъезде из Парижа он узнает о смерти Диоталлеви. Один был убит людьми, поверившими в их План, другой — клетками, поверившими в возможность составить собственный и действовать по нему; Казобон, не желая подвергать опасности возлюбленную и ребёнка, запирается в доме Бельбо, листает чужие бумаги и ждет, кто и как придет убить его самого.

Автор пересказа неизвестен

В 1877 г. итальянский астроном Джованни Скиапарелли (1835-1910) обнаружил на Марсе сеть прямолинейных линий, которые он назвал каналами. Возникла гипотеза, согласно которой эти каналы являются искусственными сооружениями. Подобная точка зрения была впоследствии опровергнута, но при жизни Скиапарелли пользовалась широким признанием. А отсюда логически вытекала мысль об обитаемости этой планеты. Конечно, что-то ей и противоречило. Марс старше Земли, дальше отстоит от Солнца, и если жизнь на нем началась раньше, то уже близится к концу. Средняя дневная температура в экваториальном поясе не выше, чем у нас в самую холодную погоду, атмосфера очень разрежена, у полюсов скапливаются огромные массы льда. Но не следует ли отсюда, что за время существования Марса у них выросла несравнимая с земной техника и заодно стремление переселиться на другую, более удобную для жизни планету?

Таковы предпосылки этого самого большого по объему научно-фантастического романа Уэллса. В нем речь идет о вторжении марсиан на Землю. При противостоянии Земли и Марса расстояние между ними максимально сокращается. Астрономы в это время наблюдают какие-то вспышки на поверхности этой планеты. Скорее всего, это землетрясения. А может быть, предполагает Уэллс, марсиане просто отливают гигантскую пушку, из которой они скоро выпустят десять снарядов на Землю? Этих снарядов было бы и больше, но на Марсе что-то случилось — какой-то взрыв, — хотя прибывших марсиан оказалось вполне достаточно, чтобы, не случись непредвиденного, покорить всю нашу планету.

Кончается же роман еще одним научным допущением. Период развития марсианской цивилизации — стоит напомнить, очень длительный — оказался достаточным для того, чтобы уничтожить все болезнетворные микробы. И марсиане становятся жертвой своей неприспособленности к земной жизни. Они погибают.

Между этим зачином и концом как раз и разворачивается действие романа. Оно двояко. Поначалу Уэллс представляется своего рода последователем Жюль Верна, некоего «технического фантаста». Марсиане принесли на Землю новые принципы науки и техники. Их боевые треножки, шагающие со скоростью птицы, их тепловые и световые лучи, их газовые атаки, задолго предвещающие ужасы мировой войны, умение пользоваться суставными, а не колесными устройствами, к которым пришли инженеры будущих поколений, — это провозвестники робототехники. Летательные аппараты тяжелее воздуха только планировались, а у Уэллса его марсиане уже строят собственный самолет.

И еще одно предвидение Уэллса — химерическое. Марсиане похожи на разумного головостика, снабженного пучками щупалец. Они скорее порождение земной, а не внеземной цивилизации. И на взгляд современного человека они отвратительны. Тем более, что марсиане питаются кровью существ, напоминающих теперешних обитателей Земли. Это одна из главных причин их экспансии,

Действие начинается с падения первого отвинчивающегося изнутри цилиндра марсиан. Люди мечтают установить контакт с инопланетянами. Однако у марсиан совсем иные планы. Им необходимо подчинить себе Землю, и они с самого начала ведут себя крайне агрессивно, подавляя первые же очаги возможного сопротивления. Нацеленные на них артиллерийские батареи уничтожены тепловым лучом. Правительство в силах призвать население покинуть Лондон, после чего функции его совершенно исчерпываются. Производство приходит к концу. Нет больше никакого социального порядка. Начинается массовый исход населения из крупнейшего в мире города. Бесчинствуют мародеры. Люди, не подчиненные более внешней дисциплине, показывают себя такими, какие они есть.

В романе два рассказчика. Один из них — сам автор. Это он сразу же замечает прибытие марсиан, уничтожение миротворческой делегации с белым флагом, первые толпы беженцев, не успевшие еще достигнуть Лондона. В ходе скитаний ему встречаются два человека, останавливающих его внимание. Один из них — священник, с которым он по воле случая оказывается в полуразрушенном доме на самом краю гигантской воронки, вырытой падающим цилиндром. Из пролома в стене он наблюдает за тем, как марсиане собирают свои механизмы. Священник — человек искренне верующий, все же постепенно сходит с ума, поднимает крик и скоро привлекает внимание марсиан. В пролом протягиваются щупальца, и можно только догадываться, какая участь его ждет. Герой чудом избегает такой же судьбы.

И еще один человек попадает на его пути. Это ездовой артиллерийской батареи, отставший от своей части. В момент, когда они встречаются снова, марсиане уже успели восторжествовать над человечеством. Но, как выясняется, у артиллериста есть свой план спасения рода людского. Надо зарыться поглубже в землю, например в канализационную сеть, и переждать. Поначалу кажется, что в его выкладках есть доля истины. Канализация после дождя хорошо промыта. Она достаточно просторна, а проникнуть туда можно через специально вырытый подземный ход. Со временем Землю удастся отвоевать. Надо лишь овладеть тайной марсианских треножников. Людей ведь все равно останется больше. Да и среди них найдутся способные управлять этими до поры до времени непонятными механизмами.

План сам по себе был неплох. Да вот беда — он родился в голове человека, представляющего немалую опасность для человечества. Это выясняется чуть ли не с первого момента. Солдат-артиллерист — один из расплодившихся за последнее время мародеров. Не признав сразу рассказчика, он не желает пускать его на «свой участок», где скопилось

достаточное для двух человек количество еды. К тому же свой подкоп он роет в неправильном направлении. К канализации отсюда не пробиться. И времени для этого не будет. Создатель великого плана не слишком любит работать. Он предпочитает поглощать заготовленную кем-то другим еду и спиртные напитки.

Но хуже всего другая сторона этого «великого плана». Для его осуществления придется вывести новую породу людей. Слабых (по известному спартанскому образцу) надо будет убивать. Женщины будут призваны только рожать жизнеспособных людей. И рассказчик, носитель совсем других мыслей, решает покинуть этого необузданного и странного мечтателя и идти в Лондон.

Зрелище, представшее его глазам, отпугивает. Город, если не считать нескольких пьяных, опустел. Он завален трупами. И над всем этим слышится вой врезанного чудовища. Но рассказчик еще не ведает, что это предсмертный крик последнего оставшегося в живых марсианина.

О многом он узнает из уст своего брата. Это и есть второй рассказчик. Именно он и был свидетелем великого исхода из Лондона. В рассказе артиллериста о ничтожествах, населяющих Англию, было все-таки немало правды. Эти ничемные люди при первых же признаках опасности звереют и теряют чувство реальности. На дорогах они грабят и отнимают транспортные средства. Какой-то старик, рискуя жизнью, собирает рассыпавшееся, ставшее бесполезным золото. Но теперь поток хлынул обратно. И с тех пор люди узнали много нового о марсианах. Им не знакомо чувство усталости. Подобно муравьям, они работают все двадцать четыре часа в сутки. Размножаются они почкованием и поэтому не знают тех бурных эмоций, которые возникают у людей вследствие различия полов. Пищеварительный аппарат отсутствует. Главный орган — огромный, непрерывно работающий мозг. Все это делает их по-своему сильными и одновременно безжалостными.

А всем, что принесли с собой марсиане, люди, предсказывает Уэллс, со временем овладеют. Дело не в одной технике. Вторжение марсиан угрожало не только Англии, но и всей нашей планете. И Уэллс в конце книги возвращается к любимой своей мысли, которую он высказывал всю жизнь: «Быть может, вторжение марсиан не останется без пользы для людей; оно отняло у нас безмятежную веру в будущее, которая так легко ведет к упадку <...> оно способствовало пропаганде идеи о единой организации человечества».

Автор пересказа неизвестен

Герберт Джордж Уэллс
Человек-невидимка

В трактире «Кучер и кони», которым владеют миссис Холл и её подкаблучник муж, в начале февраля появляется закутанный с головы до ног таинственный незнакомец. Заполучить постояльца в зимний день очень не просто, а приезжий щедро платит.

Его поведение кажется все более странным, все больше настораживает окружающих. Он очень раздражителен, избегает людского общества. Когда он ест, то прикрывает рот салфеткой. Голова его вся обмотана бинтами. К тому же айпингским провинциалам (местечко в Южной Англии) никак не понять, чем он занимается. По дому разносятся запахи каких-то химических препаратов, звон разбитой посуды, громкие проклятия, которыми так и сыплет жилец (очевидно, что-то у него не получается).

Гриффин, чье имя мы узнаем много позже, стремится вернуть себе свое прежнее состояние, стать видимым, но терпит неудачи и все более раздражается. К тому же у него вышли деньги, его перестали кормить, и он идет, пользуясь своей невидимостью, на грабеж. Конечно же, подозрение первым делом падает на него.

Герой понемногу сходит с ума. Он по природе человек раздражительный, и сейчас это проявляется нагляднейшим образом. Голодный, измученный постоянными неудачами с опытами, он совершает безумный шаг — постепенно на глазах у всех срывает свою маскировку, предстает перед наблюдателями человеком без головы, а потом и вообще растворяется в воздухе. Первая погоня за Невидимкой кончается для него благополучно. Вдобавок, спасаясь от преследователей, Невидимка наталкивается на бродягу Марвела, именуемого «мистер Марвел» — быть может потому, что на нем неизменно надет потрепанный цилиндр. И он очень разборчив по части обуви. И немудрено — ничто так не нужно бродяге, как хорошие башмаки, пусть и пожертвованные. Вот в один прекрасный момент, примеряя и оценивая новые башмаки, он слышит Голос, раздающийся из пустоты. К числу слабостей мистера Марвела относится страсть к спиртному, поэтому ему не сразу удастся поверить самому себе, но приходится — невидимый голос объясняет ему, что увидел перед собой такого же отверженного, как и он сам, пожалел его и заодно подумал, что тот может ему помочь. Ведь он остался голый, загнанный, и мистер Марвел нужен ему в помощники. Первым делом надо достать одежду, потом деньги. Мистер Марвел поначалу выполняет все требования — тем более что Невидимка не оставил

своих агрессивных нападков и представляет собой немалую опасность. В Айпинге идут приготовления к празднику. И прежде чем окончательно уйти из Айпинга, Невидимка устраивает там разгром, перерезает телеграфные провода, крадет одежду викария, забирает книги со своими научными записями, нагружает всем этим беднягу Марвела и удаляется из поля зрения местных обывателей. А в окрестных местах люди частенько видят то мелькающие в воздухе пригоршни монет, а то и целые пачки банкнот. Марвел все порывается ударить, но его всякий раз останавливает невидимый Голос. И он отлично помнит, какие цепкие у Невидимки руки. В последний раз он совсем уж собрался открыться случайно встреченному матросу, но немедленно обнаружил, что Невидимка рядом, и замолк. Но только на время. Слишком много скопилось в карманах денег.

И вот как-то раз доктор Кемп, спокойно сидевший в своем богатом, заполненном слугами доме и занятый научной работой, за которую мечтал быть удостоенным звания члена Королевского общества, увидел стремительно бегущего человека в потрепанном шелковом цилиндре. В руках у него были перевязанные бечевкой книги, карманы, как потом выяснилось, набиты деньгами. Маршрут этого толстяка был проложен на редкость точно. Сперва он спрятался в кабачке «Веселые крикетисты», а потом попросил поскорее препроводить его в полицию. Еще минута, и он скрылся в ближайшем полицейском участке, где попросил тотчас же запереть его в самой надежной камере. А в дверях доктора Кемпа раздался звонок. За дверью никого не оказалось. Должно быть, баловались мальчишки. Но в кабинете появился невидимый посетитель. Кемп обнаружил темное пятно на линолеуме. Это была кровь. В спальне простыня оказалась разорвана, постель смята. И тут он услышал голос: «Боже мой, да это Кемп!» Гриффин оказался университетским товарищем Кемпа.

После того как испуганный до полусмерти мистер Марвел спрятался в кабачке «Веселые крикетисты», одержимый жаждой мести Невидимка попытался туда прорваться, но это кончилось бедой. О Невидимке уже протрубили во всех газетах, люди приняли меры безопасности, а у одного из посетителей «Веселых крикетистов» — бородатого человека в сером, судя по акценту, американца, оказался шестизарядный револьвер, и он принялся веерообразно палить в дверь. Одна из пуль и попала Гриффину в руку, хотя опасной раны не было. Поиски тела результата не дали, а Гриффин тогда же появился у Кемпа.

Из рассказа, который Гриффин поведал своему однокашнику, мы и узнаем его предысторию.

Гриффин — талантливый, на грани гениальности ученый, однако его карьера складывалась не лучшим образом. Он занимался медициной, химией и физикой, но, зная, какие нравы царят в научном мире, опасался, что его открытия присвоит менее одаренные люди. В конце концов ему пришлось уйти из провинциального колледжа и поселиться в каком-то трущобном лондонском доме, где на первых порах никто ему не мешал. Не было только денег. Тут и начинается цепь преступлений Гриффина. Он грабит своего отца, отняв у него чужие деньги, и тот кончает жизнь самоубийством. У Гриффина же — ни капли раскаяния. Он так сосредоточен на своем деле, что никакие иные соображения он не принимает в расчет. Наконец наступает час долгожданного открытия. Но как жить дальше? Деньги на исходе, соседи и домохозяин в чем-то его подозревают. Слишком он не похож на других. И занимается чем-то непонятным. Надо бежать из ставшего неуютным дома. Но для этого сперва стать невидимым. А это мучительный процесс. Тело горит, как в огне, он теряет сознание. Его охватывает ужас при виде собственного, становящегося словно бы прозрачным тела.

Когда домохозяин с пасынками врывается в комнату, то, к удивлению, никого в ней не обнаруживает. А Гриффин впервые чувствует все неудобства своего положения. Выйдя на улицу, он замечает, что всякий, кому не лень, толкает его, извозчики едва не сшибают его с ног, собаки преследуют жутким лаем. Надо сперва одеться. Первая попытка ограбить магазин кончается неудачей. Но тут ему на глаза попадает бедная лавка, заваленная подержанными гримерными принадлежностями. Распоряжается ею какой-то несчастный горбун, которого он завязывает в простыню, лишая тем самым возможности спастись и, скорее всего, обрекая на голодную смерть. Но из лавки выходит тот самый человек, который потом явится в Айпинге. Остается только замести следы своего пребывания в Лондоне. Гриффин поджигает дом, уничтожая все свои препараты, и скрывается в Южной Англии, откуда при желании легко перебраться во Францию. Но прежде необходимо научиться переходить из невидимого в видимое состояние. Однако дело не ладится. Деньги кончились. Ограбление раскрывается. Организована погоня. Газеты полны сенсационными сообщениями. И в таком состоянии Гриффин появляется у доктора Кемпа — голодный, затравленный, раненый. Он и раньше был человеком неуравновешенным, а теперь у него вызревает мания человеконенавистничества. Отныне он — Невидимка — хочет править людьми, на десятилетия установив царство террора. Он уговаривает Кемпа стать его сообщником. Кемп понимает, что перед ним — опасный фанатик. И он принимает решение — пишет записку начальнику местной полиции полковнику Эдлаю. Когда тот появляется, Гриффин поначалу не собирается его трогать. «Я с вами не ссорился», — говорит он. Ему нужен предатель Кемп. Но у полковника заимствованный у Кемпа пистолет, и он падает очередной жертвой Гриффина. Затем следует совершенно бессмысленное убийство управляющего лорда Бэрдка, вооружившегося всего лишь тростью при виде висящего в воздухе железного прута.

Но Невидимку уже ищут — по плану, составленному Кемпом. Дороги засыпаны толченым стеклом, по всей округе скачут конные полицейские, двери и окна домов заперты, в проходящие поезда невозможно проникнуть, всюду рыщут собаки. Гриффин — как затравленный зверь, а затравленный зверь всегда опасен. Но ему еще надо отомстить Кемпу,

который после убийства Эдлая превращается из охотника в преследуемого. За ним гонится страшный невидимый противник. На счастье, уже на последнем издыхании Кемп оказывается в толпе земляков, и тут Гриффина ждет конец. Кемп хочет его спасти, но окружающие неумолимы. И постепенно у всех на глазах вновь возникает красивый, но весь израненный человек — Гриффин невидим, откуда он жив,

Впрочем, последнее действующее лицо этого романа — не Кемп, не Гриффин, а мистер Марвел. Он приоделся, приобрел на украденные у Гриффина деньги кабачок «Веселые крикетисты» и пользуется большим уважением в округе. А каждый вечер он запирается от людей и пытается разгадать тайну Гриффина. Чуть ли не последние его слова: «Вот голова была!»

Автор пересказа неизвестен

Джордж Бернард Шоу
Пигмалион

Действие пьесы разворачивается в Лондоне. В летний вечер дождь льет как из ведра. Прохожие бегут к Коvent-Гарденскому рынку и к портику собора св. Павла, где уже укрылось несколько человек, в том числе и пожилая дама с дочерью, они в вечерних туалетах, ждут, когда Фредди, сын дамы, найдет такси и приедет за ними. Все, кроме одного человека с записной книжкой, с нетерпением всматриваются в потоки дождя. Вдали появляется Фредди, не нашедший такси, и бежит к портику, но по дороге налетает на уличную цветочницу, торопящуюся укрыться от дождя, и вышибает у нее из рук корзину с фиалками. Та раздражается бранью. Человек с записной книжкой что-то спешно записывает. Девушка сокрушается, что пропали её фиалочки, и умоляет стоящего тут же полковника купить букетик. Тот, чтобы отвязаться, дает ей мелочь, но цветов не берет. Кто-то из прохожих обращает внимание цветочницы, неряшливо одетой и неумытой девушки, что человек с записной книжкой явно строчит на нее донос. Девушка начинает хныкать. Тот, однако, уверяет, что он не из полиции, и удивляет всех присутствующих тем, что точно определяет происхождение каждого из них по их произношению.

Мать Фредди отправляет сына обратно искать такси. Вскоре, правда, дождь прекращается, и она с дочерью идет на автобусную остановку. Полковник проявляет интерес к способностям человека с записной книжкой. Тот представляется как Генри Хиггинс, создатель «Универсального алфавита Хиггинса». Полковник же оказывается автором книги «Разговорный санскрит». Фамилия его Пикеринг. Он долго жил в Индии и приехал в Лондон специально, чтобы познакомиться с профессором Хиггинсом. Профессору тоже всегда хотелось познакомиться с полковником. Они уже собираются идти ужинать к полковнику в отель, когда цветочница опять начинает просить купить у нее цветочки. Хиггинс бросает ей в корзину горсть монет и уходит с полковником. Цветочница видит, что она теперь владеет, по её меркам, огромной суммой. Когда прибывает Фредди с наконец пойманным им такси, она садится в машину и, с шумом захлопнув дверцу, уезжает.

На следующее утро Хиггинс у себя дома демонстрирует полковнику Пикерингу свою фонографическую аппаратуру. Внезапно экономка Хиггинса, миссис Пирс, докладывает о том, что некая очень простая девушка желает переговорить с профессором. Входит вчерашняя цветочница. Она представляется Элизой Дулиттл и сообщает, что желает брать у профессора уроки фонетики, ибо с её произношением она не может устроиться на работу. Накануне она слышала, что Хиггинс дает такие уроки. Элиза уверена, что он с радостью согласится отработать те деньги, что вчера, не глядя, бросил в её корзину. Разговаривать о таких суммах ему, разумеется, смешно, однако Пикеринг предлагает Хиггинсу пари. Он подбивает его доказать, что за считанные месяцы может, как уверял накануне, превратить уличную цветочницу в герцогиню. Хиггинс находит это предложение заманчивым, тем более что Пикеринг готов, если Хиггинс выиграет, оплатить всю стоимость обучения Элизы. Миссис Пирс уводит отмывать Элизу в ванную комнату.

Через некоторое время к Хиггинсу приходит отец Элизы. Он мусорщик, простой человек, но поражает профессора своим природным красноречием. Хиггинс просит у Дулиттла позволения оставить его дочь у себя и дает ему за это пять фунтов. Когда появляется Элиза, уже вымытая, в японском халате, отец сначала даже не узнает свою дочь. Через пару месяцев Хиггинс приводит Элизу в дом к своей матери, как раз в её приемный день. Он хочет узнать, можно ли уже вводить девушку в светское общество. В гостях у миссис Хиггинс находятся миссис Эйнсфорд Хилл с дочерью и сыном. Это те самые люди, с которыми Хиггинс стоял под портиком собора в тот день, когда впервые увидел Элизу. Однако они не узнают девушку. Элиза сначала и ведет себя, и разговаривает, как великосветская леди, а затем переходит на рассказ о своей жизни и использует при этом такие уличные выражения, что все присутствующие только диву даются. Хиггинс делает вид, что это новый светский жаргон, таким образом сглаживая ситуацию. Элиза покидает собравшихся, оставляя Фредди в полнейшем восторге.

После этой встречи он начинает слать Элизе письма на десяти страницах. После ухода гостей Хиггинс и Пикеринг наперебой, увлеченно рассказывают миссис Хиггинс о том, как они занимаются с Элизой, как учат её, вывозят в оперу,

на выставки, одевают. Миссис Хиггинс находит, что они обращаются с девушкой, как с живой куклой. Она согласна с миссис Пирс, которая считает, что они «ни о чем не думают».

Еще через несколько месяцев оба экспериментатора вывозят Элизу на великосветский прием, где она имеет головокружительный успех, все принимают её за герцогиню. Хиггинс выигрывает пари.

Придя домой, он наслаждается тем, что эксперимент, от которого он уже успел подустать, наконец закончен. Он ведет себя и разговаривает в своей обычной грубоватой манере, не обращая на Элизу ни малейшего внимания. Девушка выглядит очень уставшей и грустной, но при этом она ослепительно красива. Заметно, что в ней накапливается раздражение.

В конце концов она запускает в Хиггинса его туфлями. Ей хочется умереть. Она не знает, что с ней дальше будет, как ей жить. Ведь она стала совершенно другим человеком. Хиггинс уверяет, что все образуется. Ей, однако же, удается задеть его, вывести из равновесия и тем самым хотя бы немного за себя отомстить.

Ночью Элиза сбегает из дома. Наутро Хиггинс и Пикеринг теряют голову, когда видят, что Элизы нет. Они даже пытаются разыскать её при помощи полиции. Хиггинс чувствует себя без Элизы как без рук. Он не знает ни где лежат его вещи, ни какие у него назначены на день дела. Приезжает миссис Хиггинс. Затем докладывают о приходе отца Элизы. Дулиттл очень изменился. Теперь он выглядит как зажиточный буржуа. Он в негодовании набрасывается на Хиггинса за то, что по его вине ему пришлось изменить свой образ жизни и теперь стать гораздо менее свободным, чем он был прежде. Оказывается несколько месяцев назад Хиггинс написал в Америку одному миллионеру, основавшему по всему свету филиалы Лиги моральных реформ, что Дулиттл, простой мусорщик, сейчас самый оригинальный моралист во всей Англии. Тот умер, а перед смертью завещал Дулиттлу пай в своем тресте на три тысячи годового дохода при условии, что Дулиттл будет читать до шести лекций в год в его Лиге моральных реформ. Он сокрушается, что сегодня, например, ему даже приходится официально жениться на той, с кем уже несколько лет он прожил без регистрации отношений. И все это потому, что он вынужден теперь выглядеть как почтенный буржуа. Миссис Хиггинс очень рада, что отец, наконец, может позаботиться о своей изменившейся дочери, как она того заслуживает. Хиггинс, однако, и слышать не желает о том, чтобы «вернуть» Дулиттлу Элизу.

Миссис Хиггинс говорит, что знает, где Элиза. Девушка согласна вернуться, если Хиггинс попросит у нее прощения. Хиггинс ни в какую не соглашается пойти на это. Входит Элиза. Она выражает Пикерингу благодарность за его обращение с ней как с благородной дамой. Именно он помог Элизе измениться, несмотря на то что ей приходилось жить в доме грубого, неряшливого и невоспитанного Хиггинса. Хиггинс поражен. Элиза добавляет, что если он будет продолжать её «давить», то она отправится к профессору Непину, коллеге Хиггинса, и станет у него ассистенткой и сообщит ему обо всех открытиях, сделанных Хиггинсом. После всплеска возмущения профессор находит, что теперь её поведение даже лучше и достойнее, чем то, когда она следила за его вещами и приносила ему домашние туфли. Теперь, уверен он, они смогут жить вместе уже не просто как двое мужчин и одна глупая девушка, а как «три дружных старых холостяка».

Элиза отправляется на свадьбу отца. Судя по всему, она все же останется жить в доме Хиггинса, поскольку успела к нему привязаться, как и он к ней, и все у них пойдет по-прежнему.

Автор пересказа неизвестен

Джордж Бернард Шоу
Дом, где разбиваются сердца

Действие происходит сентябрьским вечером в английском провинциальном доме, по форме своей напоминающем корабль, ибо его хозяин, седовласый старик капитан Шатовер, всю жизнь проплавал по морям. В доме кроме капитана живут его дочь Гесиона, очень красивая сорокапятилетняя женщина, и её муж Гектор Хэшебай. Туда же приезжают приглашенные Гесионой Элли, молоденькая привлекательная девушка, её отец Мадзини Дэн и Менген, пожилой промышленник, за которого Элли собирается выйти замуж. Приезжает также леди Эттеруд, младшая сестра Гесионы, отсутствовавшая в родном доме последние двадцать пять лет, поскольку жила с мужем во всех по очереди колониях британской короны, где он был губернатором. Капитан Шатовер сначала не узнает или же делает вид, что не узнает в леди Эттеруд своей дочери, чем её очень огорчает.

Гесиона пригласила к себе Элли, её отца и Менгена, чтобы расстроить её брак, ибо она не хочет, чтобы девушка выходила замуж за нелюбимого человека из-за денег и благодарности, которую она испытывает к нему за то, что когда-то Менген помог её отцу избежать полнейшего разорения. В разговоре с Элли Гесиона выясняет, что девушка влюблена в некоего Марка Дарили, с которым познакомилась недавно и который рассказывал ей о своих необычных

приключениях, чем и покорила её. Во время их разговора в комнату заходит Гектор, муж Гесионы, красивый, хорошо сохранившийся пятидесятилетний мужчина. Элли внезапно умолкает, бледнеет и пошатывается. Это и есть тот, кто представился ей как Марк Дарнли. Гесиона выгоняет мужа из комнаты, чтобы привести Элли в чувство. Придя в себя, Элли ощущает, что в один миг лопнули все её девичьи иллюзии, а вместе с ними разбилось и сердце.

—По просьбе Гесионы Элли рассказывает ей все о Менгене, о том, как он в свое время дал её отцу крупную сумму, чтобы не допустить банкротства его предприятия. Когда предприятие все же обанкротилось, Менген помог её отцу выпутаться из столь сложной ситуации, купив все производство и дав ему место управляющего.— Входят капитан Шатовер и Менген. Капитану с первого же взгляда становится понятен характер отношений Элли и Менгена. Он отговаривает последнего жениться из-за большой разницы в возрасте и добавляет, что его дочь во что бы то ни стало решила расстроить их свадьбу.

Гектор впервые знакомится с леди Эттеруод, которую прежде никогда не видел. Оба производят друг на друга огромное впечатление, и каждый пытается заманить другого в свои сети. В леди Эттеруод, как признается Гектор своей жене, есть семейное дьявольское обаяние Шатоверов. Однако влюбиться в нее, как, впрочем, и в любую другую женщину, он не способен. По уверению Гесионы, то же самое можно сказать и о её сестре. Весь вечер Гектор и леди Эттеруод играют друг с другом в кошки-мышки.

Менген желает обсудить свои отношения с Элли. Элли сообщает ему, что согласна выйти за него замуж, ссылаясь в разговоре на его доброе сердце. На Менгена находит приступ откровенности, и он рассказывает девушке, как разорил её отца. Элли теперь это уже безразлично. Менген пытается пойти на попятную. Он уже не горит желанием брать Элли в жены. Однако Элли угрожает, что если он вздумает расторгнуть помолвку, то ему будет только хуже. Она шантажирует его.

Он падает в кресло, восклицая, что его мозги этого не выдержат. Элли гладит его ото лба к ушам и гипнотизирует. Во время следующей сцены Менген, с виду спящий, на самом деле все слышит, но не может пошевелиться, как его ни пытаются растормошить окружающие.

Гесиона убеждает Мадзини Дэна не выдавать дочь за Менгена. Мадзини высказывает все, что думает о нем: что тот ничего не смыслит в машинах, боится рабочих, не может ими управлять. Он такой младенец, что не знает даже, что ему есть и пить. Элли создаст ему режим. Она еще заставит его поплясать. Он не уверен, что лучше жить с человеком, которого любишь, но который всю жизнь у кого-то на побегушках. Входит Элли и клянется отцу, что она никогда не сделает ничего такого, чего она не хотела бы и не считала бы нужным сделать для собственного блага.

Менген просыпается, когда Элли выводит его из состояния гипноза. Он в ярости от всего услышанного о себе. Гесиона, которая весь вечер хотела переключить внимание Менгена с Элли на себя, видя его слезы и упреки, понимает, что сердце его тоже разбилось в этом доме. А она и не подозревала, что у Менгена оно вообще есть. Она пытается его утешить. Вдруг в доме раздается выстрел. Мадзини приводит в гостиную вора, которого только что чуть было не подстрелил. Вор хочет, чтобы на него заявили в полицию и он смог бы искупить свою вину, очистить совесть. Однако никому не хочется участвовать в судебном процессе. Вору сообщают, что он может идти, и дают ему денег на то, чтобы он смог приобрести новую профессию. Когда он уже находится в дверях, входит капитан Шатовер и узнает в нем Била Дэна, своего бывшего босмана, который его когда-то обворовал. Он приказывает служанке запереть вора в дальней комнате.

Когда все расходятся, Элли беседует с капитаном, который советует ей не выходить за Менгена и не позволять страху перед бедностью управлять её жизнью. Он рассказывает ей о своей судьбе, о своем заветном желании достичь седьмой степени созерцания. Элли чувствует себя с ним необыкновенно хорошо.

Все собираются в саду перед домом. Стоит прекрасная тихая безлунная ночь. Все чувствуют, что дом капитана Шатовера — странный дом. В нем люди ведут себя не так, как это принято. Гесиона при всех начинает спрашивать у сестры её мнение по поводу того, стоит ли Элли выходить замуж за Менгена только из-за его денег. Менген в ужасном смятении. Он не понимает, как можно говорить такое. Затем, разозлившись, теряет осторожность и сообщает, что собственных денег у него нет и никогда не было, что он просто берет деньги у синдикатов, акционеров и других ни к чему не пригодных капиталистов и пускает фабрики в ход — за это ему платят жалованье. Все начинают обсуждать Менгена при нем же самом, отчего он совершенно теряет голову и хочет раздеться догола, ибо, по его мнению, морально все в этом доме уже догола разоблачилось.

Элли сообщает, что все равно уже не сможет выйти замуж за Менгена, так как полчаса назад на небесах совершился её брак с капитаном Шатовером. Она отдала свое разбитое сердце и свою здоровую душу капитану, своему духовному супругу и отцу. Гесиона находит, что Элли поступила необыкновенно умно. Пока они продолжают беседу, вдали слышится глухой взрыв. Затем звонят из полиции и просят погасить свет. Свет гаснет. Однако капитан Шатовер зажигает его снова и срывает со всех окон шторы, чтобы дом было лучше видно. Все возбуждены. Вор и Менген не

хотят следовать в укрытие в подвал, а залезают в песочную яму, где у капитана хранится динамит, правда им об этом не известно. Остальные остаются в доме, не желая прятаться. Элли даже просит Гектора самого зажечь дом. Однако времени на это уже нет.

Страшный взрыв сотрясает землю. Из окон со звоном вылетают разбитые стекла. Бомба попала прямо в песочную яму. Менген и вор погибают. Самолет пролетает мимо. Опасности больше нет. Дом-корабль остается невредим. Элли от этого в отчаянии. Гектор, всю свою жизнь проведший в нем в качестве мужа Гесионы или, точнее, её комнатной собачки, тоже жалеет, что дом цел. На его лице написано омерзение. Гесиона пережила замечательные ощущения. Она надеется, что, может быть, завтра самолеты прилетят снова.

Автор пересказа неизвестен

Ричард Олдингтон

Смерть героя

Действие происходит в 1890—1918 гг. Произведение написано в форме воспоминаний автора о своем сверстнике, молодом английском офицере, погибшем во Франции в самом конце первой мировой войны. Его имя появилось в одном из последних списков павших на поле брани, когда военные действия давно уже прекратились, но газеты все еще продолжали публиковать имена убитых: «Уинтерборн, Эдуард Фредерик Джордж, капитан второй роты девятого батальона Фодерширского полка».

Джордж Уинтерборн полагал, что его возможная гибель причинит боль четырем людям: матери, отцу, жене Элизабет и любовнице Фанни, и поэтому их реакция на известие о его смерти уязвила бы его самолюбие, хотя в то же время и облегчило бы душу: он понял бы, что в этой жизни за ним не осталось долгов. Для матери, проводившей время в компании очередного любовника, трагическая весть стала лишь поводом разыграть из себя женщину, убитую горем, чтобы предоставить партнеру возможность себя утешать, утоляя подстегнутую печальным событием чувственность. Отец, который к тому времени разорился и ударился в религию, похоже, утерять интерес ко всему мирскому, — узнав о гибели сына, он стал лишь еще истовее молиться, а скоро и сам ушел в мир иной, попав под машину. Что же касается жены и любовницы, то, пока Джордж воевал во Франции, они продолжали вести богемный образ жизни, и это помогло им быстро утешиться.

Не исключено, что, запутавшись в личных проблемах, устав от войны, находясь на грани нервного истощения, Джордж Уинтерборн покончил жизнь самоубийством: ведь командиру роты не обязательно пускать себе пулю в лоб — достаточно подняться во весь рост под пулеметным огнем. «Экий остолоп», — сказал про него полковник.

Затем события в романе возвращаются почти на три десятилетия назад, ко временам молодости Джорджа Уинтерборна-старшего, отца главного героя, происходившего из благополучной буржуазной семьи. Его мать, властная и своенравная женщина, подавила в сыне все зачатки мужественности и самостоятельности и постаралась покрепче привязать к своей юбке. Он выучился на адвоката, но мать не отпустила его в Лондон, а заставила практиковать в Шеффилде, где у него почти не было работы. Все шло к тому, что Уинтерборн-старший останется холостяком и будет жить подле дражайшей мамаша. Но в 1890 г. он совершил паломничество в патриархальный Кент, где без памяти влюбился в одну из многочисленных дочерей отставного капитана Хартли. Изабелла покорила его своей живостью, ярким румянцем и броской, хоть и немного вульгарной красотой. Вообразив себе, что жених богач, капитан Хартли сразу дал согласие на брак. Матушка Джорджа тоже особенно не возражала, возможно, решив, что тиранить двоих людей куда приятнее, чем одного. Однако после свадьбы Изабеллу ждало сразу три горьких разочарования. В первую брачную ночь Джордж был слишком неумел и грубо изнасиловал её, доставив много лишних страданий, после чего она всю жизнь старалась свести к минимуму их физическую близость. Второй удар она испытала при виде неказистого домишки «богачей». Третий — когда узнала, что адвокатская практика мужа не приносит ни гроша и он находится на иждивении родителей, которые вряд ли многим богаче её отца. Разочарование в супружеской жизни и постоянные придирки свекрови заставили Изабеллу обратить всю свою любовь на первенца Джорджа, в то время как его отец плевал в потолок у себя в конторе и тщетно призывал мать и жену не ссориться. Окончательный крах адвокатской практики Джорджа Уинтерборна-старшего наступил в тот момент, когда его бывший однокашник Генри Балбери, вернув шись из Лондона, открыл в Шеффилде собственную юридическую фирму. Джордж, похоже, был этому только рад — под влиянием бесед с Балбери неудачливый адвокат решил посвятить себя «служению литературе».

Между тем терпение Изабеллы лопнуло, и она, взяв ребенка, сбежала к родителям. Приехавшего за ней мужа встретило разобиженное семейство Хартли, которое не могло простить ему того, что он оказался не богачом. Хартли настояли на том, чтобы молодая пара сняла домик в Кенте. В качестве компенсации Джорджу было разрешено продолжить свою «литературную деятельность». Какое-то время молодые блаженствовали: Изабелла могла вить

собственное гнездышко, а Джордж — считаться литератором, но скоро материальное положение семьи стало настолько шатким, что от катастрофы их спасла только смерть отца Джорджа, оставившего им небольшое наследство. Потом начался процесс над Оскаром Уайльдом, окончательно отвративший Уинтерборна-старшего от литературы. Он снова занялся адвокатской практикой и скоро разбогател. У них с Изабеллой родилось еще несколько детей.

Между тем Джордж Уинтерборн-младший задолго до того, как ему исполнилось пятнадцать лет, начал вести двойную жизнь. Уяснив, что подлинные движения души следует скрывать от взрослых, он старался выглядеть таким здоровым мальчишкой-дикарем, использовал жаргонные словечки, делал вид, что увлекается спортом. А сам был при этом чувствительной и тонкой натурой и хранил в своей комнате томик стихов Китса, похищенный из родительского книжного шкафа. Он с удовольствием рисовал и тратил все карманные деньги на покупку репродукций и красок. В школе, где придавали особое значение спортивным успехам и военно-патриотическому воспитанию, Джордж был на плохом счету. Однако кое-кто уже тогда видел в нем натуру неординарную и считал, что «мир о нем еще услышит».

Относительное благополучие семейства Уинтерборнов кончилось в тот день, когда неожиданно исчез отец: решив, что разорился, он сбежал от кредиторов. В действительности дела его были не так уж плохи, но бегство все погубило, и в один момент Уинтерборны превратились из почти богачей в почти бедняков. С тех пор отец и стал искать прибежище в Боге. В семье сложилась тяжелая атмосфера. Однажды, когда Джордж, поздно вернувшись домой, хотел поделиться с родителями радостью — своей первой публикацией в журнале, — те набросились на него с упреками, и в конце концов отец велел ему убираться из дома. Джордж уехал в Лондон, снял студию и начал заниматься живописью. На жизнь он зарабатывал в основном журналистикой; у него появились обширные знакомства в богемной среде. На одной из вечеринок Джордж встретил Элизабет, тоже свободную художницу, с которой у него сразу установилась духовная, а затем и физическая близость. Как страстные противники викторианских устоев, они считали, что любовь должна быть свободной, не отягощенной ложью, лицемерием и вынужденными обязательствами верности. Однако едва у Элизабет, главной поборницы свободной любви, появились подозрения в том, что она ждет ребенка, как она тут же потребовала зарегистрировать брак. Впрочем, подозрения оказались напрасными, и в их жизни ничего не изменилось: Джордж остался жить в своей студии, Элизабет — в своей. Вскоре Джордж сошелся с Фанни (больше по инициативе последней), а Элизабет, еще не зная об этом, тоже нашла себе любовника и сразу же рассказала обо всем Джорджу. Тогда-то ему и следовало бы признаться жене в своей связи с её близкой подругой, но по совету Фанни он этого не сделал, о чем впоследствии пожалел. Когда «современная» Элизабет узнала о «предательстве», она рассорилась с Фанни и в её отношениях с Джорджем тоже наступило охлаждение. А он метался между ними, поскольку любил обеих. В этом состоянии и застала их война.

Запутавшись в личной жизни, Джордж ушел в армию добровольцем. Он испытал на себе грубость унтер-офицеров, муштру в учебном батальоне. Физические лишения были велики, но еще тяжелее были мучения нравственные: из среды, где превыше всего ставили духовные ценности, он попал в среду, где эти ценности презирали. Через некоторое время его в составе саперного батальона направили во Францию на германский фронт.

Зимой в окопах царило затишье: солдаты противостоящих армий боролись с одним врагом — холодом; они болели воспалением легких и тщетно пытались согреться. Но с наступлением весны начались бои. Сражаясь на передовой, Джордж десятки раз находился на волосок от гибели — попадал под огонь вражеских батарей, подвергался химическим атакам, участвовал в боях. Ежедневно он видел вокруг себя смерть и страдания. Ненавидя войну и не разделяя ура-патриотических настроений своих товарищей по оружию, он тем не менее честно выполнял свой воинский долг и был рекомендован в офицерскую школу.

Перед тем как приступить к занятиям, Джордж получил двухнедельный отпуск, который провел в Лондоне. Именно в этот момент он почувствовал, что стал чужим в привычной некогда среде столичных интеллектуалов. Он порвал свои старые эскизы, найдя их слабыми и ученическими. Попробовал рисовать, но не смог даже провести уверенной карандашной линии. Элизабет, увлеченная своим новым другом, не уделяла ему особого внимания, да и Фанни, по-прежнему считавшая Джорджа прекрасным любовником, тоже с трудом выкраивала для него минутку-другую. Обе женщины решили, что он сильно деградировал с тех пор, как попал в армию, и все, что было в нем привлекательного, умерло.

По окончании офицерской школы он вернулся на фронт. Джорджа тяготило то, что его солдаты плохо обучены, положение роты уязвимо, а его непосредственный начальник мало что смыслит в военном ремесле. Но он снова впрягся в лямку и, стараясь избежать лишних потерь, руководил обороняющейся ротой, а когда пришла пора, повел её в наступление. Война подходила к концу, и рота вела свой последний бой. И вот когда солдаты залегли, прижатые к земле пулеметным огнем, Уинтерборну показалось, будто он сходит с ума. Он вскочил. Пулеметная очередь хлестнула его по груди, и все поглотила тьма.

Действие происходит в 1984 г. в Лондоне, столице Взлетной полосы номер один, провинции Океании. Уинстон Смит, невысокий щедедушный человек тридцати девяти лет собирается начать вести дневник в старинной толстой тетради, недавно купленной в лавке старьевщика. Если дневник обнаружат, Уинстона ждет смерть или двадцать пять лет каторжного лагеря. В его комнате, как в любом жилом или служебном помещении, в стену вмонтирован телеэкран, круглосуточно работающий и на прием, и на передачу. Полиция мыслей подслушивает каждое слово и наблюдает за каждым движением. Повсюду расклеены плакаты: огромное лицо человека с густыми черными усами, с глазами, устремленными прямо на смотрящего. Подпись гласит: «Старший Брат смотрит на тебя».

Уинстон хочет записать свои сомнения в правильности учения партии. Он не видит в окружающей его убогой жизни ничего похожего на идеалы, к которым стремится партия. Он ненавидит Старшего Брата и не признает лозунгов партии «Война — это мир, свобода — это рабство, незнание — сила». Партия приказывает верить только ей, а не собственным глазам и ушам. Уинстон пишет в дневнике: «Свобода — это возможность сказать, что дважды два — четыре». Он сознает, что совершает мыслепреступление. Мыслепреступника неизбежно ждет арест, его уничтожают, или, как принято говорить, распяляют. Семья сделалась придатком полиции мыслей, даже детей учат следить за родителями и доносить на них. Доносят друг на друга соседи и сослуживцы.

Уинстон работает в отделе документации в министерстве правды, ведающем информацией, образованием, досугом и искусствами. Там выискивают и собирают печатные издания, подлежащие уничтожению, замене или переделке, если содержащиеся в них цифры, мнения или прогнозы не совпадают с сегодняшними. Историю выскабливают, как старый пергамент, и пишут заново — столько раз, сколько нужно. Затем о подчистках забывают, и ложь становится правдой.

Уинстон вспоминает о двухминутке ненависти, проходившей сегодня в министерстве. Объект для ненависти неизменен: Голдстейн, в прошлом один из руководителей партии, вставший затем на путь контрреволюции, приговоренный к смерти и таинственно исчезнувший. Теперь он первый изменник и отступник, виновник всех преступлений и вредительств. Все ненавидят Голдстейна, опровергают и высмеивают его учение, но влияние его нисколько не ослабевает: ежедневно ловят шпионов и вредителей, действующих по его указке. Говорят, он командует Братством, подпольной армией врагов партии, говорят и об ужасной книге, своде всяческих ересей; у нее нет названия, её называют просто «книга».

На двухминутке присутствует О'Брайен, чиновник, занимающий очень высокий пост. Удивителен контраст между его мягкими жестами и внешностью боксера-тяжеловеса, Уинстон давно подозревает, что О'Брайен не вполне политически правоверен, и очень хочет с ним заговорить. В его глазах Уинстон читает понимание и поддержку. Однажды он даже слышит во сне голос О'Брайена: «Мы встретимся там, где нет темноты». На собраниях Уинстон часто ловит на себе взгляды темноволосой девушки из отдела литературы, которая громче всех кричит о своей ненависти к Голдстейну. Уинстон думает, что она связана с полицией мыслей.

Бродя по городским трущобам, Уинстон случайно оказывается возле знакомой лавки старьевщика и заходит в нее. Хозяин, мистер Чаррингтон, седой сутулый старик в очках, показывает ему комнату наверху: там стоит старинная мебель, на стене висит картина, там есть камин и нет телеэкрана. На обратном пути Уинстон встречает ту же самую девушку. Он не сомневается, что она следит за ним. Неожиданно девушка передает ему записку с признанием в любви. Они украдкой обмениваются несколькими словами в столовой и в толпе. Впервые в жизни Уинстон уверен, что перед ним сотрудник полиции мыслей.

Уинстона помещают в тюрьму, затем перевозят в министерство любви, в камеру, где никогда не выключают свет. Это место, где нет темноты. Входит О'Брайен. Уинстон поражен, забыв об осторожности, он кричит: «И вы у них!» — «Я давно у них», — с мягкой иронией отвечает О'Брайен. Из-за его спины появляется надзиратель, он изо всех сил бьет дубинкой по локтю Уинстона. Начинается кошмар. Сначала его подвергают допросам надзиратели, которые все время его бьют — кулаками, ногами, дубинками. Он кается во всех грехах, совершенных и несовершенных. Затем с ним работают следователи-партийцы; их многочасовые допросы ломают его сильнее, чем кулаки надзирателей. Уинстон говорит и подписывает все, что требуют, сознается в немыслимых преступлениях.

Теперь он лежит навзничь, тело закреплено так, что пошевелиться невозможно. О'Брайен поворачивает рычаг прибора, причиняющего невыносимую боль. Как учитель, который бьется с непослушным, но способным учеником, О'Брайен объясняет, что Уинстона держат здесь, чтобы излечить, то есть переделать. Партии не нужны послушание или покорность: враг должен принять сторону партии искренне, умом и сердцем. Он внушает Уинстону, что действительность существует лишь в сознании партии: что партия считает правдой, то и есть правда. Уинстон должен научиться видеть действительность глазами партии, ему надо перестать быть собой, а стать одним из «них». Первый этап О'Брайен называет учебой, второй — пониманием. Он утверждает, что власть партии вечна. Цель власти — сама власть, власть над людьми, и состоит она в том, чтобы причинять боль и унижать. Партия создаст мир страха,

предательства и мучений, мир топчущих и растоптанных. В этом мире не будет иных чувств, кроме страха, гнева, торжества и самоуничтожения, не будет иной верности, кроме партийной, не будет иной любви, кроме любви к Старшему Брату.

Уинстон возражает. Он считает, что цивилизацию, построенную на страхе и ненависти, ждет крах. Он верит в силу человеческого духа. Считает себя морально выше О'Брайена. Тот включает запись их разговора, когда Уинстон обещает красть, обманывать, убивать. Затем О'Брайен велит ему раздеться и взглянуть в зеркало: Уинстон видит грязное, беззубое, исхудавшее существо. «Если вы человек — таково человечество», — говорит ему О'Брайен. «Я не предал Джулию», — возражает ему Уинстон. Тогда Уинстона приводят в комнату под номером сто один, к его лицу приближают клетку с огромными голодными крысами. Для Уинстона это непереносимо. Он слышит их визг, ощущает их гнусный запах, но он намертво прикреплен к креслу. Уинстон осознает, что есть только один человек, чьим телом он может заслониться от крыс, и испуленно кричит: «Джулию! Отдайте им Джулию! Не меня!»

Уинстон ежедневно приходит в кафе «Под каштаном», смотрит на телеэкран, пьет джин. Жизнь ушла из него, его поддерживает только алкоголь. Они виделись с Джулией, и каждый знает, что Другой предал его. И теперь не испытывают ничего, кроме взаимной неприязни. Раздаются победные фанфары: Океания победила Евразию! Глядя на лицо Старшего Брата, Уинстон видит, что оно исполнено спокойной силы, а в черных усах прячется улыбка. Исцеление, о котором говорил О'Брайен, свершилось. Уинстон любит Старшего Брата.

Автор пересказа неизвестен

Альбер Камю
Посторонний

Мерсо, мелкий французский чиновник, житель алжирского предместья, получает известие о смерти своей матери. Три года назад, будучи не в состоянии содержать ее на свое скромное жалованье, он поместил ее в богадельню. Получив двухнедельный отпуск, Мерсо в тот же день отправляется на похороны.

После краткой беседы с директором богадельни Мерсо собирается провести ночь у гроба матери. Однако он отказывается взглянуть на покойную в последний раз, долго разговаривает со сторожем, спокойно пьет кофе с молоком и курит, а потом засыпает. Проснувшись, он видит рядом друзей своей матери из богадельни, и ему кажется, что они явились судить его. На следующее утро под палящим солнцем Мерсо равнодушно хоронит мать и возвращается в Алжир.

Проспав не меньше двенадцати часов, Мерсо решает пойти к морю искупаться и случайно встречает бывшую машинистку из своей конторы, Мари Кардона. В тот же вечер она становится его любовницей. Скоротав весь следующий день у окна своей комнаты, выходящей на главную улицу предместья, Мерсо думает о том, что в его жизни, в сущности, ничего не изменилось.

На следующий день, возвращаясь домой после работы, Мерсо встречает соседей: старика Саламано, как всегда, со своей собакой, и Раймона Синтеса, кладовщика, слывущего сутенером. Синтес хочет проучить свою любовницу, арабку, которая ему изменила, и просит Мерсо сочинить для нее письмо, с тем чтобы заманить на свидание, а потом избить. Вскоре Мерсо становится свидетелем бурной ссоры Раймона с любовницей, в которую вмешивается полиция, и соглашается выступить свидетелем в его пользу.

Патрон предлагает Мерсо новое назначение в Париж, но тот отказывается: жизнь все равно не переменишь. В тот же вечер Мари спрашивает у Мерсо, не собирается ли он жениться на ней. Как и продвижение по службе, Мерсо это не интересует.

Воскресенье Мерсо собирается провести на берегу моря вместе с Мари и Раймоном в гостях у его приятеля Массона. Подходя к автобусной остановке, Раймон и Мерсо замечают двух арабов, один из которых — брат любовницы Раймона. Эта встреча их настораживает.

После купания и обильного завтрака Массон предлагает друзьям прогуляться по берегу моря. В конце пляжа они замечают двух арабов в синих спецовках. Им кажется, что арабы выследили их. Начинается драка, один из арабов ранит Раймона ножом. Вскоре они отступают и спасаются бегством.

Через некоторое время Мерсо и его друзья снова приходят на пляж и за высокой скалой видят тех же арабов. Раймон отдает Мерсо револьвер, но видимых причин для ссоры нет. Мир как будто сомкнулся и сковал их. Друзья оставляют Мерсо одного. На него давит палящий зной, его охватывает пьяная одурь. У ручья за скалой он снова замечает араба,

ранившего Раймона. Не в силах выносить нестерпимую жару, Мерсо делает шаг вперед, достает револьвер и стреляет в араба, «как будто постучавшись в дверь несчастья четырьмя короткими ударами».

Мерсо арестован, его несколько раз вызывают на допрос. Он считает свое дело очень простым, но следователь и адвокат придерживаются другого мнения. Следователь, показавшийся Мерсо неглупым и симпатичным человеком, не может понять мотивы его преступления «Он заводит с ним разговор о Боге, но Мерсо признается в своем неверии. Собственное же преступление вызывает у него лишь досаду.

Следствие продолжается одиннадцать месяцев. Мерсо понимает, что тюремная камера стала для него домом и жизнь его остановилась. Вначале он мысленно все еще находится на воле, но после свидания с Мари в его душе происходит перемена. Томясь от скуки, он вспоминает прошлое и понимает, что человек, проживший хотя бы один день, сможет провести в тюрьме хоть сто лет — у него хватит воспоминаний. Постепенно Мерсо теряет понятие о времени.

Дело Мерсо назначается к слушанию на последней сессии суда присяжных. В душном зале набивается много народу, но Мерсо не в состоянии различить ни одного лица. У него возникает странное впечатление, будто он лишний, словно непрошенный гость. После долгого допроса свидетелей: директора и сторожа богадельни, Раймона, Массона, Саламано и Мари, прокурор произносит гневное заключение: Мерсо, ни разу не заплакав на похоронах собственной матери, не пожелав взглянуть на покойную, на следующий день вступает в связь с женщиной и, будучи приятелем профессионального сутенера, совершает убийство по ничтожному поводу, сводя со своей жертвой счеты. По словам прокурора, у Мерсо нет души, ему недоступны человеческие чувства, неведомы никакие принципы морали. В ужасе перед бесчувственностью преступника прокурор требует для него смертной казни.

В своей защитительной речи адвокат Мерсо, напротив, называет его честным тружеником и примерным сыном, содержавшим свою мать, пока это было возможно, и погубившим себя в минутном ослеплении. Мерсо ожидает тягчайшая кара — неизбывное раскаяние и укоры совести.

После перерыва председатель суда оглашает приговор: «от имени французского народа» Мерсо отрубят голову публично, на площади. Мерсо начинает размышлять о том, удастся ли ему избежать механического хода событий. Он не может согласиться с неизбежностью происходящего. Вскоре, однако, он смиряется с мыслью о смерти, поскольку жизнь не стоит того, чтобы за нее цепляться, и раз уж придется умереть, то не имеет значения, когда и как это случится.

Перед казнью в камеру Мерсо приходит священник. Но напрасно он пытается обратиться к Богу. Для Мерсо вечная жизнь не имеет никакого смысла, он не желает тратить на Бога оставшееся ему время, поэтому он изливает на священника все накопившееся негодование.

На пороге смерти Мерсо чувствует, как из бездны будущего к нему поднимается дыхание мрака, что его избрала одна-единственная судьба. Он готов все пережить заново и открывает свою душу ласковому равнодушию мира.

Автор пересказа неизвестен

Антуан де Сент-Экзюпери
Планета людей

Книга написана от первого лица. Экзюпери посвятил её одному из своих коллег-летчиков — Анри Гийоме.

Человек раскрывается в борьбе с препятствиями. Пилот подобен крестьянину, который возделывает землю и тем самым исторгает у природы некоторые из её тайн. Столь же плодотворна работа летчика. Первый полет над Аргентиной был незабываемым: внизу мерцали огоньки, и каждый из них говорил о чуде человеческого сознания — о мечтах, надеждах, любви.

Экзюпери стал работать на линии Тулуза — Дакар в 1926 г. Опытные летчики держались несколько отчужденно, но в их отрывистых рассказах возникал сказочный мир горных хребтов с западнями, провалами и вихрями. «Старички» искусно поддерживали преклонение, которое лишь возрастало, когда один из них не возвращался из полета. И вот наступил черед Экзюпери: ночью он отправился на аэродром в стареньком автобусе и, подобно многим своим товарищам, ощутил, как в нем рождается властелин — человек, от ветственный за испанскую и африканскую почту. Сидевшие рядом чиновники говорили о болезнях, деньгах, мелких домашних заботах — эти люди добровольно заключили себя в тюрьму мещанского благополучия, и никогда уже не проснется в их заскорузлых душах музыкант, поэт или астроном. Иное дело пилот, которому предстоит вступить в спор с грозой, горами и океаном — никто не пожалел о своем выборе, хотя для многих этот автобус стал последним земным приютом.

Из товарищей своих Экзюпери выделяет прежде всего Мермоза — одного из основателей французской авиалинии Касабланка — Дакар и первооткрывателя южноамериканской линии. Мермоз «вел разведку» для других и, освоив Анды, передал этот участок Гийоме, а сам взялся за приручение ночи. Он покориł пески, горы и море, которые, в свою очередь, не раз поглощали его — однако он всегда выбирался из плена. И вот после двенадцати лет работы, во время очередного рейса через Южную Атлантику, он коротко сообщил о том, что выключает правый задний мотор. Все радиостанции от Парижа до Буэнос-Айреса встали на тоскливую вахту, но больше вестей от Мермоза не было. Почив на дне океана, он завершил дело своей жизни.

Погибших никто не заменит. И величайшее счастье испытывают пилоты, когда вдруг воскресает тот, кого уже мысленно похоронили. Так произошло с Гийоме, который исчез во время рейса над Андами. Пять дней товарищи безуспешно искали его, и уже не оставалось сомнений, что он погиб — либо при падении, либо от холода. Но Гийоме сотворил чудо собственного спасения, пройдя через снега и льды. Он сказал потом, что вынес то, чего не вынесло бы ни одно животное — нет ничего благороднее этих слов, показывающих меру величия человека, определяющих истинное место его в природе.

Пилот мыслит масштабами Вселенной и по-новому перечитывает историю. Цивилизация — всего лишь хрупкая позолота. Люди забывают, что под их ногами не существует глубокого слоя земли. Ничтожный пруд, окруженный домами и деревьями, подвержен действию приливов и отливов. Под тонким слоем травы и цветов происходят удивительные превращения — только благодаря самолету их иногда удается разглядеть. Ещё одно волшебное свойство самолета состоит в том, что он переносит пилота в сердцевину чудесного. С Экзюпери это случилось в Аргентине. Он приземлился на каком-то поле, не подозревая, что попадет в сказочный дом и встретит двух юных фей, друживших с дикими травами и змеями. Эти принцессы-дикарки жили в ладу со Вселенной. Что случилось с ними? Переход от девичества к состоянию замужней женщины чреват роковыми ошибками — быть может, какой-нибудь дурак уже увел принцессу в рабство.

В пустыне такие встречи невозможны — здесь пилоты становятся узниками песков. Присутствие повстанцев делало Сахару ещё более враждебной. Экзюпери познал тягость пустыни с первого же рейса; когда его самолет потерпел аварию возле небольшого форта в Западной Африке, старый сержант принял пилотов, как посланцев неба — он заплакал, услышав их голоса.

Но точно так же были потрясены непокорные арабы пустыни, посетив незнакомую им Францию. Если в Сахаре вдруг выпадает дождь, начинается великое переселение — целые племена отправляются за триста лье на поиски травы. А в Савоие драгоценная влага хлестала, словно из дырявой цистерны. И старые вожди говорили потом, что французский бог гораздо щедрее к французам, чем бог арабов к арабам. Многие варвары поколебались в своей вере и почти покорились чужакам, но среди них по-прежнему есть те, кто внезапно бунтует, чтобы вернуть былое величие, — падший воин, ставший пастухом, не может забыть, как билось его сердце у ночного костра. Экзюпери вспоминает разговор с одним из таких кочевников — этот человек защищал не свободу (в пустыне все свободны) и не богатства (в пустыне их нет), а свой потаенный мир. Самых же арабов приводил в восхищение французский капитан Боннафус, совершавший смелые набеги на кочевья. Его существование украшало пески, ибо нет большей радости, чем убийство такого великолепного врага. Когда Боннафус уехал во Францию, пустыня словно бы утратила один из своих полюсов. Но арабы продолжали верить, что он вернется за утраченным ощущением доблести — если это случится, непокорные племена получат весть в первую же ночь. Тогда воины молча поведут верблюдов к колодцу, приготовят запас ячменя и проверят затворы, а затем выступят в поход, ведомые странным чувством ненависти-любви.

Чувство достоинства может обрести даже раб, если он не утратил память. Всем невольникам арабы давали имя Барк, но один из них помнил, что его звали Мохаммедом и он был погонщиком скота в Марракеше. В конце концов Экзюпери удалось выкупить его. Поначалу Барк не знал, что делать с обретенной свободой. Старого негра разбудила улыбка ребенка — он ощутил свое значение на земле, истратив почти все деньги на подарки детям. Его провожатый решил, что он сошел с ума от радости. А им просто владела потребность стать человеком среди людей.

Теперь уже не осталось непокорных племен. Пески утратили свою тайну. Но никогда не забудется пережитое. Однажды Экзюпери удалось подступиться к самому сердцу пустыни — это случилось в 1935 г., когда его самолет врезался в землю у границ Ливии. Вместе с механиком Прево он провел три бесконечных дня среди песков. Сахара едва не убила их: они страдали от жажды и одиночества, их рассудок изнемогал под тяжестью миражей. Почти полумертвый пилот говорил себе, что не жалеет ни о чем: ему досталась самая лучшая доля, ибо он покинул город с его счетоводами и вернулся к крестьянской правде. Не опасности влекли его — он любил и любит жизнь.

Летчиков спас бедуин, который показался им всемогущим божеством. Но истину трудно понять, даже когда соприкасаешься с ней. В момент высшего отчаяния человек обретает душевный покой — наверное, его poznали Боннафус и Гийоме. Проснуться от душевной спячки может любой — для этого нужны случай, благоприятная почва или властное веление религии. На мадридском фронте Экзюпери встретил сержанта, который был когда-то маленьким счетоводом в Барселоне — время позвало его, и он ушел в армию, ощутив в этом свое призвание. В ненависти к войне есть своя правда, но не топнитесь осуждать тех, кто сражается, ибо истина человека — это то, что делает его

человеком. В мире, ставшем пустыней, человек жаждет найти товарищей — тех, с кем связывает общая цель. Счастливым можно стать, только осознав свою хотя бы и скромную роль. В вагонах третьего класса Экзюпери довелось увидеть польских рабочих, выселяемых из Франции. Целый народ возвращался к своим горестям и нищете. Люди эти были похожи на уродливые комья глины — так спрессовала их жизнь. Но лицо спящего ребенка было прекрасным: он был похож на сказочного принца, на младенца Моцарта, обреченного пройти вслед за родителями через тот же штамповочный пресс. Эти люди совсем не страдали: за них мучился Экзюпери, сознавая, что в каждом, возможно, был убит Моцарт. Только Дух обращает глину в человека.

Автор пересказа неизвестен

аган "Здравствуй, грусть" - краткое содержание

Повесть французской писательницы Франсуазы Саган Здравствуй, грусть! является своего рода исповедью. Исповедью молодой семнадцатилетней девушки Сесиль, совершившей, по ее мнению непоправимый поступок. Но время вернуть назад нельзя, и ее преследует только грусть, та грусть, которой она говорит: Здравствуй! Героиня произведения, легкомысленная и обеспеченная молодая девушка, испытывающая постоянное чувство безоблачного счастья, едет на море. Вместе с ней едет отец и его любовница Эльза, рыжеволосая девица полусвета. Сесиль вполне спокойно воспринимает подруг отца — он вдовствует уже пятнадцать лет — гораздо сложнее свыкнуться с их частой сменой раз в полгода. Дочь со своим отцом живет всего два года — до этого она жила в монастыре, но между Сесиль и отцом царит полное взаимопонимание: оба легкомысленны, жизнерадостны, веселы и беспутны. Первые дни на море для них просто прекрасны — они целыми днями лежат на пляже, покрываясь золотистым загаром и только Эльза покраснела и облезла, отчего стала весьма несимпатичной. На шестой день Сесиль встречает на пляже милого молодого человека. Как-то он плывет на паруснике вдоль берега и переворачивается возле бухты Сесиль. Она помогает ему выбраться, они знакомятся и между ними возникает взаимная симпатия. Сирил даже приглашает Сесиль научиться кататься на паруснике. Все прекрасно. Безоблачное счастье нарушает приезд давней подруги матери Сесиль, Анны Ларсен. Ее приглашает отец, но только для того, чтобы та немного отдохнула от работы. Ожидаемый приезд гости весьма расстраивает Сесиль — она помнит Анну, как женщину бесчувственную, хладнокровную и придерживающуюся весьма строгих правил. Вскоре появляется и сама Анна. Как и ожидалось, спокойная и хладнокровная, она почти ничем не выдает своего смятения по поводу легкомысленной жизни отца Сесиль. Лишь однажды Сесиль замечает, какими глазами смотрит Анна на отца Сесиль. Героиня начинает подозревать, что Анна влюблена в ее отца. Сесиль видит, что Анна намного милее Эльзы и у нее множество шансов обратить его взор на себя. Она старше Эльзы почти в два раза, и Эльза считает своим козырем именно молодость. Отношения между Анной и Эльзой складываются достаточно ровными, но Эльза так и сыпит глупостями, в то время как Анна умна, молчалива и спокойна. Кроме того, Эльза продолжает страдать от солнечных ожогов. Проходит три недели. Сесиль все больше убеждается, что Эльза проиграла. В один из дней отец Сесиль решает провести время в казино, с ним едут Анна, Эльза и Сесиль. В баре благодаря ухищрениям отца Сесиль видит, что ей придется этот вечер провести с болтушкой Эльзой. Неожиданно Эльза интересуется, где отец Сесиль. Героиня обещает его найти и обнаруживает отца и Анну в машине в парке. Даже в полумраке она видит их влюбленные взгляды. Раскрыв дверцу, Сесиль начинает возмущаться по поводу предательства отца. Она говорит о том, что сообщит Эльзе про то, что он хочет спать с другой дамой. В ответ Сесиль получает пощечину от Анны. Отец и Анна уезжают, Эльза наконец-то все понимает и начинает горько плакать. Отец и Анна уезжают, Эльза наконец-то все понимает и начинает горько плакать. Утром Сесиль видит под глазами Анны синие тени — следы ночи любви. Отец объявляет Сесиль, что они с Анной женятся. Героиня понимает, что с женитьбой на Анне все изменится — уйдет то легкомыслие и безмятежность, которое она так любит. Кроме того, Анна начинает заставлять Сесиль заниматься философией, чтобы подготовиться к предстоящему экзамену. Сесиль же больше хочет кататься на паруснике с Сирилом, тем более что она уже успела познать с ним прелести физической любви. Как-то раз Анна даже запирает Сесиль в комнате, чтобы та более усердно занималась философией. Тогда в голове героини возникает коварный план, который она в скором времени приводит в исполнение. Она встречает Эльзу и уговаривает ее сыграть с Сирилом в искреннюю любовь. В то же время Сесиль старается так, чтобы отец как можно чаще встречал Эльзу с Сирилом, и во время этих внезапных встреч намеками дает понять отцу, что Эльза выбрала Сирила за его молодость. Это начинает угнетать его, он чувствует себя вышедшим в тираж. Между тем заговорщики часто встречаются, корректируют свой план, но дело подходит к концу. Однажды отец назначает Эльзе свидание в лесу, Анна ни о чем не подозревает. Но случается так, что она видит их. Анна в слезах прибегает в дом и заводит машину. Сесиль вдруг становится стыдно, она пытается попросить у Анны прощение, но это не удается — Анна уезжает. Приходит усталый и испуганный отец, весь в хвойных иголках и следах Эльзиной помады. Отец и дочь решают написать Анне письмо и попросить у нее прощения. Как только они завершают создание своего литературного шедевра, выясняется, что Анны больше нет. Раздается телефонный звонок; им сообщают, что машина Анны упала с обрыва. Несчастный случай — говорят им, но Сесиль подозревает, что это ложь. Жизнь возвращается в привычное русло: безмятежность, легкомыслие, свобода и взаимопонимание. Но иногда героиню охватывает грусть. Грусть по ушедшему времени и по Анне.

Этим завершается повесть Ф.Саган Здравствуй, грусть!

Джек Лондон

Однажды на пароме Мартин Иден, моряк, двадцати лет от роду, защитил от шайки хулиганов Артура Морза, Артур примерно тех же лет, что и Мартин, но принадлежит к людям обеспеченным и образованным. В знак благодарности — и в то же время желая позабавить семью эксцентрическим знакомством — Артур приглашает Мартина на обед. Атмосфера дома — картины на стенах, множество книг, игра на рояле — восхищает и очаровывает Мартина. Особое впечатление производит на него Руфь, сестра Артура. Она кажется ему воплощением чистоты, духовности, возможно, даже божественности. Мартин решает стать достойным этой девушки. Он отправляется в библиотеку, дабы приобщиться к премудрости, доступной Руфи, Артуру и им подобным (и Руфь, и её брат учатся в университете).

Мартин — натура одарённая и глубокая. Он с воодушевлением погружается в изучение литературы, языка, правил стихосложения. Он часто общается с Руфью, она помогает ему в занятиях. Руфь, девушка с консервативными и достаточно узкими взглядами, пытается перековать Мартина по образцу людей своего круга, но это не сильно ей удается. Истратив все заработанные в последнем плавании деньги, Мартин вновь уходит в море, нанявшись матросом. За долгие восемь месяцев плавания Мартин «обогастил свой словарь и свой умственный багаж и лучше узнал самого себя». Он чувствует в себе огромные силы и вдруг осознает, что хочет стать писателем, — прежде всего, чтобы Руфь могла любоваться вместе с ним красотой мира. Вернувшись в Окленд, он пишет очерк об искателях сокровищ и отправляет рукопись в «Обозреватель Сан-Франциско». Затем садится за повесть для юношества о китобоях. Встретившись с Руфью, он делится с ней своими планами, но, к сожалению, девушка не разделяет его пылких надежд, хотя её радуют происходящие с ним перемены — Мартин стал гораздо правильнее выражать свои мысли, лучше одеваться и т.п. Руфь влюблена в Мартина, но собственные её понятия о жизни не дают ей возможности осознать это. Руфь считает, что Мартину необходимо учиться, и он сдает экзамены в среднюю школу, но с треском проваливается по всем предметам, кроме грамматики. Мартина неудача не сильно обескураживает, но Руфь огорчена. Ни одно из разосланных в журналы и газеты произведений Мартина не опубликовано, все возвращаются по почте без всяких объяснений. Мартин решает: дело в том, что они написаны от руки. Он берет напрокат пишущую машинку и учится печатать. Мартин работает все время, даже не считая это за труд. «Просто он обрел дар речи, и все мечты, все мысли о прекрасном, которые долгие годы жили в нем, хлынули наружу неудержимым, мощным, звенящим потоком».

Мартин открывает для себя книги Герберта Спенсера, и это даёт ему возможность по-новому увидеть мир. Руфь не разделяет его увлечения Спенсером. Мартин читает ей свои рассказы, и она легко замечает их формальные недостатки, но не в состоянии увидеть мощь и талант, с которыми они написаны. Мартин никак не укладывается в рамки буржуазной культуры, привычной и родной для Руфи. Заработанные в плавании деньги кончаются, и Мартин занимается в прачечную гладить белье. Напряженная, адская работа выматывает его. Он перестает читать и однажды в выходной напивается, как в прежние времена. Поняв, что такой труд не только изнуряет, но и оглушает его, Мартин уходит из прачечной.

До очередного плавания остаются считанные недели, и Мартин посвящает эти каникулы любви. Он часто видится с Руфью, они вместе читают, ездят на прогулки на велосипедах, и в один прекрасный день Руфь оказывается в объятиях Мартина. Они объясняются. Руфь не знает ничего о физической стороне любви, но ощущает притягательность Мартина. Мартин боится оскорбить ее чистоту. У родителей Руфи известие о ее помолвке с Иденом не вызывает восторга.

Мартин решает писать для заработка. Он снимает крохотную комнатку у португалки Марии Сильвы. Могучее здоровье позволяет ему спать по пять часов в сутки. Все остальное время он работает: пишет, учит незнакомые слова, анализирует литературные приёмы различных писателей, ищет «принципы, лежащие в основе явления». Его не слишком смущает, что до сих пор не напечатана ни одна его строчка. «Писание было для него заключительным звеном сложного умственного процесса, последним узлом, которым связывались отдельные разрозненные мысли, подытоживанием накопившихся фактов и положений».

Но полоса невезения все продолжается, деньги Мартина иссякают, он закладывает пальто, затем часы, затем велосипед. Он голодает, питаясь одной картошкой да изредка обедая у сестры или у Руфи. Вдруг — почти неожиданно — Мартину приходит письмо из одного толстого журнала. Журнал хочет опубликовать его рукопись, но собирается заплатить пять долларов, хотя, по самым скромным подсчётам, должен был бы заплатить сто. От огорчения ослабевший Мартин заболевает тяжёлым гриппом. И тут колесо фортуны поворачивается — один за другим начинают приходить чеки из журналов.

Спустя какое-то время везение прекращается. Редакции наперебой стараются обжудить Мартина. Добыть у них деньги за публикации оказывается нелёгким делом. Руфь настаивает на том, чтобы Мартин устроился на работу к её отцу, она не верит в то, что он станет писателем. Случайно у Морзов Мартин знакомится с Рэссом Бриссенденом и близко сходится с ним. Бриссенден болен чахоткой, он не боится смерти, но страстно любит жизнь во всех её проявлениях. Бриссенден знакомит Мартина с «настоящими людьми», одержимыми литературой и философией. Со своим новым

товарищем Мартин посещает митинг социалистов, где спорит с оратором, но благодаря расторопному и нещепетильному репортёру попадает на страницы газет в качестве социалиста и ниспровергателя существующего строя. Газетная публикация приводит к печальным последствиям — Руфь присылает Мартину письмо, извещающее о разрыве помолвки. Мартин продолжает жить по инерции, и его даже не радуют поступающие от журналов чеки — почти все, написанное Марином, теперь публикуется. Бриссенден кончает жизнь самоубийством, а его поэма «Эфемериды», которую опубликовал Мартин, вызывает бурю пошлейшей критики и заставляет Мартина радоваться, что его друг не видит этого.

Мартин Иден становится наконец знаменитым, но все это глубоко ему безразлично. Он получает приглашения от тех людей, которые раньше высмеивали его и считали бездельником, и иногда даже принимает их. Его утешает мысль поехать на Маркизские острова и жить там в тростниковой хижине. Он щедро раздаёт деньги своим родным и людям, с которыми связала его судьба, но уже ничто не может тронуть его. Ни искренняя горячая любовь молоденькой работницы Лиззи Конолли, ни неожиданный приход к нему Руфи, теперь готовой пренебречь гласом молвы и остаться у Мартина. Мартин отплывает на острова на «Марипозе», и ко времени отъезда Тихий океан кажется ему ничуть не лучше всего остального. Он понимает, что для него нет выхода. И после нескольких дней плавания он выскальзывает в море через иллюминатор. Чтобы обмануть волю к жизни, он набирает в легкие воздух и ныряет на большую глубину. Когда кончается весь воздух, он уже не в состоянии подняться на поверхность. Он видит яркий, белый свет и ощущает, что летит в темную бездну, и тут сознание навсегда покидает его.

Автор пересказа неизвестен

Эрнест Миллер Хемингуэй
Кошка под дождём

Действие происходит в Италии, в приморском отеле.

Главные герои — американцы, семейная пара. Мужа зовут Джордж, имя его жены автор не упоминает. Муж лежит на кровати в номере отеля и читает книгу. Американка стоит у окна и смотрит в сад. Идёт дождь. На улице, под самыми окнами их комнаты, под зеленым столом, с которого капает вода, спряталась кошка. Она старается сжаться в комочек, чтобы на неё не попадали капли дождя.

Американке жалко кошку и она хочет принести её в номер. Спустившись по лестнице, она замечает хозяина отеля, который почтительно кланяется. Хозяин отеля нравится американке. В его присутствии она чувствует себя «очень значительной».

Американка вместе со служанкой выходят на улицу, под дождь, но кошки уже нет. Американка возвращается в номер. Джордж, на секунду отрываясь от книги, спрашивает, куда же девалась кошка.

«Мне так хотелось её, — отвечает американка — Не знаю почему, но мне так хотелось эту бедную киску. Плохо такой бедной киске под дождём». Но муж не слушает, он снова углубился в чтение.

Жена садится перед зеркалом и говорит, что хочет сменить причёску, хочет есть за *своим* столом, хочется иметь *свои* ножи и вилки, хочет *свою* кошку, которая бы сидела на коленях и мурлыкала, когда её гладят. Муж безразличен. «Замолчи. Возьми почитай книжку!» — вот его ответ на просьбы жены.

Стучат в дверь. На пороге служанка крепко прижимает к себе большую пятнистую кошку, которая тяжело свешивается у неё на руках. «Простите, — говорит она — Хозяин гостиницы посылает это синьоре».

© Алексей Невский

Эрнест Миллер Хемингуэй
По ком звонит колокол

Американец Роберт Джордан, добровольно участвующий в гражданской войне в Испании на стороне республиканцев, получает задание из центра — взорвать перед наступлением мост. Несколько дней до наступления он должен провести в расположении партизанского отряда некоего Пабло. О Пабло говорят, что в начале войны он был очень смел и убил фашистов больше, чем бубонная чума, а потом разбогател и теперь с удовольствием ушел бы на покой. Пабло отказывается участвовать в этом деле, сулящем отряду одни неприятности, но Джордана неожиданно поддерживает

пятидесятилетняя Пилар, жена Пабло, которая пользуется у партизан неизмеримо большим уважением, чем муж. Тот, кто ищет безопасности, теряет все, говорит она. Ее единогласно избирают командиром отряда.

Пилар — ярая республиканка, она предана народному делу и никогда не свернет с выбранного пути. В этой сильной, мудрой женщине таятся многие таланты, обладает она и даром ясновидения: в первый же вечер, посмотрев на руку Роберта, она поняла, что тот завершает свой жизненный путь. И тогда же увидела, что между Робертом и девушкой Марией, прибившейся к отряду после того, как фашисты убили её родителей, а её самое изнасиловали, вспыхнуло яркое, редкое по силе чувство. Она не препятствует развитию их любовных отношений, а зная, как мало осталось времени, сама подталкивает их друг к другу. Все время, что Мария провела с отрядом, Пилар исподволь врачевала ей душу, и теперь мудрая испанка понимает: только чистая, настоящая любовь исцелит девушку. В первую же ночь Мария приходит к Роберту.

На следующий день Роберт, поручив старику Ансельмо наблюдать за дорогой, а Рафаэлю — следить за сменой часовых у моста, отправляется вместе с Пилар и Марией к Эль Сордо, командиру соседнего партизанского отряда. По дороге Пилар рассказывает, как начиналась революция в маленьком испанском городке, на их с Пабло родине, и как народ расправился там с местными фашистами. Люди встали в две шеренги — одна напротив другой, взяли в руки цепи и дубинки и прогнали фашистов сквозь строй. Так делалось специально: чтобы каждый нес свою долю ответственности. Всех забили до смерти — даже тех, кто слыл хорошим человеком, — а потом сбросили с обрыва в реку. Все умирали по-разному: кто принимал смерть с достоинством, а кто скулил и просил пощады. Священника убили прямо во время молитвы. Да, видимо, Бога в Испании отменили, вздыхает Пилар, потому что, если бы он был, разве допустил бы эту братоубийственную войну? Теперь некому прощать людей — ведь нет ни Бога, ни Сына Божия, ни Духа Святого.

Рассказ Пилар пробуждает в Роберте Джордане собственные мысли и воспоминания. В том, что он сейчас воюет в Испании, нет ничего удивительного. С Испанией связаны его профессия (он преподает испанский в университете) и служба; он часто бывал здесь до войны, любит народ Испании, и ему совсем не все равно, как сложится судьба этого народа. Джордан не красный, но от фашистов добра ждать не приходится. Значит, надо эту войну выиграть. А потом он напишет обо всем книгу и тогда освободится наконец от того ужаса, который сопровождает любые войны.

Роберт Джордан предполагает, что при подготовке к взрыву моста он может погибнуть: в его распоряжении слишком мало людей — семеро у Пабло и столько же у Эль Сордо, а дел полно: надо снимать посты, прикрывать дорогу и т. д. И надо же такому случиться, что именно здесь он встретил свою первую настоящую любовь. Может, это все, что он еще может взять от жизни? Или это вообще вся его жизнь и вместо семидесяти лет она будет длиться семьдесят часов? Трое суток. Впрочем, горевать тут нечего: за семьдесят часов можно прожить более полную жизнь, чем за семьдесят лет.

Когда Роберт Джордан, Пилар и Мария, получив согласие Эль Сордо достать лошадей и принять участие в операции, возвращаются в лагерь, неожиданно начинает идти снег. Он валит и валит, и это необычное для конца мая явление может погубить все дело. К тому же Пабло все время пьет, и Джордан боится, что этот ненадежный человек может здорово навредить.

Эль Сордо раздобыл, как и обещал, лошадей на случай отступления после диверсии, но из-за выпавшего снега фашистский разъезд замечает следы партизан и лошадей, ведущие в лагерь Эль Сордо. Джордан и бойцы из отряда Пабло слышат отзвуки боя, но вмешаться не могут: тогда может сорваться вся операция, так необходимая для успешного наступления. Весь отряд Эль Сордо погибает, фашистский лейтенант, обходя холм, усеянный трупами партизан и солдат, осеняет себя крестом и мысленно произносит то, что можно часто услышать и в республиканском лагере: какая гнусная вещь война!

На этом неудачи не заканчиваются. В ночь перед наступлением из лагеря сбегает Пабло, прихватив с собой ящик со взрывателем и бик фордов шнур — важные для диверсии вещи. Без них тоже можно управиться, но это сложнее, да и риску больше.

Старик Ансельмо докладывает Джордану о передвижениях на дороге: фашисты подтягивают технику. Джордан пишет подробное донесение командующему фронтом генералу Гольцу, информируя того, что противник явно знает о готовящемся наступлении: то, на что рассчитывал Гольц — внезапность, теперь не сработает. Пакет Гольцу соглашается доставить партизан Андрее. Если тот успеет передать донесение до рассвета, Джордан не сомневается, что наступление перенесут, а вместе с ним и дату взрыва моста. Но пока надо готовиться...

В последнюю ночь, лежа рядом с Марией, Роберт Джордан как бы подводит итог своей жизни и приходит к выводу, что она прожита не зря. Смерти он не боится, страшит его только мысль: а вдруг он не выполнит свой долг надлежащим образом. Джордан вспоминает деда — тот тоже участвовал в Гражданской войне, только в Америке — в войне между Севером и Югом. Наверное, она была так же страшна, как и эта. И видимо, прав Ансельмо, говоря, что

те, кто сражается на стороне фашистов, — не фашисты, а такие же бедняки, как и люди в республиканских отрядах. Но лучше не думать обо всем этом, иначе пропадет злоба, а без нее не выполнить задания.

Наутро в отряд неожиданно возвращается Пабло, он привел с собой людей и лошадей. Сбросив под горячую руку в пропасть детонатор Джордана, он вскоре почувствовал раскаяние и понял, что просто не в состоянии оставаться один в безопасности, когда его бывшие товарищи будут сражаться. Тогда он развил бешеную деятельность, всю ночь собирая по окрестностям добровольцев на акцию против фашистов.

Не зная, добрался Андрес с донесением к Гольцу или нет, Джордан с партизанами снимаются с места и движутся через ущелье к реке. Решено оставить Марию с лошадьми, а остальным заняться — в случае начала наступления — каждому своим делом. Джордан и старик Ансельмо спускаются к мосту и снимают часовых. Американец устанавливает динамит у опор. Теперь, будет ли мост взорван, зависит только от того, начнется наступление или нет.

А тем временем Андрес никак не может пробиться к Гольцу. Преодолев первоначальные трудности при переходе линии фронта, когда его чуть не подорвали гранатой, Андрес застревает на самом последнем этапе: его задерживает главный комиссар Интернациональных бригад. Война меняет не только таких, как Пабло. Комиссар за последнее время стал очень подозрительным, он надеется, что ему удастся, задержав этого человека из фашистского тыла, уличить Гольца в связях с врагом.

Когда Андрес в конце концов чудом добирается до Гольца — уже поздно: наступление отменить нельзя.

Мост взорван. При взрыве погибает старик Ансельмо. Те, кто уцелел, торопятся отойти. Во время отступления снаряд разрывается рядом с лошадью Джордана, та падает и придавливает всадника. У Джордана сломана нога, и он понимает, что не может ехать с остальными. Главное для него — убедить Марию оставить его. После того, что у них было, говорит девушке Джордан, они всегда будут вместе. Она увезет его с собой. Куда бы она ни поехала, он всегда будет с ней. Если уйдет она, уйдет и он — так она спасет его.

Оставшись один, Джордан застывает перед пулеметом, привалившись к стволу дерева. Мир — хорошее место, думает он, за него стоит драться. Приходится убивать, если нужно, — только не надо любить убийство. А сейчас он попытается хорошо завершить свою жизнь — задержать здесь врага, хотя бы убить офицера. Это может решить многое.

И тут на поляну выезжает офицер вражеской армии...

Автор пересказа неизвестен

Уильям Фолкнер

Шум и ярость

«Жизнь — повесть, рассказанная кретином, полная шума и ярости, но лишенная смысла». Пересказывать эту повесть иначе, нежели она была рассказана первоначально, означает пытаться поведать совсем другую историю, разве что действующие в ней люди будут носить те же имена, их будут связывать те же кровные узы, они станут участниками событий, сходных со случившимися в жизни тех, первых; событий не тех же самых, но лишь в чем-то сходных, ибо что делает событие событием, как не рассказ о нем? Не может ли любой пустяк являть собой столько событий, сколько раз по-разному рассказано о нем? И что это, в конце концов, за событие, о котором никем не рассказано и о котором соответственно никому не ведомо?

Семейство Компсонов принадлежало к числу старейших и в свое время наиболее влиятельных в Джефферсоне и его округе. У Джейсона Компсона и его жены Кэролайн, в девичестве Бэском, было четверо детей: Квентин, Кэндейси (все, кроме матери, звали её Кэдди), Джейсон и Мори. Младший уродился дурачком, и когда — ему было лет пять — стало окончательно ясно, что на всю жизнь он останется бессмысленным младенцем, в отчаянной попытке обмануть судьбу ему переменили имя на Бенджамин, Бенджи.

Самым ранним ярким воспоминанием в жизни детей было то, как в день смерти бабушки (они не знали, что она умерла, и вообще слабо представляли себе, что такое смерть) их послали играть подальше от дома, на ручей. Там Квентин и Кэдди принялись брызгаться, Кэдди промочила платье и перемазала штанишки, и Джейсон грозился наябедничать родителям, а Бенджи, тогда еще Мори, плакал оттого, что ему казалось, что Кэдди — единственному близкому ему существу — будет плохо. Когда они пришли домой, их стали спроваживать на детскую половину, поэтому они решили, что у родителей гости, и Кэдди полезла на дерево, чтобы заглянуть в гостиную, а братья и негритянские дети смотрели снизу на нее и на её замаранные штанишки.

Бенджи находился на попечении негрят, детей, а потом и внуков Дилси, бессменной служанки Компсонов, но по-настоящему любила и умела успокоить его только Кэдди. По мере того как Кэдди взрослела, постепенно из маленькой девочки превращаясь в женщину, Бенджи все чаще плакал. Ему не понравилось, к примеру, когда Кэдди стала пользоваться духами и от нее стало по-новому пахнуть. Во весь голос он заголосил и наткнувшись как-то раз на Кэдди, когда та обнималась с парнем в гамаке.

Раннее взросление сестры и её романы тревожили и Квентина. Но когда он попытался было предостеречь, вразумить её, у него это вышло весьма неубедительно. Кэдди же отвечала со спокойным твердым сознанием собственной правоты. Прошло немного времени, и Кэдди всерьез сошлась с неким Долтоном Эймсом. Поняв, что беременна, она стала срочно подыскивать мужа, и тут как раз подвернулся Герберт Хед. Молодой банкир и красавец, как нельзя лучше пришедший ко двору миссис Компсон, у Квентина он вызвал глубокое омерзение, тем более что Квентин, учась в Гарварде, узнал историю об исключении Герберта из студенческого клуба за шулерство. Он умолял Кэдди не выходить за этого прохвоста, но та отвечала, что непременно должна выйти за кого-нибудь.

После свадьбы, узнав всю правду, Герберт отказался от Кэдди; та сбежала из дома. Миссис Компсон считала себя и семью бесповоротно опозоренными. Джейсон же младший только обозлился на Кэдди в уверенности, что она лишила его места, которое Герберт обещал ему в своем банке. Мистер Компсон, питавший склонность к глубоким раздумьям и парадоксальным умозаключениям, а также к виски, отнесся ко всему философски — в разговорах с Квентином он повторял, что девственность не есть нечто сущее, что она как смерть — перемена, ощутимая лишь для других, и, таким образом, не что иное, как выдумка мужчин. Но Квентина это не утешало: то он думал, что лучше бы ему самому было совершить кровосмесительство, то бывал почти уверен, что он его и совершил. В его сознании, одержимом мыслями о сестре и о Долтоне Эймсе (которого он имел возможность убить, когда, обо всем узнав от Кэдди, попытался с ним поговорить и тот в ответ на угрозы спокойно протянул Квентину пистолет), образ Кэдди навязчиво сливался с сестричкой-смертью святого Франциска.

В это время как раз подходил к концу первый год Квентина в Гарвардском университете, куда его послали на деньги, вырученные от продажи гольф-клубу примыкавшего к дому Компсонов выгона. Утром второго июня 1910 г. (этим днем датируется один из четырех «рассказов» романа) он проснулся с твердым намерением совершить наконец давно задуманное, побрился, надел лучший костюм и пошел к трамвайной остановке, по пути купив два утюга. Чудаковатому негру по прозвищу Дьякон Квентин передал письмо для Шрива, своего соседа по комнате (письмо отцу он отправил заранее), а потом сел в трамвай, идущий за город, к реке. Тут с Квентином вышло небольшое приключение из-за прибившейся к нему маленькой итальянской девочки, которую он угостил булочкой: её брат обвинил Квентина в похищении, его арестовали, но быстро отпустили, и он присоединился к компании студентов — они давали показания в его пользу, — выбравшихся на автомобиле на пикник. С одним из них — самоуверенным богатым малым, красавчиком бабником — Квентин неожиданно для себя подрался, когда тот принялся рассказывать, как лихо он обходится с девчонками. Чтобы сменить испачканную кровью одежду, Квентин возвратился домой, переделался и снова вышел. В последний раз.

Года через два после самоубийства Квентина умер мистер Компсон — умер не от виски, как ошибочно полагали миссис Компсон и Джейсон, ибо от виски не умирают — умирают от жизни. Миссис Компсон поклялась, что её внучка, Квентина, не будет знать даже имени матери, навеки опозоренного. Бенджи, когда он повзрослел — только телом, так как душой и разумом он оставался младенцем, — пришлось оскотить после нападения на проходившую мимо компсоновского дома школьницу. Джейсон поговаривал об отправке брата в сумасшедший дом, но против этого решительно возражала миссис Компсон, твердившая о необходимости нести свой крест, но при этом старавшаяся видеть и слышать Бенджи как можно реже.

В Джейсоне миссис Компсон видела единственную свою опору и отраду, говорила, что он один из её детей уродился не в Компсонов с их зараженной безумием и гибелью кровью, а в Бэскомов. Еще в детстве Джейсон проявлял здоровую тягу к деньгам — клеил на продажу воздушных змеев. Он работал приказчиком в городской лавке, но основной статьёй дохода для него была не служба, а горячо ненавидимая — за неполученное место в банке жениха её матери — племянница.

Несмотря на запрет миссис Компсон, Кэдди как-то появилась в Джефферсоне и предложила Джейсону денег за то, чтобы он показал ей Квентину. Джейсон согласился, но обратил все в жестокое издевательство — мать видела дочь лишь одно мгновение в окне экипажа, в котором Джейсон на бешеной скорости промчался мимо нее. Позже Кэдди стала писать Квентине письма и слать деньги — двести долларов каждый месяц. Племяннице Джейсон иногда уделял какие-то крохи, остаток обналачивал и клал себе в карман, а матери своей приносил поддельные чеки, каковые та рвала в патетическом негодовании и посему пребывала в уверенности, что они с Джейсоном не берут у Кэдди ни гроша.

Вот и шестого апреля 1928 г. — к этому дню, пятнице Страстной недели, приурочен другой «рассказ» — пришли письмо и чек от Кэдди. Письмо Джейсон уничтожил, а Квентине выдал десятку. Потом он занялся повседневными своими делами — помогал спустя рукава в лавке, бегал на телеграф справиться о биржевых ценах на хлопок и дать

указания маклерам — и был всецело ими поглощен, как вдруг мимо него в «форде» промчалась Квентина с парнем, в котором Джейсон признал артиста из приехавшего в тот день в город цирка. Он пустился в погоню, но снова увидел парочку, только когда та, бросив машину на обочине, углубилась в лес. В лесу Джейсон их не обнаружил и ни с чем возвратился домой.

День у него положительно не удался: биржевая игра принесла большие убытки, а еще эта неудачная погоня... Сначала Джейсон сорвал зло на внуке Дилси, смотревшем за Бенджи, — тому очень хотелось в цирк, но денег на билет не было; на глазах Ластера Джейсон сжег две имевшиеся у него контрамарки. За ужином наступил черед Квентины и миссис Компсон.

На следующий день, с «рассказа» о котором и начинается роман, Бенджи исполнялось тридцать три. Как и у всех детей, у него в этот день был торт со свечами. Перед этим они с Ластером гуляли у поля для гольфа, устроенного на бывшем комлсоновском выгоне, — сюда Бенджи всегда непреодолимо тянуло, но всякий раз такие прогулки оканчивались слезами, и все из-за того, что игроки то и дело, подзывая мальчика на побегушках, кричали: «Кэдди». Вой Бенджи Ластеру надоел, и он повел его в сад, где они спугнули Квентину и Джека, её приятеля из цирка.

С этим-то самым Джеком Квентина и сбежала в ночь с субботы на воскресенье, прихватив три тысячи долларов, которые по праву считала своими, так как знала, что Джейсон скопил их, долгие годы обворовывая её. Шериф в ответ на заявление Джейсона о побеге и ограблении заявил, что они с матерью своим обращением сами вынудили Квентину бежать, что же до пропавшей суммы, то у шерифа относительно того, что это за деньги, имелись определенные подозрения. Джейсону ничего не оставалось, кроме как самому отправиться в соседний Моттсон, где теперь выступал цирк, но там он получил только несколько оплеух и суровую отповедь хозяина труппы в том смысле, что беглецов прелюбодеев Джейсон может искать где угодно еще, среди же его артистов таких больше нет.

Пока Джейсон безрезультатно мотался в Моттсон и обратно, чернокожая прислуга успела вернуться с пасхальной службы, и Ластер выпросил разрешения на шарабане свозить Бенджи на кладбище. Ехали они хорошо, пока на центральной площади Ластер не стал объезжать памятник солдату Конфедерации справа, тогда как с другими Бенджи всегда объезжал его с левой стороны. Бенджи отчаянно заголосил, и старая кляча чуть было не понесла, но тут, откуда ни возьмись, оказавшийся на площади Джейсон выправил положение. Бенджи замолк, ибо и идиоту по душе, когда все на своем назначенном месте.

Автор пересказа неизвестен

Трумэн Капоте
Лесная арфа

Коллин Фенвик осиротел в одиннадцать лет — сначала умерла его мать, а через несколько дней и отец погиб в автокатастрофе; его взяли к себе незамужние двоюродные сестры отца Вирена и Долли Тэлбо. Вирена — самая богатая женщина в городке: ей принадлежат аптека, магазин готового платья, заправочная станция, бакалейная лавка; наживая все это добро, она отнюдь не стала покладистым человеком.

Долли тиха и неприметна; хотя она старше, кажется, что она тоже приемыш Вирены — как и Коллин. Еще в доме живет кухарка Кэтрин Крик, негритянка, выдающая себя за индейку, — она выросла вместе с сестрами, их отец взял её в услужение еще девочкой. Долли, Коллин и Кэтрин дружат, несмотря на разницу в возрасте. Вирена стыдится своих домашних — гостей у них не бывает, а в городке судачат, что у Долли Тэлбо винтиков не хватает и что она — Виренин крест. Долли действительно нелюдима, но зато мудра во всем, что касается природы. Раз в неделю Долли, Кэтрин и Коллин отправляются в лес собирать травы и корни для снадобья от водянки, которое Долли варит по рецепту, полученному ею в детстве от старой цыганки, и рассылает своим заказчикам по всему штату. Во время таких вылазок они и обжили дом на дереве.

Миновав поле, поросшее индейской травой, что к осени становится пурпурной и такой жесткой, что её шелест и звон подобны звукам арфы, они выходили на опушку леса, где растет платан с двойным стволом, в развилине которого настланы доски, так что получился древесный дом. Наросты на его коре словно ступеньки, а перилами служат плети дикого винограда, опутавшие стволы. Спрятав провизию на дереве, они расходились в разные стороны, а наполнив мешки, забирались в платан, лакомились цыпленком, вареньем и тортом, гадали по цветам, и казалось им, что они плывут сквозь день на плоту в ветвях дерева, сливаясь с этим деревом в одно, как серебрящаяся на солнце листва, как обитающие в нем козодои.

Как-то они подсчитали выручку от продажи снадобья за год — она оказалась такова, что Вирена заинтересовалась: на деньги у нее был нюх.

Коллину было шестнадцать лет, когда однажды Вирена вернулась из очередной поездки в Чикаго с неким доктором Морисом Ритцем — галстуки-бабочки, костюмы кричащих цветов, синие губы, сверлящие глазки. Стыд и срам, говорили в городке, что Вирена связалась с этим еврейчиком из Чикаго, к тому же еще и лет на двадцать моложе её. В воскресенье доктор удостоился приглашения на обед. Долли хотела отсидеться на кухне, но Вирена не позволила, и хотя Долли разбила хрустальную вазу, уронив её в соус, который забрызгал гостя, Вирена настаивала на том, что этот обед устроен в её честь. Доктор Ритц вытащил пачку типографски отпечатанных наклеек «Зелье старой цыганки изгоняет водянку», а Вирена сказала, что купила заброшенный консервный завод на окраине городка, заказала оборудование и наняла ценнейшего специалиста Мориса Ритца для промышленного производства снадобья Долли. Но Долли наотрез отказывается открыть рецепт, проявив несвойственную ей твердость. «Это единственное, что у меня есть», — говорит она. Вечером сестры спорятся: Вирена заявляет, что работала всю жизнь как вол и все в этом доме принадлежит ей; Долли шелестит в ответ, что они с Кэтрин всю жизнь старались сделать этот дом теплым и уютным для нее и полагали, что для них тут есть место, а если это не так, то они завтра же уйдут. «Куда ты пойдешь!» — бросила Вирена, но Коллин, который подслушивает на чердаке, уже догадался куда. Ночью Долли, Кэтрин и Коллин уходят в лес, в дом на дереве, прихватив теплое одеяло, сумку с провизией и сорок семь долларов — все, что у них было.

Первым их обнаруживает Райли Гендерсон, который охотится в лесу на белок. В пятнадцать лет он остался без родителей с двумя младшими сестрами на попечении: его отца, миссионера, убили в Китае, а мать в сумасшедшем доме. Дядя-опекун пытался прикарманить наследство матери. Ралли разоблачил его и с тех пор стал сам себе хозяин: купил машину, гонял по окрестностям со всеми шлюхами городка и воспитывал сестер в строгости. Райли тоже аутсайдер в городке, и ему понравилось на дереве.

Вирена, найдя утром записку Долли, объявляет розыск. Она успела разослать множество телеграмм с их приметам, когда становится известно, что они совсем рядом. К дереву приходит целая делегация официальных лиц городка: шериф, пастор с женой; их сопровождает старый судья Кул; от имени Вирены они требуют возвращения беглецов, угрожая применить силу. Судья Кул неожиданно оказывается союзником тех, кто на дереве, — он объясняет, что закона никто не нарушал. После легкой потасовки высокая делегация удалилась, а старый судья остался на дереве.

Судье Кулу было под семьдесят; он окончил Гарвард, дважды бывал в Европе, имел жену из Кентукки, всегда хорошо одевался и носил цветок в петлице. За все это в городке его недолюбливали. После смерти жены (она умерла в Европе; когда она стала болеть, он ушел с поста окружного судьи, чтобы отвезти ее туда, где прошел их медовый месяц) он остался не у дел: два его сына с женами разделили дом поровну, уговорившись, что старик живет по месяцу в каждой семье. Неудивительно, что дом на дереве показался ему уютным...

Вечером вернулся Ралли — с извинениями, что невольно выдал беглецов, с провизией и с новостями: шериф уговорил Вирену разрешить подписать ордер на их арест за похищение её собственности, а судью он намерен арестовать за нарушение общественного порядка.

Утром шериф уволок Кэтрин в тюрьму; Коллину удалось удрать, а Долли и судья спаслись, забравшись еще выше на дерево. Беглецы легко отделались потому, что шерифу принесли весть об ограблении Вирены доктором Ритцем: он очистил сейф её конторы, унеся 12 700 долларов, присвоил деньги на закупку оборудования и скрылся. От такого удара судьбы Вирена серьезно заболела,

В субботу в городок приехал фургон, украшенный самодельным щитом с надписью: «Дайте малышу Гомеру заарканить вашу душу для Господа нашего», а в фургоне — сестра Айда с пятнадцатью своими детьми, рожденными от разных мужчин. Молитвенное собрание обновленцев пришлось по душе горожанам, пожертвования оказались щедрыми настолько, что вызвали яростную зависть пастора Бастера, который, солгав Вирене, что сестра Айда якобы называет Долли Тэлбо богоотступницей и нехристью, заставил её позвонить шерифу и приказать выгнать обновленцев из городка. Шериф повиновался, а преподобный Бастер силой отобрал у детей все собранные деньги. Айда хочет найти Долли, чтобы та «уладила это дело», ибо они остались без денег, без еды и без бензина.

Узнав об этом, Долли в ужасе, что её именем вырывают у детей кусок изо рта, отправляется ей навстречу и приводит к дереву всю ораву. Детей кормят, Долли отдает Айде свои сорок семь долларов и золотые часы судьи, но к ним направляются Вирена, пастор, шериф и его подручные с ружьями. Мальчики, забравшись на деревья, встречают незваных гостей градом камней и шумом трещоток и свистулук; пальнув наудачу, один из подручных шерифа подстреливает Райли. Начинается гроза.

На этом трагическом фоне происходит объяснение Долли и Вирены. Вирена, увидев новую Долли, Долли, которой сделал предложение судья Кул и которая бросает ей в лицо, что вообще-то немного чести от имени Тэлбо, если, прикрываясь им, обкрадывают детей и бросают в тюрьму старух, надламывается и стареет на глазах; Вирена умоляет сестру вернуться домой, не бросать её одну в доме, где все создано и обжито Долли.

Беглецы вернулись, но еще долго жизнь для них подразделялась на до и после этих трех осенних дней, проведенных на дереве. Судья ушел из дома сыновей и поселился в пансионе. Вирена и Коллин простудились под дождем, Долли выхаживала их, пока не слегла сама с ползучей пневмонией. Не до конца оправившись, она с увлечением создает для Коллина маскарадный костюм к вечеринке в День Всех Святых и, разрисовывая его, умирает от удара. Через год Коллин покидает городок, где он вырос; на прощание ноги сами ведут его к дереву; застыв у поля индейской травы, он вспоминает, как Долли говорила: «Арфой звенит трава, она собирает все наши истории, день и ночь рассказывает она их, эта арфа, звучащая на разные голоса...»

Автор пересказа неизвестен

Джером Дэвид Сэлинджер
Над пропастью во ржи

Семнадцатилетний Холден Колфилд, находящийся в санатории, вспоминает «ту сумасшедшую историю, которая случилась прошлым Рождеством», после чего он «чуть не отдал концы», долго болел, а теперь вот проходит курс лечения и вскоре надеется вернуться домой.

Его воспоминания начинаются с того самого дня, когда он ушел из Пэнси, закрытой средней школы в Эгерстауне, штат Пенсильвания. Собственно ушел он не по своей воле — его отчислили за академическую неуспеваемость — из девяти предметов в ту четверть он завалил пять. Положение осложняется тем, что Пэнси — не первая школа, которую оставляет юный герой. До этого он уже бросил Элктон-хилл, поскольку, по его убеждению, «там была одна сплошная липа». Впрочем, ощущение того, что вокруг него «липа» — фальшь, притворство и показуха, — не отпускает Колфилда на протяжении всего романа. И взрослые, и сверстники, с которыми он встречается, вызывают в нем раздражение, но и одному ему оставаться невмоготу.

Последний день в школе изобилует конфликтами. Он возвращается в Пэнси из Нью-Йорка, куда ездил в качестве капитана фехтовальной команды на матч, который не состоялся по его вине — он забыл в вагоне метро спортивное снаряжение. Сосед по комнате Стрэдлейтер просит его написать за него сочинение — описать дом или комнату, но Колфилд, любящий делать все по-своему, повествует о бейсбольной перчатке своего покойного брата Алли, который исписал её стихами и читал их во время матчей. Стрэдлейтер, прочитав текст, обижается на отклонившегося от темы автора, заявляя, что тот подложил ему свинью, но и Колфилд, огорченный тем, что Стрэдлейтер ходил на свидание с девушкой, которая нравилась и ему самому, не остается в долгу. Дело кончается потасовкой и разбитым носом Колфилда.

Оказавшись в Нью-Йорке, он понимает, что не может явиться домой и сообщить родителям о том, что его исключили. Он садится в такси и едет в отель. По дороге он задает свой излюбленный вопрос, который не дает ему покоя: «Куда деваются утки в Центральном парке, когда пруд замерзает?» Таксист, разумеется, удивлен вопросом и интересуется, не смеется ли над ним пассажир. Но тот и не думает издеваться, впрочем, вопрос насчет уток, скорее, проявление растерянности Холдена Колфилда перед сложностью окружающего мира, нежели интерес к зоологии.

Этот мир и гнетет его, и притягивает. С людьми ему тяжело, без них — невыносимо. Он пытается развлечься в ночном клубе при гостинице, но ничего хорошего из этого не выходит, да и официант отказывается подать ему спиртное как несовершеннолетнему. Он отправляется в ночной бар в Гринич-Виллидж, где любил бывать его старший брат Д. Б., талантливый писатель, соблазненный большими гонорарами сценариста в Голливуде. По дороге он задает вопрос про уток очередному таксисту, снова не получая вразумительного ответа. В баре он встречает знакомую Д. Б. с каким-то моряком. Девушка эта вызывает в нем такую неприязнь, что он поскорее покидает бар и отправляется пешком в отель.

Лифтер отеля интересуется, не желает ли он девочку — пять долларов на время, пятнадцать на ночь. Холден договаривается «на время», но когда девушка появляется в его номере, не находит в себе сил расстаться со своей невинностью. Ему хочется поболтать с ней, но она пришла работать, а коль скоро клиент не готов соответствовать, требует с него десять долларов. Тот напоминает, что договор был насчет пятерки. Та удаляется и вскоре возвращается с лифтером. Очередная стычка заканчивается очередным поражением героя.

Наутро он договаривается о встрече с Салли Хейс, покидает негостеприимный отель, сдает чемоданы в камеру хранения и начинает жизнь бездомного. В красной охотничьей шапке задом наперед, купленной в Нью-Йорке в тот злосчастный день, когда он забыл в метро фехтовальное снаряжение, Холден Колфилд слоняется по холодным улицам большого города. Посещение театра с Салли не приносит ему радости. Пьеса кажется дурацкой, публика, восхищающаяся знаменитыми актерами Лантами, кошмарной. Спутница тоже раздражает его все больше и больше.

Вскоре, как и следовало ожидать, случается ссора. После спектакля Холден и Салли отправляются покататься на коньках, и потом, в баре, герой дает волю переполнявшим его истерзанную душу чувствам. Объясняясь в нелюбви ко всему, что его окружает: «Я ненавижу... Господи, до чего я все это ненавижу! И не только школу, все ненавижу. Такси ненавижу, автобусы, где кондуктор орет на тебя, чтобы ты выходил через заднюю площадку, ненавижу знакомиться с ломаками, которые называют Лантов «ангелами», ненавижу ездить в лифтах, когда просто хочется выйти на улицу, ненавижу мерить костюмы у Брукса...»

Его порядком раздражает, что Салли не разделяет его негативного отношения к тому, что ему столь немило, а главное, к школе. Когда же он предлагает ей взять машину и уехать недельки на две покататься по новым местам, а она отвечает отказом, рассудительно напоминая, что «мы, в сущности, еще дети», происходит непоправимое: Холден произносит оскорбительные слова, и Салли удаляется в слезах.

Новая встреча — новые разочарования. Карл Льюс, студент из Принстона, слишком сосредоточен на своей особе, чтобы проявить сочувствие к Холдену, и тот, оставшись один, напивается, звонит Салли, просит у нее прощения, а потом бредет по холодному Нью-Йорку и в Центральном парке, возле того самого пруда с утками, роняет пластинку, купленную в подарок младшей сестренке Фиби.

Вернувшись-таки домой — и к своему облегчению, обнаружив, что родители ушли в гости, — он вручает Фиби лишь осколки. Но она не сердится. Она вообще, несмотря на свои малые годы, отлично понимает состояние брата и догадывается, почему он вернулся домой раньше срока. Именно в разговоре с Фиби Холден выражает свою мечту: «Я себе представляю, как маленькие ребятишки играют вечером в огромном поле во ржи. Тысячи малышей, а кругом ни души, ни одного взрослого, кроме меня... И мое дело — ловить ребятишек, чтобы они не сорвались в пропасть».

Впрочем, Холден не готов к встрече с родителями, и, одолжив у сестренки деньги, отложенные ею на рождественские подарки, он отправляется к своему прежнему преподавателю мистеру Антолини. Несмотря на поздний час, тот принимает его, устраивает на ночь. Как истинный наставник, он пытается дать ему ряд полезных советов, как строить отношения с окружающим миром, но Холден слишком устал, чтобы воспринимать разумные изречения. Затем вдруг он просыпается среди ночи и обнаруживает у своей кровати учителя, который гладит ему лоб. Заподозрив мистера Антолини в дурных намерениях, Холден покидает его дом и ночует на Центральном вокзале.

Впрочем, он довольно скоро понимает, что неверно истолковал поведение педагога, свалая дурака, и это еще больше усиливает его тоску.

Размышляя, как жить дальше, Холден принимает решение податься куда-нибудь на Запад и там в соответствии с давней американской традицией постараться начать все сначала. Он посылает Фиби записку, где сообщает о своем намерении уехать, и просит её прийти в условленное место, так как хочет вернуть одолженные у нее деньги. Но сестренка появляется с чемоданом и заявляет, что едет на Запад с братом. Вольно или невольно маленькая Фиби разыгрывает перед Холденом его самого — она заявляет, что и в школу больше не пойдет, и вообще эта жизнь ей надоела. Холдену, напротив, приходится поневоле стать на точку зрения здравого смысла, забыв на время о своем всеотрицании. Он проявляет благоразумие и ответственность и убеждает сестренку отказаться от своего намерения, уверяя её, что сам никуда не поедет. Он ведет Фиби в зоосад, и там она катается на карусели, а он любит её.

Автор пересказа неизвестен